

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ 10
1980

Три голоса

[Из поэмы «Песнь о Давиде Гурамишвили»]

Жуки гудели в воздухе, и вечер,
Густея, мглою степи заволок.
Примчался раненый в ущелье ветер
И на кургане, как казак, прилег.

И ты впивал кукушки зов пьянящий,
Украинских и русских песен строй
И голос ливня, весело гремящий,
Навек залюбовавшись их игрой.

И песни те, и вещей голос птицы,
Как звон и грохот тронувшихся льдов,
Подхватывал ты огненной страницей
Пылавших вдохновением садов.

И русских песен родники-глубины
С родными голосами ты сплетал;
России голос, голос Украины
Навек с судьбой грузина сочетал.

Дабы одной бессмертной вспыхнуть песней,
Чтоб радугой трехцветной капли в ней
И седовласый бог в небесной бездне,
И след скитаний горьких юных дней.

Поистине постиг ты жизни недра
И в книге мудрой крылья развернул,
В ней с вешним трепетом степного ветра,
Ты сочетал обвалов горных гул.

Три голоса зажег ты тростниковым
Своим пером, их завязал.
О братстве трех народов тихим словом,
О дружбе их впервые ты сказал.

10.335

10.335
06.03.57
202-100000

1980

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

К 275-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

ПОЭЗИЯ

- ✓ ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Стихи. Переводы Михаи-
ла Синельникова, Андрея Вознесен-
ского, Игоря Шкляревского, Петра
Вегина 3
- ✓ ЛАДО АСАТИАНИ. Стихи. Перевод Владиими-
ра Шутова 13
- ✓ МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ. Стихи. Перевод с украин-
ского Риталия Заславского 14
- ✓ ВЛАДИМИР ЛУЧУК. Стихи. Перевод с украинско-
го Риталия Заславского 15
- ✓ СТАНИСЛАВ ТЕЛЬНЮК. Стихи. Перевод с ук-
раинского Риталия Заславского 16
- ✓ ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ. Повесть о родословной
грузинских владык. Глава из поэмы. Перевод
Рауля Чилачава 176

ПРОЗА

- СУЛИКО ЖГЕНТИ, РЕЗО ЧХЕИДЗЕ. Секретарь
райкома. Киноповесть. Перевод с грузинского 18
- УШАНГИ РИЖИНАШВИЛИ. Рассказы 58
- АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Нейшневская клятва.
Роман. Перевод Аллы Перим. Продолжение 98

10

1980

МИКОЛА БАЖАН. Поэт скорби и мужества . . .	142
САРГИС ЦАИШВИЛИ. Певец великой правды . . .	146

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

ГРИГОРИЙ БРЕГАДЗЕ. Осуществление ленинской национальной политики в Грузии	182
---	-----

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА.
ВОСПОМИНАНИЯ

Два письма К. Гамсахурдиа к П. Тычине	188
АЛЕКСЕИ МОРНЕВ. Страницы героической летописи	191

РЕЦЕНЗИИ

ТЕЙМУРАЗ ЧИРГАДЗЕ. У истоков древней медицины	205
---	-----

ИСКУССТВО

АЛЕКСАНДР СТРОГАНОВ. Сюита Пикассо о Шекспире. Главы из книги. (Предисловие Виктора Шкловского)	209
ХРОНИКА	221
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	223

**ТРИПТИХ, ПОСВЯЩЕННЫЙ
 ГУРАМИШВИЛИ**

О, предок великий,
 О, прадед,
 Давид,

богоданный Давид!

Ненастье кораблик твой ладит,
 Без днища челнок оснастит...
 Куда, охвативши крылами,
 Швырял тебя шторма обвал;
 Какое изведал ты пламя,
 В пучине какой побывал?!
 И где, у какого порога,
 Упал наконец, изнурен
 Ты всем, что вместила тревога
 Военных и мирных времен?!
 А сердце пронзали жестоко
 Уколы шипов —

невтерпеж

Безжалостность черного рока,
 Людская неверность и ложь.
 Что было зеницею ока,
 Под волны ушло — не вернешь.
 Пусть вынесла буря на сушу,
 Но сколько потерь и утрат!
 Какую же надобно душу,
 Чтоб выжить
 И вынести ад?!
 О, слезное море печали!..
 И зыблется волн забытье,
 Они от Зубовки домчали
 До Грузии горе твое.

II

Но полымя «Давитиани»
 Горит,
 и потомкам света.

978-711

Недаром ты это создание
В слезах возрастил, как дитя.
Высокой тоски не осия,
Ты скорбную
Тронул струну,
И слезы твои оросили —
Потоком —
Родную страну.
Их горечь, их ливень горячий
Над перечнем бед и удач, —
Начало великого плача
Отчизны...
И, слезы не пряча,
Вся Грузия — горестный плач.
Стенанье оглохшего эха
Из прошлого ветер принес...
Но горечь звенящего смеха
Страшной обжигающих слез.
Не сякнет живая криница,
От слез твое сердце горит,
Но смех твой на сердце ложится,
Как будто холодный гранит!
Ценою мученья и крови
Он выкуплен у темноты...
Вот гостя с косою наготове,
Но сыплешь насмешками ты.
И в сердце вонзился, как жало,
Тот смех, и вдогонку за ним
Волнами страну обежало
Тяжелое эхо,
И стала
Вся Грузия смехом твоим.

III

Что богу — житейская скверна
И боль, и соблазнов искус?!
Ты верил в бессмертье безмерно,
Как верил в него Иисус.
Бездетный, ты вырастил сына,

Стихов ты качал колыбель,
Такого, как твой, исполина
Никто не взлелеял досель.
То песней чуть слышной, то звонкой
Пленяя и теща его,
Три голоса пели ребенку...
Цвело трех народов родство.
От слез твоих всходит сиянье —
Цветенье фиалок и роз.
Ликующий «Давитиани»,
Как вихрь, тебя в небо вознес.
Забывший отчизну — родными
Забыв и пропал без следа.
Твое же высокое имя
Над нею возшло, как звезда.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЛИССАБОНСКОМ МУЗЕЕ КАРЕТ

Золотые кареты.
Иные в узорчатой вязи,
Эти — сплошь позолочены,
Полымем озарены...
Сколько их в Португалии!
В блещущем разнообразьи —
Драгоценности мощной,
Моря покорившей страны.
И своих и чужих ужасали
Свирепством и гневом
Короли Португалии,
Но устоять не могли
Перед женским капризом —
Возлюбленным и королевам
Золотые кареты
Дарили ее короли.

Вот под легким навесом
Карета плывет золотая.
Бедный рыцарь — в толпе...
Парень рослый, то этак, то так
Он пытается встать,

Жадно тянется,
Смотрит, мечтая...
Но манящий мираж
Заслонен головами зевак.
Недоступна красавица...
Сдвинулась вдруг

занавеска,

Разом

взоры столкнулись

И выпили душу до дна.
Солнце чуть покачнулось —
В глазах потемнело от блеска...
Он — почти что без чувств,
Потеряла сознание она...
Он, очнувшись, вздыхал,
Он в отчаяньи грезил, бедняга:
«Пусть могилой моей
Золотая карета твоя
Станет, если на миг...»
И соленая слезная влага
Обжигала портрет,
Улыбавшийся золоту дня.
Так случилось не раз,
Что, безумьем любви обуянный,
Без пути и дороги
Летел на коне паладин...
Ну, а этот уплыл
В голубые моря-океаны,
На просторы зыбей,
Где корабль не бывал ни один.
Но нельзя исцелить
Тех, кто эту изведал отраву,
И пустыней морской...
Он тоской бесконечной объят.
Или сгинуть в пучине,
Нырнуть в белопенную лаву,
Иль богатство сыскать,
Баснословный, неслыханный клад,
Чтоб, вернувшись домой,
Встать у этой кареты по праву,
Как прославленный рыцарь —
В мерцаньи серебряных лат!

Чтобы таяло сердце,
Улыбкой волшебной согрето,
Чтоб от скрытой улыбки
Любимой светлели черты,
Чтоб она, выходя,
На плечо опиралась лишь это;
Чтоб очам опечаленным
Ясное небо рассвета
Иногда открывалось...

Все мчалась и мчалась карета,
Наяву и во сне — золотая карета мечты.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ЗАСТОЛЬЕ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Проснувшись от глухого гула,
Я вышел в ночь из полусна,
В саду прохладой сладкой дуло,
Плыла июльская луна.

В углу, где с белизною лоха¹,
Подлунная смешалась желть,
Двум собутыльникам неплохо:
В застолий тесном — Жизнь и Смерть.

Два этих призрака, две тени
Меня зовут и вперевод
Обхаживают, кубки пеня,
Усаживают меж собой.

И долго мы втроем сидели.
Роскошна Жизни сторона —
Как ветви новогодней ели
Украшена и зелена.

А там, где Смерть, от черной гари
Нельзя дышать, и слышен хруст
Сухих ветвей. Как при ударе
Обвял оледенелый куст...

¹ Лох — кустарник с белыми цветами.

Косилась на застолье наше
Луна, и видела: стоят
Перед кувшинами две чаши,
И в той — шербет, а в этой — яд.

Тут — слезы озером шумели,
Там — розы островом цвели.
Оттуда — веянье метели,
А здесь — тепло живой земли...

Гостеприимством грудь согрета,
И, чуть привстав из-за стола,
Одна мне налила шербета,
Другая яду налила.

И вдруг каким-то чудом обе,
Сливаясь медленно в одно,
Исчезли чаши... Их подобье —
Передо мной, полным-полно.

Глаза мне жаркой мглой застлало.
Так жадно пил я жгучий сок,
Пьянел, и все мне было мало,
Но чаши осушить не смог!

Опомнившись, гляжу в смятеньи
И вижу, как при свете дня,
Что — с черной белая — две тени
Уходят в сумрак от меня...

Они бежали рядом, телу
Единому принадлежа,
Тень черная так схожа с белой,
И в чем различье, где межа?!

Слежу, минувшее итожа,
За точкой, тающей в дыму...
Коль смерть и жизнь — одно и то же,
За кем идти, я не пойму!

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Если б тебя не было
 рядом с моей судьбою —
 то для какого неба
 я б возводил соборы?

Дети умчались радостно.
 Вот мы одни с тобою,
 как две половинки раковины,
 выброшенные прибоем.

Годы идут. Все пристальней
 вижу с тоскою острой —
 ты — моя божья пристань,
 мой единственный остров.

Вера моя алмазная!
 Даже уйдя в могилу,
 ставши душой и разумом,
 буду тебе молиться.

Я потому пугаюсь
 той, неземной субстанции —
 вдруг там твой свет погаснет?
 Вдруг мы с тобой расстанемся?

Перевод Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

ПОЧЕМУ ОН ПЛАКАЛ!

Внизу вороны медленно кружились,
 и близко так шуршали облака,
 что если вскинешь —
 не видна рука.

Гость попросил, и мы остановились.
 Он ловко прыгнул, зачерпнул воды
 из родника. И молча отстранился.
 Свидетель века, боли и беды,
 он возле Млети плакать не стыдился.
 Не захотел ни хлеба, ни вина.
 И только часто дергалась спина.
 Мы отвернулись.

Что все это значит?
 И почему здесь чужеземец плачет?

Он у Суэца мыслями витал?
Или мечом размахивал в пустыне?
Зачем он здесь внезапно зарыдал?
Какая боль настигла на вершине?
Он, может, спорил с временем своим
и брови свел, как в юности, жестоко?
Быть может, вновь скитался одиноко
По улицам и пристаням чужим?
Что в этот миг привиделось ему, —
прославленному польскому поэту?
В каком пожаре,

холоде,

дыму

в который раз переходил он Лету?
Безводный путь пылил до облаков.
И страшно выла на луну собака.
Мороз России,

жгучий зной Ирака,

Туман родных болотных берегов.
Сверкал поток и рассыпалась пена.
Пройдя ущелье,

изменился звук,

приедем напоминая вдруг
печальную мелодию Шопена.
Она за ним по горестной земле,
неслышная другим ушам,

скиталась.

Она как пчелы: пряталась в дупле
его души.

И нам передавалась.

И каждый о своем загоревал.

Так много было всякого на свете,
Зачем приезжий плакал возле Млети?
Я не спросил. И гость не рассказал.

Перевод Игоря ШКЛЯРЕВСКОГО

ДВА ДОМА

Это старо уже,

это не ново,

что давным-давно наяву
я живу и у себя дома,
и в доме воспоминаний живу.

С кем такое случилось ранее?
В двух домах

обитаю душой.

Мир волшебных воспоминаний —
вот мой адрес второй.

Орды времени обступают
оба дома,

берут в полон...

Если первый дом не понимает,
ухожу во второй свой дом.

Оба дома люблю до гроба,
берегу, как святые дары...

И, как пес, сторожу их, чтобы
воры не обобрали дворы.

Перевод Петра ВЕГИНА

СТИХОТВОРЕНИЕ, ВРАЩАЮЩЕЕ ВАЛ

[Серьезная шутка]

Неужто колесо цивилиза-
ции земной завертится обратно?
Акрополь рухнет? И нахлынет брато-
убийственная божия гроза?

Неужто сумасшедшие гала-
ктики сорвут свои орбиты?
Народы сгинут? Снова необита-
ема планета станет и гола?

Но где же притаится бог бессмерт-
ной Жизни? Ей немислимы потери.
А без нее пустынная матери-
я станет, словно сброшенный бешмет.

Я верю, умирающая ци-
вильзация сменится иною.
Жизнь вспыхнет обновленно, как при Но-
вом половодье. Мы — ее жрецы.

И толпы непонятных лилипу-
тов или великаны в форме капель
заселят мир. Но некомуникабель-
ность мне не даст постигнуть их толпу.

Как мне представить эту цивили-
зацию? Как туда проникнуть зайцем—
в сигнализирующую нам цивилиза-
цию, словно феникс будущей Земли?

Не утверждайте, что придет Конец.
Присутствуем мы вечно при Начале.
Чье сердце разорвется от печали,
когда не будет на земле сердец?

Перевод Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

ЖАЛОБЫ ГУРАМИШВИЛИ

Царь долго вспоминал про тот цветок,
что был так чист, так бел и беззащитен!
Не взять его с собой Вахтанг не мог,
когда в ущелье вновь цветок увидел.

И думал царь — в розарии богатом
цветок очнется и роскошный сад
окутает нежнейшим ароматом —
как амбра, гиацинта аромат!

Но грустью стал подернут царский лик —
живительным не напитавшись соком,
цветок печально головой поник,
как юноша в краю чужом, далеко...

Вахтанг позвал и петь просил поэта.
Тот пел цветку, как розе соловей!
— Царь! Бедного поэта пожалей —
засох цветок, и все старанья тщетны.

Вот так родимой Грузии вдали,
от гор вдали, синеющих высоко,
землею милой взор не утолив,
как тот цветок, угасну я до срока.

Перевод Владимира ШУТОВА

Украинской песней тоже
Был поэт заморожен,
Карталини далекой
Засиял в ней небосклон, —
С той поры кукушки голос
В песни Грузии вплетен.
Нет давно Гурамишвили...
В росных капельках, чисты,
Рдеют на его могиле
Украинские цветы.

Перевод с украинского Риталия ЗАСЛАВСКОГО

Владимир ЛУЧУК

ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

*Не тот теперь Миргород,
Хорол-речка не та!*

Павло Тычина

Давид Гурамишвили... (ну, а мне
Звучит то имя, как: г о р а м и х в ы л и¹
Славутич подымает)... — по волне
Плывет он биться с турком,

на коне

Летит навстречу грозной шведской силе!
То пленник он, пропавший без следа,
То победитель он — на поле брани,
То хлебороб и мастер... (Но всегда
Над всем восходит вечная звезда,
Бессмертная звезда Давитиани)...
Не потому ли,
смертью смерть поправ,
И нам он дорог стал, как вам, грузины:
На перекрестках мыслей и держав
Он жил, в своей душе навек смешав
Печали Грузии с печалью Украины!

Перевод с украинского Риталия ЗАСЛАВСКОГО

¹ Непереводаемая игра слов: фамилия Гурамишвили звучит почти адекватно сочетанию слов из шевченковского «Завещания» — «горами хвылі», что по-русски значит: горами волны.

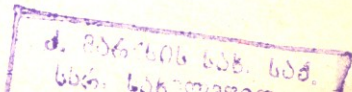
ДАВИД ГУРАМИШВИЛИ

Он мог бы сникнуть в страшном горе —
Рыдать, молиться горячо,
И вдруг забыть родные горы,
Где даже солнце — по плечо,
Где блещет месяц, как подкова
На тонконогом скакуне...
И позабыть родное слово,
Родные песни при огне.
Он сочинять бы мог задорно
На языке чужой страны,
И стал бы классиком придворным,
Пошли бы деньги и чины.
И силы даром бы не тратил,
Ну, а потомки — там, вдали —
Его понять сумели б, кстати,
И оправдали б,
Как могли...
Но снилась Грузия, и снова
Звучали песни в тишине.
И снился месяц, как подкова
На тонконогом скакуне...
И не чужое снилось слово
В чужой
Далекой стороне...
А кто-то беспокожно, глухо
Нашептывал в неясной мгле,
Что не осталось даже духа
От Грузии — на всей земле,
Что дым кругом плывет постылый,
Что странно уцелел на ней
Лишь он, Давид Гурамишвили,
Последний из ее детей.
«К чему рыдать? Несчастный, тише!
Замри, застынь на много лет!
Ну, для кого, скажи, ты пишешь?
Нет Грузии на свете, нет!
Какой ты путь найдешь в тумане?
Какую даль? Какую высь?»

117-276

Порви, порви «Давитиани»
И божьей воле покорись!».
И все-таки душа не меркла:
«Неправда! Грузия жива!
Уйди! Страшны твои слова,
Страшней, чем пушечные жерла!
Но, что там время не таит,
Сквозь тьму веков прорвемся гордо...
Ты видишь, я стою. Не мертвый!
И значит, Грузия стоит.
Стоит с мечом на поле брани,
Стоит не день, не два, не год...
И хоть строку «Давитиани»
В свое бессмертье заберет!»
И шептуны вдруг умолкали
И в норку прятались свою...
А он смотрел куда-то в дали
И видел Грузию в бою.
И слово мучило в изгнание,
И раскалялось, как металл:
И он писал «Давитиани» —
Как будто меч всю жизнь ковал.
И, словно искры возле горна,
Блестали новые слова.
И билось сердце непокорно,
И знало: Грузия жива!
Он мог бы сникнуть в страшном горе —
Рыдать, молиться горячо.
И вдруг забыть родные горы,
Где даже солнце — по плечо,
Где блещет месяц, как подкова
На тонконогом скакуне...
Он мог забыть родное слово,
Родные песни при огне.
И сдаться доле безответно,
И где-то в мареве дорог
Упасть и сгнуться неприметно...
И он бы мог...
А он — не мог!

Перевод с украинского Риталия ЗАСЛАВСКОГО

Сулико ЖГЕНТИ,
Резо ЧХЕИДЗЕ

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Киноповесть

Часть первая

ЖИЛА В ДОЛИНЕ ЛЕГЕНДА

Вдоль раскинувшейся в горах долины тянется прямая серая лента дороги. Далеко-далеко, где она суживается в ниточку, показалась группа людей. Их было человек двадцать. Возбужденно и громко переговариваясь, они волокли орла. Огромные его крылья закрывали всю дорогу, он грозно поводил глазами и пытался клюнуть близстоящих, но люди были осмотрительны и осторожны.

Да, не шуточное это дело — взять живьем орла! Однако что с ним делать, никто не знал.

— Ой, ой, вырывается! — крикнул кто-то.

— Держи крепче, не то вырвется и догоняй потом его в небе!..

— Гела, стукни-ка его еще разочек!..

Гела ударил орла рукоятью мотыги. Орел сразу сник, испуганно втянув голову.

— Куда мы его тащим, надо ведь знать! — спросил толстяк, вцепившийся в крыло орла.

Печатается с сокращениями.

—Куда надо, туда и тащим!
— Куда ж все-таки?
— В милицию, вот куда!..
— Что ему в милиции надо? Вор он, что ли? — удивился бодрый сухопарый мужчина.
— Отпустим его, ребята! Пусть летает!.. — неуверенно произнес Отари.
— Это что же, значит я зря столько мучился?! — обиделся толстяк.
— Как-никак, он царь птиц!
— Кончилось его царствование, — засмеялся Гела.
— Ой, вырывается! — снова раздался крик.
— Живо, стукните его!.. — посоветовал кто-то.
— Не смейте! — послышался вдруг повелительный голос, и занесенная для удара мотыга застыла в воздухе.

На дороге возле машины стоял незнакомец и, нахмурившись, смотрел на Гелу. Тот медленно опустил мотыгу. Незнакомец оглядел суетившихся вокруг орла людей, и на его лице проступила улыбка.

— Где вы его нашли?
— Да он в кустарнике запутался, там его и накрыли, — ответил один из мужчин.
— Погнался, видать, за зайцем, да и врехался в колючки, — пояснил сухопарый мужчина.
— А теперь что думаете с ним делать? — спросил незнакомец.

— Не знаю, — пожал плечами Гела. — Орел-то хороший, сильный.

— Приведем куда следует, там скажут, что с ним делать!.. — вставил Михо.

— Куда это еще? Его место в небе.
— Его так отделали, что и летать, наверное, не сможет, — с сожалением покачал головой Отари.

— А ну-ка, посмотрим! Отпустите-ка его! — предложил незнакомец.

— А если улетит? — засомневался Гела.

— Ну да! Где у него силы летать?

— Все вместе! Разом!..

— Правильно, люди! Отпустим его!

— Ну давайте, все разом!..

Люди отпускают орла. Он нетвердо ступает, вольно по земле одно крыло. Все, затаив дыхание, наблю-

дают за ним. Орел постепенно выравнивает шаг... бежит... расправляет крылья, издает резкий крик и... отрывается от земли.

Возгласы радости, сожаления и удивления вырвались одновременно у всех... Орел, хлопая крыльями, взмыл ввысь, описал круг над людьми...

— Хороший был орел... Красивый, — пробормотал Отари.

— В небе он красивее.

Плавно взмахивая мощными крыльями, орел поднимался все выше и выше.

Близилась полночь, а собравшиеся у здания райкома люди и не думали расходиться. На дороге остановился самосвал. Водитель, высунувшись в окно кабины, спросил:

— Не закончилось?

— Нет еще, — ответили из толпы.

В освещенных окнах задвигались тени.

— Кажись, кончили! — воскликнул кто-то.

Все взоры устремились на дверь. Она распахнулась, и на пороге появился председатель Чокнарского колхоза Карло Галдавадзе.

— Какой воздух! — с наслаждением проговорил он, подставив свежему ветру утомленное лицо.

Следом за ним вышел Георгий Торели и, увидев столько народу, растерялся. К счастью, рядом оказались второй секретарь райкома Аснат Яшвили и председатель райисполкома Гурам Глonti.

— Прошу вас! — Водитель, улыбаясь, открыл дверцу машины.

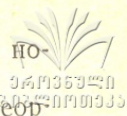
— Спасибо, я пройду пешком, — сказал Георгий и отошел от машины. — До свидания.

Народ стал расходиться.

Улица впереди была разрыта. Несмотря на поздний час, здесь кипела работа. Электросварщики высекали искры огня, гудел компрессор, шум пневматических молотков оглушал все окрест.

Аснат и Георгий пробирались между грудями камней и песка. Парень, стоявший возле компрессора, что-то спросил ее, кивнув на Георгия. Аснат ответила ему, не останавливаясь. Парень проводил взглядом Георгия и склонился к электросварщику.

— Дядя Миша!.. Дядя Миша, смотри!.. Вот наш по-
вый первый секретарь!
Дядя Миша снял маску и посмотрел вслед Геор-
гию:

— Да это же он отпустил орла!

— Его избрали полчаса назад, — сказал парень. —
Зовут его Георгий Торели. Видать, крепкий мужик.

— Посмотрим.. — проговорил дядя Миша, рука-
вом отер пот с лица и продолжил работу.

Георгий и Аснат остановились на перекрестке.

— Тебе сейчас лучше побыть одному, как говорят,
наедине с собственными мыслями, — сказала Аснат. —
А утром я зайду.

— Хорошо! Доброй ночи.

Георгий свернул к гостинице. Радио на площади
сообщало о событиях в мире. В гостиничных окнах бы-
ло темно, двери оказались запертыми. Георгий осторож-
но постучал и оглянулся.

Заспанный швейцар с ворчанием повернул ключ.

— Поздновато пожаловали.

— Извините! — прошептал Георгий.

Швейцар запер дверь, улегся там же на диване и
спросил уже поднимавшегося по лестнице Георгия:

— Угошение-то хорошее было?

— Замечательное, — засмеялся Георгий.

Швейцар мечтательно вздохнул.

В коридоре было темно: дежурная по этажу, вклю-
чив настольную лампу, читала книгу. Взглянув вверх
очков на Георгия, она протянула ему ключи, снова ут-
кнулась было в книгу, но не удержалась и упрекнула
Георгия:

— Кроме вас все спят.

— Кроме меня и вас. Детектив? — спросил Геор-
гий, кивая на книгу.

— Нет, про любовь, — смутилась дежурная.

...В номере Георгий включил свет и отворил окно,
потом снял пиджак, придвинул стул к окну и сел.

Городок спал, только изредка проносилась запо-
здавая машина. Ночной город и во сне своем был кра-
сив и навевал воспоминания. В памяти всплывает яс-
ный день далекого детства...

...Замерли под солнцем горы Эрушети. Лишь стре-
кот кузнечиков нарушает тишину.

По полю идет высокий широкоплечий мужчина. В руке у него палка. Он идет осторожным шагом, как будто прокладывает дорогу во мраке. Порой останавливается, ударяет палкой о землю, прислушивается...

Двенадцатилетний Георгий стоит в открытом поле, опершись о рукоятку кирки, и, затаив дыхание, удивленно наблюдает за отцом.

Фарсман же постепенно уходит вдаль, почти исчезает в синеве горизонта... Останавливается, снова со всей силой бьет палкой оземь, опускается на колени, прикладывает ладони мозолистых рук к разгоряченной земле, осторожно проводит по ней ладонью, словно по лбу больного. На усталом, потном лице его появляется улыбка. Он оглядывается и громко кричит:

— Э-ге-гей!.. Ге-ор-гий!..

Георгий хватает кирку и лопату и срывается с места. Запыхавшись, подбегает к отцу.

— Вот, бей здесь! — показывает Фарсман.

Георгий рьяно орудует киркой. Смолкли кузнечики. Слышится только лишь учащенное дыхание отца и сына да стук кирки и лопаты...

— Вода! — восклицает Георгий. От радости он чуть не плачет.

С каждым ударом их обдаёт грязными брызгами воды, и это вызывает в них неумную радость.

Потом они сидят возле только что родившегося ручейка, усталые и счастливые. Отец достает кисет, закуривает.

Георгий жадно пьет воду, вытирает губы тыльной стороной руки и говорит:

— Какая вода!..

— Вода — это жизнь, — в задумчивости говорит отец. — Вода — это поля, сады и виноградники, это и лес, и луга... Вода — это все...

Георгий не спускает с отца восторженных глаз. В глазах мальчика этот мудрый и сильный человек не только отец, он — божество, которое может оживить эти ржавые горы. Множество родников обнаружил отец в недрах сухой земли, сотням ручейков указал дорогу к полям и виноградникам. А этот родник был последним...

С тех пор Георгий не видел отца...

Теперь уже вторгаются в воспоминания контуры погруженного в сумерки села. Морозный вечер. На пылящий возле дома грузовик отчаянно лают собаки. В кузове машины — столы, стулья и сундук. Перед домом стоит мать — молодая, красивая, в глазах ее — гнев, упрек и мольба. К ногам ее прижалась Нинико, Георгий стоит рядом, остальные братья и сестры стоят возле ограды.

— Никуда не уеду!.. Никуда отсюда не уеду! — в отчаянии твердит мать, обеими руками придерживая шаль, которую срывает ветер. — Здесь похоронены наши отцы и деды...

Из дома выходит седой мужчина. Складывает в машину кирки и лопаты и спокойно обращается к матери:

— Успокойся, Тамар, не невесть куда уезжаешь. Очаг же, придет время, зажжем новый... Были бы здоровы дети, и будет снова гореть очаг... — Потом поворачивается к Георгию: — Не так ли, глава семьи? Ну-ка, прыгай в машину!

Георгий поставил ногу на колесо и прыгнул в кузов. Протянул руку сестре и братьям. Потом крикнул матери:

— Мама, поехали!.. Мы снова вернемся, ты увидишь....

Ветер завыл с новой силой. Грузовик медленно стал преодолевать закрученную серпантином дорогу. Внизу дремлет Тмогвская крепость. В темном ущелье кружатся снежные хлопья...

...Комната наполнилась синеватым рассветным мерцанием. Георгий стоял перед открытым окном.

В дверь негромко постучали.

— Входите! — отозвался Георгий.

В комнату вошла Аснат Яшвили с букетом цветов.

— Доброе утро! — поздоровалась она.

— Здравствуйте!.. Садитесь, пожалуйста, я сию минуту буду готов, — Георгий открыл шкаф.

Аснат подошла к окну.

По ту сторону площади, возле машин в тени деревьев, стояли какие-то люди.

— Ого, явились на разведку, — усмехнулась Аснат.

Георгий подошел к окну и выглянул.

— Что им надо? — спросил Георгий.

— Хотят видеть вас, — засмеялась Асмат. —
до же знать вас в лицо.

— Вечером буду в театре, вот там пусть и смот-
рят на меня, — улыбнулся Георгий.

У подъезда их ждала райкомовская «Волга». Геор-
гий поздоровался с шофером и распахнул дверцу ма-
шины.

— Куда прикажете? — спросил Шакро, включая
мотор.

— Не проехаться ли сперва по городу? — предло-
жила Асмат.

— Хорошо бы, — согласился Георгий.

Машина медленно поехала по главной улице. Го-
родок нехотя просыпался, на улицах стали появлять-
ся редкие прохожие.

— Да, вот что.. Когда вчера на пленуме говорили
о полях Вайо, я не совсем понял... — повернулся Геор-
гий к Асмат.

— Поля Вайо — наша старая болячка, — вздох-
нула Асмат. — Используется лишь шестая часть терри-
тории района, тогда как неоглядные просторы его ос-
таются неосвоенными. А мы все говорим о выявлении
резервов.

— А могут пригодиться те поля для вспашки? —
заинтересовался Георгий.

— Если верить истории и народным сказаниям, ос-
новные виноградники Грузии находились как раз на
этих полях, но их вырубил враги. Когда кто-то из ме-
стных жителей увидел вырубленные, погибшие вино-
градники, он так громко воскликнул: «Вай! Горе
мне!», что все окрест услышали его вопль. С тех пор
поля и называются Вайо.

Шакро остановил машину на перекрестке.

— Куда ехать?

— Поглядим на те поля, а? — предложил Геор-
гий.

Солнце еще не взошло над Джавахети и не развея-
ло в ущелье сиреневые сумерки. Справа и слева от до-
роги террасами поднимались склоны гор... Георгий жад-
но озирался.

Словно озаренные солнцем, отливали золотом ячменные поля.

— ...Склоны, покрытые ячменем, принадлежат ко двору деревни Дахкари... Видишь базилику? Это памятник девятого века, — объясняла Аснат. — А то небольшое озеро народ называет Слезой Тамар. Террасы — незапамятных времен и свидетельствуют о высокой культуре земледелия в этих местах... Хлебные злаки здесь культивировали еще в бронзовом веке.

— А теперь?

— А теперь разве подступишься к этим террасам? — беспомощно развела руками Яшвили. — Необходима горная механизация, а где ее взять?! Специалисты подсчитали, что для обработки этих террас понадобится пять тысяч быков. Легко сказать!..

Проехали утопающую в садах деревню, потом возвышающуюся на горе Хертвисскую крепость.

— Переедем на противоположный берег, здесь где-то должен быть брод...

— Это раньше переезжали вброд... Теперь здесь мост... — отозвался Шакро. Он свернул с дороги к реке и направил машину к дощатому, повисшему на стальных тросах мосту.

Потом начался крутой подъем, и Шакро то и дело переключал скорость... Солнце безжалостно палило. Иногда мимо проезжал грузовик, груженный сеном, привычные к дорогам водители гнали вовсю, и слышался восторженный визг мальчишек, лежавших на сене.

— Как бы не свалились чертенята! — забеспокоилась Аснат.

— Не свалятся, — улыбнулся Георгий.

Из-за поворота показалась «Нива», за рулем которой сидел молодой смуглый мужчина.

— Это председатель Даухвдисского колхоза Зураб Зазадзе, — сказала Аснат. — Шакро, останови-ка.

Зазадзе остановил машину на самом краю пропасти.

— Здравствуй, Зураб! Познакомься, наш новый первый секретарь райкома, Георгий Торели.

— Очень приятно, — Зураб пожал руку Георгию.

— Как дела? — поинтересовалась Аснат.

— Хорошо, — Зураб исподволь разглядывал Георгия. — Такой урожай фруктов, что не знаем, как собрать. И зерна, если не подведет погода, соберем столько, что надо будет строить новый амбар. — Зураб, вспомнив что-то, повернулся к машине и извлек из нее сумку.

— Попробуйте наших фруктов, — с открытой улыбкой предложил он. — У них совсем другой вкус и аромат.

— А хлеб такой, что есть его не устанешь, — добавила Аснат.

Георгий взял из сумки сливу и грушу.

— В Даухвди и виноград был отменный, — сказал он.

— Лозы осталось мало, — Зозадзе беспомощно развел руками. — Не дошли руки у деревни. Виноградник ведь, знаете, какой заботы требует...

— Шакро, поехали! — повернулась Аснат к водителю и, когда машина тронулась с места, крикнула Зурабу: — Ускорь покос, на погоду не надейся!...

Дорога шла все вверх и вверх.

— Ты только прислушайся к названиям здешних деревень: Даухвди, Дахкари, Вайо, Насоплари, Накалакари, Идумала, — рассказывала Аснат. — У всего здесь корни в прошлом.. Вот эта церковь построена во времена Георгия Блистательного. Видимо, здесь было огромное село...

— Было, — подтвердил Георгий, не отрывая глаз от церкви. — Деревня называлась Кидэ.

— Ты отлично знаешь здешние места, — удивилась Аснат.

— Да, знаю, — задумчиво улыбаясь, подтвердил Георгий. Потом обратился к шоферу: — Поезжай-ка вниз.

Машина свернула с дороги на извилистую тропу. Проехав мимо склона, они очутились в Насоплари¹. На возвышенности стояла базилика из розового туфа.

— Говорят, в этом доме жил Александр Македонский, — Аснат показала на развалины. — И быки вон того моста — с тех времен. А верхнюю часть обновляли во времена царицы Тамар.

Они прошли по мосту через вспененную реку.

¹ Насоплари — место, где в прошлом была деревня.

— Сколько подобных деревень в этих краях, болью в сердце покачала головой Асмат. — Некоторые канули в прошлое с течением времени, другие опустели совсем недавно. Люди устремляются в города и долины, ищут легкой жизни...

— Здесь кто-то живет? — спросил Георгий, завидев за холмом сиреневатый дымок.

Георгий и Асмат прошли мимо развалившихся оград и подошли к холму. Небольшой дощатый домик за холмом был огорожен низкой оградой. Из трубы поднималась к небу струйка дыма. Над ульями жужжали пчелы. На склоне горы они увидели старика с мотыгой в руке.

— А... Это Баграт Девносадзе, — узнала его Асмат. — Упрямый старик!.. — шепнула она Георгию, который с любопытством оглядывался по сторонам.

— Здравствуйте, дядя Баграт! — приветствовала старика Асмат.

Старик выпрямился, затенил глаза рукой и оглянулся:

— Дай бог вам здоровья!

— Слушай, ты что, уже переселился? А разрешение есть?

— Какое еще разрешение? — нахмурился старик. — Я пришел на землю моих отцов и дедов.

— Пришел! — недовольно повторила Асмат. — Разве здесь может жить человек? Дороги нет, света нет... А если вдруг понадобится врач? Что будешь делать?..

— Почему ты об этом меня спрашиваешь? — разозлился старик. — Ты — правительство, вот ты и думай обо всем этом. А я здесь лозу посажу, разведу сады...

— У вас ведь в долине есть и земля, и дом, — робко встала Асмат.

— Пусть все это там и остается, — спокойно отвечал старик. — И здесь ведь все, что я сделаю, останется людям, я уже стар, ровесник вот этих камней...

— Познакомьтесь, дядя Баграт, это наш новый секретарь райкома, Георгий Торели.

— Торели? — повторил старик и оглядел Георгия с ног до головы. — Видать, ты из здешних мест, и по облику твоему видно.

— Да, я из здешних мест, --- подтвердил Георгий, но тотчас переключил разговор на другую тему. — Как вы думаете, дядя Баграт, лоза здесь будет расти?

— Растит? — удивился Баграт. Потом, видимо, решив про себя что-то, сказал: — Пойдемте со мной, — и направился туда, где на склоне проглядывала едва приметная терраса. Отодвинув хворост, наваленный у столба, и отложив в сторону лист железа, он сказал:

— Смотрите!

У самого столба Георгий и Асмат увидели ухоженную лозу толщиной в руку. Они молча, затаив дыхание, смотрели на это диво.

— Что за порода? — спросил Георгий и склонился к лозе.

— Не знаю, — с сожалением пожал плечами старик. — Это одна из древнейших пород, но у нас она исчезла.

— Каким же чудом сохранился этот виноград? — с удивлением проговорил Георгий.

— Лоза бессмертна, сынок, — заметил старик. — А теперь пройдемте сюда. — Он пригласил гостей в домик, раздвинул ковер, прикрывающий угол, и показал на старый давяльный камень. — Вот... Ученые люди сказали, что он сделан до рождества Христова, — и с нескрываемой гордостью добавил: — Его сделали мои предки, Девносадзе.

Георгий и Асмат с любопытством рассматривали работу далеких предков Баграта Девносадзе. Старик морщинистой рукой ласково гладил камень.

— Боже, дай мне жизнь до тех пор, пока не забродит в этом камне молодое вино — мачари.

Солнце склонялось к закату, когда гости стали прощаться с Багратом.

— Дядя Баграт, может, и другие хотят переселиться сюда? — спросил Георгий.

— Конечно же, сынок, — убежденно подтвердил старик. — Брат мой уже подготовил себе вон тот двор. Пять семейств Девносадзе собираются сюда из долины и три семьи Бетанели.

— Вот и оживет деревня, — обрадовался Георгий.

— Оживет, — обнадежил старик. — Воздух здесь хороший, вода чистая, земля горячая и плодородная. Разве такая деревня может не ожить?!

Георгий и Аснат сели в машину. Оба молчали видимо, все еще находились во власти увиденного. Машина медленно пробиралась в сумерках. Впереди показалось стадо, овцы испуганно шарахнулись в стороны, ослепленные светом фар. На холмике стоял пастух с транзистором, из которого доносилась тихая музыка.

— Удивительно, почему с возрастом так тянет человека в родные края?.. — задумчиво проговорил Георгий.

Подъем кончился, и машина выехала на равнину. Вдали, на безграничных полях и склонах гор, мерцали огоньки деревень.

— Останови, — сказала Аснат. — Мы в Идумала.

Георгий не шелохнулся. Как замороженный, не отрывал он взгляд от темных силуэтов дворов. У самой машины откуда-то возникла огромная собака и отчаянно залаяла.

Аснат и Шакро вышли из машины. Шакро громко окликнул:

— Хозяин!..

Открылась калитка, и на траву лег квадрат света, его тотчас перекрыла тень появившегося на пороге высокого человека.

— Кто там? — крикнул он в темноту.

— Гости, — коротко ответила Аснат.

— Входите, гости от бога! — пригласил хозяин и прикрикнул на собаку: — Пошла отсюда!

Собака тотчас умолкла и исчезла.

— Здравствуйте! — поздоровалась с хозяином Аснат. — Злая у вас собака.

— Только она и осталась на все село, — печально сказал хозяин. — Остальных порезали волки, одну утащил орел этой весной... Входите... — повернулся он к гостям.. Потом громко позвал: — Автандил!

— Иду, отец! — послышалось из дома, и тотчас к ним вышел юноша с фонарем в руке. Подойдя поближе, он направил луч фонаря на гостей.

— А, это вы! — забеспокоился хозяин, узнав Аснат. — Прошу вас, входите.

— Спасибо. А это наш новый секретарь, — сказала Аснат, — Георгий Терели.

— Терели! — с удовлетворением повторил хозяин. — Из здешних.

Георгий вышел из машины, пожал хозяевам руку, потом отошел в сторону и снова огляделся. В дверях появился другой молодой человек. Почтительно поздоровался с гостями.

— Входите, пожалуйста! — снова пригласил хозяин. — Я мигом накрою ужин, зарежем ягненка...

— Не нужно этого, — остановил Георгий. — Мы с удовольствием просто перекусим.

Хозяин пошептался с сыновьями, те вмиг скрылись в доме.

— Большая у вас семья? — поинтересовался Георгий.

— Девять детей, — гордо произнес хозяин. — Пятеро сыновей и четыре дочери.

— Эти ребята...

— Учатся в Тбилиси, в университете, приехали на каникулы.

— Село большое? — снова спросил Георгий.

— Э, разве теперь это село?! — махнул рукой хозяин. — Семь домов всего. А до войны было...

— Когда-то здесь жило семьсот семей, — заметил Георгий.

— Когда это было, — горько улыбнулся хозяин. — Семьсот — это было в восемнадцатом веке... Скоро вообще здесь никого не будет.

— Почему? — голос у Георгия дрогнул.

— Все бегут отсюда. Вот сыновья доучатся, устроятся в городе на работу, и я к ним перееду. Здесь что? Дороги нет, автобус не ходит, воду издалека приносим.

— Дорога будет, воду проведем, — сказал Георгий.

— Кто проведет?! — послышался из темноты старческий женский голос. — Разве семь семей могут поднять такое дело?

— Идите к нам, бабушка Дареджан, идите, — с улыбкой пригласил хозяин, — вот гости к нам пожаловали.

К ним вышла согбенная седая женщина, похожая на библейских старух.

— Мы и гостей-то редко видим, — сказала она, пожала руку Шакро, затем Асмаат и повернулась к Георгию. Тот подошел к ней, обнял и, по старому обычаю, поцеловал ей подол платья.

— Не узнаю тебя, сынок. — Затенив глаза рукой, старуха оглядела Георгия.

— Это наш новый секретарь райкома, бабушка пояснил хозяин и, прежде чем войти в дом, сказал гостям: — Я сейчас же вернусь.

— Хороший ты, видать, человек, сынок, — ласково произнесла старуха и продолжила: — Теперь в долине во всех деревнях автобусы ходят, всюду воду провели... И все равно все только и рвутся в город. Я-то никуда не думаю уезжать, меня здесь и похоронят, а вот другие-то уходят... Что же, мне: сидеть здесь в одиночестве и ждать смерти? Дорогу надо делать, сынок, воду надо найти. А где теперь найдешь такого человека? Был здесь такой человек, воду мог добыть из голой скалы. Да не дал ему жить злыдень, будь проклят он и прокляты дети его...

— Бабушка Дареджан, где жил тот человек? — с плохо скрываемым волнением спросил Георгий.

— Здесь же, сынок, вон за теми деревьями...

— Не покажете? — как можно спокойнее спросил Георгий.

— Почему бы нет? — тотчас согласилась старуха, достала из внутреннего кармана фонарь и повернулась к Георгию: — Пойдем, сынок.

Она уверенно ступала по земле, покрытой полевыми цветами, и фонариком освещала путь идущим следом. Постепенно она, казалось, все больше и больше выпрямлялась:

— Ты, наверно, хочешь посмотреть зал, многие приходят смотреть его. Таких теперь не строят, все хотят жить в высоких домах. Вот мы и пришли...

Дареджан открыла дверь, все вошли в дом, прошли темный коридор и вышли на кухню, под самым потолком которой нашли приют голуби. Затем они перешли в зал, Дареджан осветила фонарем сперва одну стену, затем другую. Георгий переводил взгляд то на скосившуюся балку, то на обрывки обоев на стене, то на потемневший от времени потолок.

— Какой затхлый воздух, — проговорила Асмаг и осторожно, на ощупь, вышла в коридор.

Луч фонаря скользил по стенам... дымоходу... потолку... Георгий стоял, не шелохнувшись. Вдруг все вокруг заполнилось далекими голосами, такими же ста-

рыми, как стены этого дома, вечно любимыми голосами... Он отчетливо слышал неторопливую речь отца, гомон младших братьев и сестер, голос матери... Вдруг в глаза ему ударил луч света... Голоса тотчас исчезли, только лишь голуби ворковали под потолком...

— Слушай!... — раздался в темноте взволнованный голос Дареджан, — ты, случаем, не тот ли самый Гогия, сын Торели, что бегал здесь?..

Георгий проглотил застрявший в гортани ком и кивнул головой...

— Ты мой дорогой! — шептала бабушка Дареджан и прижимала к груди голову Георгия. — Пришел, сынок?.. Земля позвала, золотой мой мальчик, позвал родной очаг?..

— ...В нашем районе выращивают бесчисленное множество культур. — Георгий, по всей видимости, продолжал давно начатый разговор. Жарко, несмотря на позднюю ночь. Окна широко распахнуты. В кабинете сидели Георгий, Аснат и Гурам... — Кукуруза, пшеница, овес, рис, фасоль... Прежде и лен выращивали. И сегодня еще в покинутых деревнях можно найти жернова и давилни. Раньше в этом был смысл, все необходимое добывал сам крестьянин. Но теперь, в условиях интеграции, это ведь полнейший анахронизм.

— Условия нашего края, разумеется, более всего хороши для виноградников, — проговорил Гурам.

— А разве их здесь мало? — заметила Аснат.

— Мало, — ответил Георгий, — катастрофически мало!

— Ну что вы говорите?! — удивилась Аснат. — И за теми, что есть, мы едва успеваем ухаживать.

— И не успеете, — нахмурился Георгий. — Крестьяне больше заботятся о кукурузе, овсе и пшенице. Как-то у нас в районе средней урожай хлебных?

— Двадцать центнеров считается рекордным, — неохотно отвечал Гурам.

— Разве это урожай?! — махнул рукой Георгий и повернулся к бумагам, лежащим на столе. — Я всю неделю изучал архивы. Прежде край наш выручал всю Грузию. А теперь сами едва обходимся. Мы нередко хвастаем сравнением старых и новых показателей. Так

вот, знаете ли вы, что сто лет назад под виноградниками здесь было больше площади, нежели сейчас?

— Винограднику нужен виноградарь, — недовольно проговорил Гурам.

— В том-то и дело, — согласилась Аснат. — Люди разбрелись по долинам и городам, деревни опустели.

Дверь приоткрыл Полиактор. В руках у него — кипа бумаг.

— Можно? — спросил он.

Георгий кивнул головой, взглядом указал на стул, затем снова повернулся к Аснат и Гураму:

— Социально-экономическому развитию нашего района следует придать главное, я бы сказал, стратегическое направление. По нашему глубокому убеждению, это должна быть культура винограда, — Георгий встал, прошелся по кабинету, остановился у стены. — О том, что я вам скажу сейчас, я много думал, возможно, думал об этом всю свою жизнь... Потому прошу вас — прежде чем вы будете спорить со мной или поддерживать, подумайте как следует.. Мы должны приступить к освоению полей Вайо, здесь от края и до края должен расти виноград.

Аснат было вскочила со стула, но, вспомнив слова Георгия, улыбнулась и вновь села.

— Говорите, — подбодрил ее Георгий.

— Боюсь... — нерешительно начала Аснат. Потом продолжила настойчивее: — Боюсь, как бы мы не впали в утопию... Поля Вайо... Они бескрайни, а поблизости лишь заброшенные деревни, нет дорог, нет воды..

— Следовательно, надо, чтоб деревни ожили, надо провести дороги, наладить оросительную систему.

— Все это связано со сложнейшими проблемами, — неуверенно покачала головой Аснат.

— Разумеется, — согласился Георгий. — Это гораздо сложнее, нежели мы представляем себе.

— Большие дела всегда связаны с большими трудностями, — проговорил Полиактор.

Георгий повернулся к Гураму:

— Почему вы молчите?

— Не знаю, что и сказать, — Гурам в задумчивости пожал плечами. — Поля Вайо отвести под виноградники... Это давняя боль и мечта всего нашего

края... Вы так неожиданно подняли этот вопрос... Для нашего района немислимо дело такого масштаба.

— Послушаем председателя планово-экономического отдела! — повернулся Георгий к Полиактору.

— Пока что наши заключения неокончательные, — словно извиняясь, начал Полиактор и уткнулся в бумаги: — Да, необходимо провести большие подготовительные работы. Но одно уже ясно: обратный экономический коэффициент затраченных на освоение полей Вайо средств будет настолько велик, что откладывать это дело на год — значит отказаться от доходов в миллион рублей ежегодно!..

— Да, но... — Гурам с сомнением покачал головой. — У нас ведь пока нет даже агрохимического анализа почвы. То, что там некогда были виноградники, еще ничего не решает.

— Я ознакомился с рельефной экспозицией полей Вайо, — сказал Георгий. — Почва в основном структурная и довольно рыхлая.

— Но она на протяжении веков не культивировалась, — заметил Гурам.

— Сейчас не будем говорить об этом, — мягко попросил Георгий. — Давайте доверим основательное изучение этого вопроса специалистам, подготовим детально разработанный план и проект для представления в Совет Министров. Если проект будет убедительным и нас поддержат, мы сумеем поднять Вайо... А теперь поговорим о самой идее.

— Идея, конечно, великая, — мечтательно произнес Гурам.

— А я боюсь, как бы мы не ушли от реальности, — с сомнением покачала головой Аснат.

— Если под реальностью вы подразумеваете сегодняшние проблемы нашего района и каждодневные его мелкие заботы, тогда, разумеется, вы правы, мы вынуждены будем уйти от реальности, — хмуро заметил Георгий.

— Между прочим, — обиделась Аснат, — большего мечтателя, чем я, на этом свете и не найти.

— Мне теперь необходимы мечтатели-соратники, — улыбнулся Георгий. — И как жаль, что пока у меня их нет.

Некоторое время они сидели молча. Потом Гургам сказал:

— Я понимаю, за такое дело без веры не возьмешься.

— Да какой же олух может не верить в доброе дело! — неожиданно вспылила Асмат. — Еще ребенком я слышала от бабушки, что ему снятся виноградники на полях Вайо.

Вечер. Сидя за столом, освещенным настольной лампой, Георгий не спеша перелистывал книгу и что-то записывал в тетрадь... В тишине библиотеки слышен был лишь шелест перелистываемых страниц... К Георгию подошла библиотекарь, положила перед ним стопку книг:

— «Основы почвоведения» в каталоге не нашла. Можно выписать из Публичной библиотеки.

— Буду вам очень благодарен, — отвечал Георгий.

— Хорошо, завтра же выпишем.

Из соседней комнаты вышел старик, директор библиотеки. Одни очки были у него на глазах, другие — на лбу. Он оглядел читальный зал, подошел к Георгию и шепнул ему:

— Вас вызывает Тбилиси...

Георгий не сразу понял, что ему говорят. Снял очки и растерянно взглянул на старика.

— Звонят из Тбилиси. Вас вызывает Центральный Комитет.

Георгий встал, быстрым шагом прошел в кабинет директора, снял трубку.

— Слушаю!.. Здравствуйте!.. Пока что все нормально... Снабжение?.. Если поможете, что может быть лучше!.. Да.. Мы теперь здесь бьемся над одним вопросом... Да, да, вопрос касается использования резервов... Я говорю о полях Вайо... Конечно, масштабы грандиозные... Мы думаем, настало время... И вы так думаете? Очень приятно... Да, без помощи руководства республики мы, наверное, не осилим... Спасибо... Понятно.. До свидания!.. — Георгий положил трубку, задумался, потом улыбнулся своим мыслям и направился к столу.

Он вернулся к себе поздно ночью, принял ванну. Но усталость не покидала его. Он подошел к окну, вы-

глянул, но ничего не увидел — все его мысли, все думы были связаны с полями Вайо. Георгий прошелся по комнате, мысленно подсчитывал и обдумывал «Поля Вайо — это две тысячи гектаров виноградника. Две тысячи! Осилит его район?.. Скажем, на каждый гектар — по одному человеку... Это уже две тысячи человек... Две тысячи, как минимум!.. Потом?.. Дорога, подвоз удобрений, вода.. Да, вода!.. Вот главная проблема! Вода там есть, найти ее надо, пустить по каналам... Это лишние рабочие руки... Главное все-таки вера... А может, все это и в самом деле лишь беспочвенная мечта? Товарищ Георгий, не оторвался ли ты от реальности, ну-ка, подумай как следует!.. Нет, нет! Шесть лет мечтали, теперь настало время осуществить эту мечту, должны поверить, что настало для этого время, иначе ничего не получится. Я должен убедить их... Все должны верить в это, иначе не осилим... Механизация, разумеется, необходима, полная механизация... — Георгий присел на кровать, придвинул к себе стул, разложил бумаги и взял ручку. — Таким образом, пишем: две тысячи гектаров, это будет... на каждый гектар в среднем десять тысяч саженцев лозы, десять тысяч на две тысячи... Два миллиона корней. Это приблизительно миллион центнеров промышленного винограда можно получить... Постой-ка, постой, до винограда еще далеко! Скажем, на каждую лозу в среднем в сутки надо будет десять литров воды... Это двести миллионов литров. Необходимо водохранилище... Это еще одна проблема!. Зато вода, ушедшая в виноградники, возвращается вином... Итак, водохранилище!..»

Георгий увлекся, писал, вычеркивал, снова писал. Потом встал, взял книгу, раскрыл ее. Снова стал писать...

В окно заглядывала ночь. Глубоким, спокойным сном спал город...

На следующий день Георгий вызвал к себе начальника районного дорожного управления Шота Беродзе.

— В нашем районе восемнадцать бывших деревень, — обратился он к Шота, — не слишком ли это много для одного района?

— Разумеется, — тотчас согласился Беродзе. — Я тоже часто думаю об этом.

— Вряд ли, -- мрачно произнес Георгий. — Как вы думаете, почему жители оставили эти деревни? — Как сказать... — замялся Беродзе. — Здесь много причин...

— Причина одна, — недовольно обрезал его Георгий. — Когда была эпоха телег и коней, у людей была дорога, необходимая для этого, когда же пришла эра автомобиля, тамошние жители оказались в прошлой эпохе. А жить в прошлом люди не могут и не хотят.

— Нельзя же все грехи приписывать мне! — обиделся Шота Беродзе. — Бездорожье одна из причин, я этого не отрицаю, но главное все-таки то, что люди не имели электричества, кино, телефонов, телевизоров.

— Верно, не имели, — согласился Георгий. — Не имели потому, что современность не может прийти в горы аробными дорогами.. Между прочим, потому и опустели Хевсурети, Тушети... Скоро, наверное, вообще в горах никто жить не будет... Грузия — горная страна, и что делать грузину, если опустеют горы? В скольких деревнях на сегодняшний день нет рейсовых автобусов?

— Приблизительно,.. — Беродзе возвел глаза к потолку.

— Не приблизительно, а точное число! — прервал его Георгий.

— В пяти... — поспешно ответил Беродзе. — Точно в пяти селах.

— Следовательно, в скором будущем следует ожидать, что опустеет еще пять деревень.. Но.. перейдем к главному вопросу, — Георгий придвинул к Беродзе стул. — Вы, наверное, видели поля Вайо?

— Разумеется.

— Какие дополнительные средства необходимо выделить, чтоб провести дорогу ко всем покинутым селам и связать их с полями Вайо? — Георгий взял карандаш и блокнот. — Я имею в виду хорошие автомобильные дороги.

— Кому нужна дорога к полям Вайо? — удивился Беродзе.

— Нам нужна, — отрезал Георгий. — Освоение полей Вайо мы должны начать с проведения автомобильных дорог.

— Но какими средствами, товарищ секретарь? — разволновался Беродзе. — Нами не предусмотрены та-

кие расходы. Необходимы для этого утвержденная смета расходов, отдельный фонд...

— А если мы начнем это дело за счет работ, которые могут подождать... Использовать также расходы по ремонту дорог...

— Ну что вы! — беспомощно развел руками Беродзе. — Меня же за это привлекут к ответственности. С меня сдерет кожу сначала народный контроль, а затем прокуратура.

— Да, с ними шутки плохи, — согласился Георгий. Потом задумчиво продолжил: — Оживление деревень зависит прежде всего от дорог... Эх, если бы вы знали, как мне нужны эти дороги!.. Знаете что? Давайте поступим так: я дам вам по этому вопросу письменное указание. Вы так же официально и обоснованно откажете мне. Я обращусь к вам во второй раз... В этом случае вся ответственность ложится на меня.

Беродзе глубоко задумался.

— Ну, рискните! — подбодрил его Георгий. — Я ведь говорю: всю ответственность беру на себя!..

— Тогда я согласен, — вымолвил Беродзе.

— И колхозы вам помогут, — пообещал Георгий. — Есть у них на дороги соответствующие фонды, а они могут немного подождать. Сколько вам дней понадобится, чтобы представить свои предложения?

— До конца недели... — нерешительно произнес Беродзе.

Георгий кивнул головой и что-то записал в блокнот.

— Жду вас шестнадцатого, в три часа.

— Понятно... — Беродзе встал, пожал Георгию руку и направился к двери, но тут же остановился и обратился к Георгию:

— Не нужно мне никакого письменного указания.. Я человек маленький, и наказание будет соответствующее, — и не дожидаясь ответа, вышел и закрыл за собой дверь.

К окнам кабинета подступила темнота. Георгий включил свет.

В кабинет заглянула секретарша.

— Пришел Тамаз Урушадзе...

— Просите.

В кабинет вошел молодой мужчина в очках. Георгий предложил ему сесть поближе к столу.

— Садитесь и расскажите мне, пожалуйста, подробнее о нашей реке.

Тамаз бросил на Георгия удивленный взгляд.

— Вас интересует наша река? — спросил он, не веря своим ушам. По лицу его разливается довольная улыбка.

— Да, наша река, — ответил Георгий. — Что тут удивительного?

— Как сказать... До сегодняшнего дня никто не интересовался ею. У всего в районе есть хозяин: у садов, виноградников, у полей, только не у реки. Течет она сама по себе, и никому до нее нет никакого дела.

— Наверное, потому-то от нее пока что нет никакой пользы, — заметил Георгий.

— О какой пользе можно говорить, одна беда! Вы знаете, как остро стоит проблема пресной воды во всем мире. Надо принимать во внимание каждую каплю, не говоря уже о такой реке, как наша. Мы же используем реку только для купания и рыбалки.

Георгий поставил стул рядом со стулом гостя.

— Дорогой Тамаз, думали ли вы когда-нибудь о такой проблеме, как орошение полей Вайо?

Тамаз покачал головой.

— Нет. А почему надо поливать эти поля?

— Чтоб посадить там лозу.

Тамаз отодвинулся и удивленно посмотрел на Георгия.

— Вы шутите?

— Нет...

— Кто же будет там ухаживать за лозой? — недоумевал Тамаз.

— Меня интересует, что вы можете сказать об орошении этих полей...

— Не знаю... — Тамаз пожал плечами. — Я никогда не думал об этом, я, признаться, фантазер, но не утопист.

— Вы думаете, виноградники на полях Вайо — утопия? — со скрытой обидой спросил Георгий.

— Утопия! — отрезал Тамаз.

Георгий сидел молча, уставившись в стол, потом поднял голову и посмотрел на Тамаза с грустной улыбкой.

— У меня к вам большая просьба — подготовьте заключение о том, каковы реальные надежды на орошение полей Вайо.

— Хорошо, — без всякого энтузиазма ответил Тамаз и встал. — До свидания!

Георгий молча кивнул. Тамаз вышел. Георгий сидел не двигаясь, обхватив голову руками.

Во всем здании было тихо... Только тикали настенные часы: тик-так... тик-так... тик-так..

Вдруг тишину пререзал телефонный звонок. Георгий поспешно схватил трубку.

— Говорите с Тбилиси, — услышал он голос телефонистки.

— Мама! — крикнул Георгий.

— Как поживаешь, сынок? — донесся издали ласковый голос матери.

— Хорошо, мама... Как вы?

— Хорошо. Еще два экзамена, и Саломе закончит институт. Был в Идумала?

— Был.. Дом наш все стоит...

— Видимо, за ним присматривали... Мир не без добрых людей.

— Ты права... — задумчиво подтвердил Георгий.

— Хорош наш край, сынок, но все, кого я видела, говорят, что жить там трудно. Теперь многое зависит от тебя... Сам знаешь, не подкачай.

— Да, мама, работы здесь по горло. А вы когда приедете?

— Вот сдаст Саломе экзамены и приедем.

— Иораму передай, пусть едет. Здесь замечательно. И Тамаза захватите. Передай всем нашим, пусть возвращаются.

— Скажу, Георгий, всем скажу. Но послушаются ли они?

— Попроси, скажи, что деревни здесь пустуют, я думаю переселять жителей из других районов, а здесь ведь их корни.

— Скажу, Георгий, всем нашим скажу, — пообещала мать.

155920
20372110333

— Здесь людей мало, а город обойдется без них...

На рассвете Георгий и Аснат вышли из здания кома, сели в машину. Мимо них проехала машина ской помощи, из которой доносился громкий плач женщины, в машинах, идущих следом, сидели печальные люди.

— Шакро, ты не знаешь, что там стряслось? — спросила Аснат.

— Вчера вечером умер Шаладзе из Кватиты, — хмуро проговорил шофер, потом включил мотор и добавил: — Двадцать лет было парню... Аппендикс лопнул...

— Что ты! — ужаснулась Аснат. — Неужели не могли помочь вовремя?

— Пока разбудили дежурного врача, пока искали хирурга, потом операционную сестру.. — Шакро не договорил, вытащил из кармана сигарету, закурил, глубоко затянулся и вместе с дымом выдохнул: — Тем временем у парня началось заражение крови... А говорят, что если бы вовремя сделали операцию, парень остался бы жив.

Некоторое время все молчали. Впереди, над горами, парил в чистом небе орел.

— Гляди-ка! — протянула руку Аснат. — Почему орлы любят парить над ущельем?..

— Там восходящий поток воздуха и им там вольно, — пояснил Георгий. — Знаете, однажды у моего друга-летчика в полете отключился мотор, и пока он заводил его, самолет удержался благодаря этому потоку.

— В какой авиации вы служили?..

— Я танкист. С авиацией у меня другая связь. Работал парторгом на авиационном заводе. — Георгий устало смотрел в зеркало. Мысленно он был где-то в другом месте. Внезапно он принял какое-то решение и обратился к шоферу: — Поверни машину, Шакро, поедem в больницу.

Шакро круто развернул машину и погнал ее в обратном направлении.

На крыльце больницы стояло несколько больных. Георгий постучал в дверь, щелкнул замок и в щель просунул голову старик в белом халате.

— Посещение больных — с пяти, — прошамкал он.

— Позовите дежурного врача, — попросил Георгий.

— Он занят... Вот еще, будет он выходить к какому-нибудь больному, — заупрямился швейцар.

— А ты ему рублик дай, он и пропустит! — посоветовал ему больной на костылях.

— Я тебе покажу рубль! — прикрикнула Аснат на больного и подошла к двери. — Открывай, дед!

Дверь тотчас же открылась...

В сумрачном коридоре стоял резкий запах скипидара, под ногами раздражающе поскрипывал паркет. Двери некоторых палат были открыты, и виднелись бледные лица больных. Две кровати стояли в коридоре. На одной из них тихо стонал больной..

С противоположного конца по коридору быстрыми шагами приближалась дежурный врач — высокая, худая женщина.

— Здравствуйте! — поздоровалась она с Аснат. Аснат представила ей Георгия.

— Это наш новый первый секретарь товарищ Торели.

— Очень приятно, — врач протянула Георгию руку.

— Где главный врач? — осведомился Георгий.

— Дома... — удивилась женщина.

— Почему дома? — в свою очередь удивился Георгий.

Дежурный врач пожала плечами и глянула на часы.

— Вероятно, спит...

— Видимо, у него крепкие нервы, если он может спокойно спать при таком положении дел в больнице, — насупив брови, проговорил Георгий.

Дежурный врач сделала какой-то знак глазами вышедшей из боковой комнаты заспанной фельдшернице. Та встрепенулась и суетливо, бочком скользнула в дверь.

Георгий шел по коридору, осторожно приоткрывал двери и заглядывал в палаты. Дежурный врач следовала за ним по пятам. Они дошли до кабинета главного врача. Дежурный врач ключом открыла дверь, обитую дерматином, и они вошли в кабинет.

— Почему больные лежат в коридоре? — спросил Георгий.

— Как вам сказать... — дежурный врач нервно теребила в руках стетоскоп... — Палаты переполнены. И вот...

— Я видел две совершенно пустые палаты, — прервал ее Георгий.

— Да, да... Но... эти палаты в распоряжении здравотдела.

— Для высокопоставленных больных, — усмехнулась Аснат.

— Это меня не касается, — сухо проговорила врач. — Я тут рядовой врач.

— Если вас не касаются дела больницы, значит, вы не рядовой врач, а из ряда вон выходящий! — со сдержанным раздражением заметила Аснат.

Георгий придвинул к Аснат телефон.

— Попросите членов бюро через полчаса собраться здесь, и заведующего здравотделом тоже.

Спустя время в кабинете главного врача собралось все руководство района.

— ...Думаю, разговоры тут излишни, товарищи, — говорил Георгий. — Положение достаточно ясно. Вчера ночью здесь, в этой больнице, погиб больной, — Георгий повернулся к главврачу. — Прошу объяснить, можно было его спасти?

Главврач, кряхтя, поднялся с места, посмотрел на заведующего здравотделом, отер платком блестящую лысину и с волнением заговорил:

— Да, так случилось... Случилось несчастье, конечно... Можно ли было спасти больного? Видите ли, трудно сказать. Вообще-то острый приступ аппендицита — не та болезнь, от которой не было бы спасения.

— Можно ли было его спасти? — настойчиво повторил Георгий.

— Вероятно, можно было... Точнее, кто знает... К сожалению, на месте не нашлось эффективных антибиотиков... Положение было очень тяжелое, развился перитонит... Вот если бы мы вызвали из города опытного врача...

— А почему не вызвали? — с той же настойчивостью спросил Георгий. — Почему не позвонили в соседние районы, может быть, у них нашлись бы те эффективные антибиотики, которых почему-то не нашлось у вас? Почему не связались с Тбилиси, с Главным ап-

течным управлением?! Почему не потребовали доставить сюда самолетом, срочно, опытного хирурга?

— Мы не решились среди ночи беспокоить столько людей... — попытался оправдаться главврач.

— Как?! — вспыхнул Георгий. — Знали, что человека можно спасти и «не решились беспокоить людей»? Да надо было все и всех на ноги поставить! Ведь это убийство! Да, да! Когда у врача погибает больной, которого можно спасти, — это убийство!

Начальник районной милиции Николадзе взглянул на председателя райисполкома Гурама Глонти, тот отвел глаза и пожал плечами.

— Если вы взвалите на нас, врачей, такие невероятные обязанности, то мы вовсе не сможем работать, — главврач в отчаянии развел руками. — Я всегда стараюсь...

— Да ничего ты не стараешься! — вскипела вдруг Асмат Яшвили. — Чего только я не слышу об этой больнице! Люди твердят в один голос, что без денег здесь никакая операция не делается!

— Какие люди?.. — со страдальческим лицом спросил главврач.

— Наши люди, люди этого района!..

Гурам Глонти осторожно тронул за локоть заведующего здравотделом Торнике Сепертеладзе, тот кашлянул и тяжело поднялся с места.

— Товарищи, все, что здесь было сказано, настораживает и заставляет глубоко задуматься, — спокойно начал он. — Наш уважаемый первый секретарь — человек новый, и он свежим глазом увидел все те постыдные недостатки, которых мы, к сожалению, не замечаем. Мы, конечно же, проведем решительные мероприятия для искоренения этих недостатков. Да, да, мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не убедимся, что оставляем надежный коллектив, борющийся за здоровье трудящихся. Но, товарищи, — тут Сепертеладзе глубоко вздохнул и на лице его появилась мученическая улыбка: — Не будем возводить в катастрофу отдельные недочеты и ошибки; наш первый секретарь, вероятно, еще не знает о тех успехах и достижениях, которые имеются в работе учреждений здравотдела нашего района и, в частности, этой самой больницы. Вчера тут случилось несчастье, умер молодой человек, но, то-

варищи, я должен доложить вам, что это был единственный смертный случай за весь год. Да, да, единственный. Именно за эти замечательные показатели славному коллективу нашей больницы вручается переходящее Красное знамя Министерства здравоохранения!

— Вы закончили? — спокойно спросил Георгий.

— Закончил, — с уверенностью ответила за него Асмат и придвинула Сепертеладзе стул. — Садись...

Делать было нечего, Сепертеладзе развел руками, робко выражая протест, и сел.

Георгий некоторое время молча смотрел на стол, потом тихим голосом заговорил:

— Тут шла речь о достижениях, которые, якобы, имеются в больнице. Это неверно. Данные о том, что в больнице на протяжении года был лишь один смертный случай, ложны.

— Это клевета! — стукнув по столу, истерично выкрикнул главврач. — Прошу товарищей проверить документацию больницы!

— У жизни своя документация, — с трудом сохраняя спокойствие, ответил Георгий. — И ее документы точны! Только в прошлом квартале были выписаны двое больных в тяжелом состоянии. Один из них умер в дороге, второй прожил всего один день. Вот каким образом вы добиваетесь успешных показателей! — Георгий оглядел собравшихся и повысил голос: — Поэтому знамя, о котором сейчас говорилось, никто не внесет в это учреждение... Это было бы осквернением всего того святого и чистого, символом которого является знамя. Можно ложью и фальшью нажать состояние, это верно, но мы и до них доберемся, и за знамя пусть никто не хватается грязными руками!

«Волга» мчалась по проселочной дороге. В машине сидели Георгий и Гурам. Временами слышался далекий гул, словно били по земле огромным молотом.

— Как мы можем равняться на общие союзные показатели? — беспомощно развел руками Гурам.

Георгий ответил не сразу, он не мог оторвать взгляда от крестьянина, работающего на склоне. Крестьянин был подстрахован веревкой.

— Но так жить тоже нельзя, — после долгого молчания проговорил он задумчиво. — Вероятно, следует

искать новые формы организации труда, подумать о новых методах материального стимулирования и поощрения.

— Мы многое перепробовали, но здешний ландшафт остался неизменным, — горько улыбнулся Гурам. — На этих скалах и оврагах собирают в среднем восемь центнеров кукурузы с гектара.

Они проехали лесистый холм, и вдруг на склоне скалистой горы вырос перед ними храм.

— Памятник одиннадцатого века, — сказал Гурам, — а рядом развалины древнейшей академии...

— Знаю... — проговорил Георгий.

— Может быть, зайдём? — спросил Гурам.

Георгий молча кивнул головой.

В противоположном конце зеленого двора, где Шаро остановил машину, высокий старик что-то увлеченно рассказывал группе экскурсантов. Ветер играл его белыми, как снег, волосами и донес до прибывших обрывки фраз:

— ...Академия в Фазисе, Гелатская академия... Икалтойская академия... Воспитывались звезды философии и поэзии... Иоанэ Атонэли, Чахрухадзе, бессмертный Шота...

Георгий и Гурам обошли храм кругом. Осмотрели колокольню и направились к академии. Старик же повел экскурсантов осматривать храм. Поравнявшись с Георгием и Гурамом, он с достоинством поклонился им.

От здания академии остались лишь стены каменной кладки да сводчатые окна в глубоких нишах. Георгий и Гурам снова направились к храму. Экскурсанты стояли перед южной стеной храма и слушали старика, затаив дыхание.

— Обратите внимание на орнамент стен, в декоре преобладает мотив лозы и винограда... Да, Грузия издревле была страной винограда и вина, вспомните библейскую легенду, а также другие легенды и сказания о сотворении вина. Русский ученый Кагаров, немецкий Хейн, швейцарец Декандоль и многие другие родиной лозы считают Грузию. Как уже доказано, от грузинского слова «гвино» произошло латинское винум, греческое винос, хеттское виана, немецкое вайн, русское вино, арабское ваинум, ассиро-вавилонское ину...

Вновь донесся знакомый дальний грохот. Старик на, окинул холодным взглядом руководителей района, потом повернулся к своей группе и заговорил, повысив голос:

— Друзья мои, прислушайтесь к этому грохоту! То, что не под силу оказалось всемогущему времени, что не сумели смести завоеватели, рушат теперь местные вандалы. Да, в руках у них динамит. Вы уже видели осыпавшуюся мозаику, теперь я покажу вам треснувшие стены... Пожалуйте!..

Георгий взглянул на Гурама. Тот молча опустил голову и открыл дверь храма.

— Что же все-таки происходит? — остановил его Георгий.

— Карьер взрывают, — неохотно отозвался Гурам. — Базальтовый карьер совсем рядом. — Он вдруг распалился: — Дважды мы выносили постановление о прекращении взрывов. Ничего не помогло. Я ничего не добился!..

— В нашей стране исторические памятники находятся под охраной государства, — напомнил ему Георгий. — А ты здесь — советская власть. Кто управляющий трестом?

— Мераб Сетуридзе, — ответил Гурам.

— Понятно... — проговорил Георгий, зачарованный великолепием и красотой росписи храма. Все молчали, разглядывая стены, расписанные кистью гениального мастера. Из глубины неоглядного купола глядел на них, как из дали вечности, сам господь-бог... И снова послышался отдаленный гул — точно земля застонала. Цветной камушек, сорвавшийся с купола, упал на каменный пол... Георгий обернулся к Гураму:

— Немедленно поедem туда и ты объявишь карьер закрытым. Именем советской власти...

На рассвете в ущелье Куры показалась группа всадников. Впереди ехал Гурам. Иногда он пускал коня, вскачь, потом, резко натянув удила, поворачивал коня вставшего на дыбы. Гурам явно красовался. Из-за горки появилось трое всадников в форме пограничников. Впереди ехал офицер. Заметив Гурама, он по-военному вскинул руку:

— Товарищ председатель райисполкома...

— Здравствуйте, товарищ Ткачев! — приветствовал его Гурам и представил Георгия. — Познакомьтесь, наш новый секретарь райкома Георгий Торели.

Георгий и Ткачев протянули друг другу руки.

— Вот едем в Халибаури, — Георгий огляделся. — Посмотрим, можно ли оживить бывшие деревни...

— Хорошо бы было. Тогда и нам будет легче слушать.

— ...Что конкретно необходимо для того, чтоб взяться за это дело? — поворачивается Георгий к Тамазу Урушадзе.

— Насосы и трубы у нас есть, — ответил Тамаз. — Надо подвести к этим склонам электричество.

— Где наше сельэлектрo? — поинтересовался Гурам и крикнул: — Петрович!.. Товарищ Дерюгин!

Дерюгин приблизился к ним на своем низкорослом коне. Это был высокий, худой мужчина, длинные ноги его почти касались земли.

— Петрович, ты бы продел ноги в стремяна, — посоветовал Беродзе.

— Да ну ее, эту клячу... — проворчал Дерюгин и с трудом догнал Георгия.

— Слушаю вас, товарищ секретарь.

— Что еще необходимо, кроме реки, разумеется, чтоб пустить воду на эти склоны? — спросил Георгий, показывая плеткой на склоны гор.

— Насосы и трубы...

— И все?..

— Ну как же! Еще электроэнергия...

— Так что же? Может быть, это дело поручить районной библиотеке или краеведческому музею? — засмеялся Георгий.

Дерюгин бросил на Тамаза Урушадзе недовольный взгляд.

Свернув с главного пути, они повстречались со строителями дорог... На вновь проложенной трассе гудел трактор. Бульдозер упрямо расправлялся с грудой камней и щебня.

Рядом с Георгием тотчас появился на вороном коне Шота Беродзе.

— Отсюда дорога пойдет вот так, а дальше, через два поворота, поравняется с полями Вайо, на пятом километре — горные породы, используем аммонал.

— Когда дойдете до Халибаури? — поинтересовался Георгий.

— До наступления зимы, — ответил Шота Беродзе. Георгий недоверчиво уставился на него. Беродзе было замаялся, потом твердо пообещал:

— Дойдем, товарищ секретарь.

— Дорога необходима сейчас как воздух, не подкачайте!

Мимо на белом коне промчалась молодая женщина в светлом платье. Это была заведующая районным отделением народного образования Лия Коринтэли. Асмат проводила ее восхищенным взором:

— И теперь не поверят, что предками наших женщин были амазонки?

— И у мужчин были предки не хуже! — засмеялся Георгий и стеганул плеткой сначала коня Асмат, затем своего.

Кони сорвались с места. Георгий мчался, подавшись вперед, все больше и больше раззадоривая и без того разгоряченного коня. Асмат, вцепившись обеими руками в поводья и подбадривая себя, кричала:

— Мчит, несет меня без пути-следа мой мерани!..

Кони промчались по гребню холма, пересекли радужно сверкавшую под солнцем долину и понеслись по склону...

На горке Георгий осадил коня, спешил, снял шапку. Первым к нему подошел Барбакадзе, следом — остальные.

— Бывшее село Халибаури! — сказал Георгий и протянул руку вперед.

На покинутых домах явно ощущалась печать времени. Под тяжестью плодов гнулись деревья и шумящие на ветру великаны-орехи. Ничем не нарушаемая, лишь подчеркнутая стрекотом кузнечиков тишина царилла окрест. Люди молча смотрели на село.

— Эх, была деревня, житница города, и нет ее, — с грустью проговорила Яшвили. — Последний житель ушел отсюда совсем недавно, трех лет не будет.

Георгий повернулся к собравшимся:

— Товарищи! Отдохните, поешьте фруктов, попейте воды из родника, оглядитесь, осмотрите все вокруг и подумайте как следует, что надо для того, чтоб оживить это село. Лия, вы подумайте о здешней школе, вы, Давид, о больнице... Потом соберемся, присядем вот здесь и потолкуем.

Все разбрелись по проулкам. Одни охотно пробовали фрукты, другие направились к роднику, третьи предпочли отдохнуть в тени домов. Георгий сидел у ограды, закрыв глаза, подставив лицо солнцу. Он почувствовал, как к нему кто-то подошел, но не открыл глаз.

— Полдень уже, как бы не сгореть, — услышал он голос Аснат. — Вы ведь отвыкли от здешнего солнца.

— Надо снова привыкать, — не открывая глаз, улыбнулся Георгий. Потом открыл глаза и огляделся.

Безумолчно жужжали оводы. В отдалении, под ореховым деревом собрались почти все, кто приехал в село, и о чем-то рьяно спорили. Георгий поспешил к ним. Приблизившись, он увидел, что под ореховым деревом — заброшенный винный погреб-марани. На дереве висели черпаки разных размеров и щетки для мытья глиняных кувшинов. Стоя на коленях, Шота Беродзе осторожно высвобождал крышку зарытого в землю глиняного кувшина-квеври. Все были так увлечены, что не заметили Георгия. Шота очистил с крышки глину и осторожно отодвинул крышку в сторону. На поверхности кувшина отразился солнечный луч. Послышались голоса:

— Да он полный!

— Вино в нем или вода?

— Наверное, вода, кто бы оставил тут вино?

— Черпак! — потребовал Шота.

От родника уже бежал к ним с вымытым черпаком Тамаз Урушадзе. Он подбежал к собравшимся и протянул черпак Шота. Всеобщее волнение передалось и Георгию. Шота опустил черпак в кувшин. Все замерли. Воцарилась такая тишина, что можно было услышать, как муха летает. Шота вытащил черпак и вылил немного жидкости на землю. Земля покраснела.

— Вино!

Шота протянул черпак Гураму.

54135320
2022010933

— За здоровье того халибаурца, который вырастил этот виноград! — сказал Гурам, выпил вина и протянул черпак стоявшему рядом Дерюгину.

— За эту горячую землю, сохранившую нам такое прохладное вино! — Дерюгин, выпив, протянул черпак Асмат.

— Я пью за первую колыбель, которую будут качать в этом селе!.. — Асмат отпила вина и протянула черпак Георгию: — Ах, какое вино, какое вино!..

— За здоровье завтрашних халибаурцев! За тех, кто придет сюда и оживит эту деревню!..

Постепенно все прибывшие собрались в марани. Черпак переходил из рук в руки. Под конец вновь вернулся к Шота Беродзе.

— Да будет благословенна эта земля! — сказал Беродзе, выпил вина, повесил черпак на ветку и закрыл крышку кувшина.

— Прошу всех собраться, — сказал Георгий. — Время начинать.

Люди расселись полукругом на камнях под старым орехом, у старого-престарого марани.

— Товарищи! — начал Георгий и оглядел собравшихся. — Выездное заседание бюро райкома, объявляю открытым. В порядке дня один вопрос: о заселении пустующих деревень и вытекающих отсюда задачах. Прошу вас высказать свои соображения. Побеседуем. Может, нет смысла возвращать людей? Может быть, наоборот, то, что опустела эта деревня — совершенно логично, и это можно считать даже прогрессивным явлением? Кто желает высказаться?

— Если мы в самом деле думаем разводить виноградники на полях Вайо, за виноградом должны ухаживать люди, вернувшиеся в эту деревню и в другие тоже. Иначе мы не осилим это дело, — сказал Гурам Глonti.

— Отличная деревня! — воскликнул Дерюгин. — Клянусь честью, уходить отсюда не хочется!..

— Один житель уже имеется! — засмеялся Лаврентий Тарибегашвили. Потом повернулся к Дерюгину: — Что передать твоей семье?

— Школа в плачевном состоянии, требует капитального ремонта, — сказала Лия Коринтэли.

— Давайте поговорим сначала о дороге, предложил Гурам Глonti.

— Я от имени строителей уже пообещал, что к концу осени здесь будут ходить машины!

— А в каком состоянии жилые дома? — обратилась к собравшимся Аснат. — В некоторых вообще жить нельзя. Скольким сможем мы помочь в строительстве нового дома? Строительным материалом, ссудой, транспортом, другими средствами...

— А не лучше ли сначала поинтересоваться, думает кто-либо переселяться сюда? Иначе наши разговоры не имеют смысла, — вставил Лаврентий.

— Я твердо убежден и прошу вас также твердо поверить, что если здесь, на месте бывшего села, мы создадим все условия для современной, я бы сказал, для хорошей жизни, тогда бывшая деревня вновь оживет. Оживет благодаря тем людям, трудом которых на полях Вайо зазеленеют необозримые виноградники. Не забывайте, что там, вон за этими горами, проходит наша государственная граница. Таким образом, люди, которые будут жить здесь, будут не только виноградарями, они будут и дозорными нашей страны!.. Освоение полей Вайо — задача не только районного масштаба, это дело общегосударственного значения. Решение этой проблемы увеличит выход товарной продукции виноградарства в нашей республике и позволит нам получать больше винограда и отборных натуральных вин. В этом мне видится наш долг перед трудящимися севера нашей страны...

...Наступили глубокие сумерки, когда члены выездного бюро возвращались домой. Все устали, но в то же время бывшее село разбудило в них новые, словно дремлющие доселе силы.

Кони Тамаза, Аснат и Георгия шли рядом. Неожиданно Георгий обернулся к Тамазу.

— Да, все забываю спросить, где у вас семья?

— В Тбилиси...

— Трудно жить вдали от семьи.

— Трудно, — согласился Тамаз, — но что поделаешь?..

— Что поделаешь? Надо привозить их сюда, — охотно посоветовал Георгий.

ИЗДАНИЕ
1959 г.
2020010033

— Если бы это было так легко! — усмехнулся Тамаз. — Жена выросла в городе, да и профессия у нее такая, что здесь не пригодится.

— Почему? — не согласился Георгий. — Метеорологическая служба есть и здесь... К тому же, знаете ведь, как народ на это смотрит? Раз семья в Тбилиси, значит, здесь вы — гость, человек временный.

Неожиданно на дороге возник мужчина с флажком и преградил всадникам путь.

— Остановитесь! — крикнул он. — Отснимем дубль и проедете!

— Что снимаете? — поинтересовалась Аснат.

— Многосерийный фильм «Дон Кихот», — гордо объявил он и приложил палец к губам, мол, тише.

На краю дороги стояла киносъемочная группа. Сидевший на подъемном кране режиссер долго смотрел в аппарат, потом закричал в рупор:

— Начинаем!.. Приготовиться!.. Мотор!..

Дон Кихот с копьем направил своего Россинанта на ветряные мельницы, с воинственным кличем набросился на крыло мельницы и повис на ней...

— Великолепно! — кричал режиссер. — Ну-ка, еще раз, еще один дубль!

Рыцарь из Ламанчи вернулся к исходной позиции. Рядом с ним был его верный оруженосец Санчо Панса.

— Мотор! — вновь закричал режиссер. И вновь с гиканьем помчал Дон Кихот свою клячу.

— Бедный идалго! — грустно улыбнулся Георгий. — До безумия честный и добрый...

— Можете проезжать! — объявил человек с флажком. Георгий тронул коня...

— Хорошо, великолепно! Ну-ка, еще раз, еще один дубль! — донесся до них голос режиссера.

Человек десять-двенадцать, сидевших в приемной, терпеливо дожидались, когда их вызовут. Жарко. Слышался лишь мерный гул кондиционера да тихий, приглушенный разговор.

— Вряд ли кто больше меня любит театр, но ведь у нас нет таких средств? — с беспомощной яростью шептал мужчина в темных очках сидящей рядом с ним женщине. — Каким образом, на какие средства он собирается принимать, устраивать стольких людей?! На

эти вот средства?! — он стукнул кулаком о папку лежавшую у него на коленях. — На эти деньги и птичьего гнезда не построишь!..

— В самом деле приезжает весь курс? — поинтересовалась женщина.

— Ну да, весь выпуск! — сокрушенно покачал головой мужчина в очках. — Двадцать человек!

— Замечательно! — в восторге закатила глаза женщина. — Это же замечательно, что двадцать профессиональных актеров будут жить в нашем районе! Если они даже не будут играть в спектаклях, а просто будут ходить по улицам, и то городок наш приобретет совсем иной облик. И дочь Торели приезжает с ними?

— А если спросят, почему затягивается ремонт машин? — шепчет человек в белом кителе соседу в черном костюме, при галстуке. Пот градом стекал по его лицу.

— Пусть сначала обеспечат нас запчастями, а потом требуют ответа, — со сдержанным гневом отвечает мужчина в черном костюме.

— Это не аргумент... — вздыхает мужчина в белом.

Управляющий местным трестом Мераб Сетуридзе сидел не шелохнувшись, подставив лицо кондиционеру и уставившись в одну точку на потолке... У противоположной стены сидел конопатый верзила, известный в районе «сетуридзеvский человек» — Беглар Мжавия. Сложив огромные руки на коленях, он не спускал глаз с Сетуридзе. Встретившись, наконец, со взглядом Сетуридзе, Беглар тотчас вскочил и подошел к нему. Они о чем-то пошептались, и Мжавия вновь возвратился на свое место. Неожиданно обитая кожей дверь распахнулась, и в приемную из кабинета высыпала группа молодежи. Весело, громко переговариваясь, они пошли к выходу. Мужчина в сапогах, беспокойно шагавший по комнате, заинтересовался:

— Вы откуда, сыночки?

— Из Тбилисского университета, — ответил загорелый юноша.

— Будем работать на восстановлении террас, — добавил другой.

— Молодцы, ребята! — похвалил мужчина в сапогах.

— И девочки! — смеясь, добавила проходившая мимо девушка.

— Ну конечно же, и девочки молодцы, а как же? тотчас согласился мужчина. Потом, заметив секретаршу, стоящую в дверях кабинета, вмиг оказался рядом и взволнованно спросил:

— Манана, доченька, почему не вызывают меня? Мой вопрос был третьим.

Манана заглянула в бумаги.

— Ваш вопрос перенесен в конец, — сказала она и оглядела собравшихся. — Просят руководство треста. Дядя Мераб, входите!..

Сетуридзе встал, стараясь скрыть волнение, поправил одежду, провел рукой по волосам и, гордо подняв голову, выпрямившись, прошел в кабинет.

— Не понимаю, почему надо было переносить вопрос в конец? — недоуменно развел руками мужчина в сапогах. Он мысленно перебрал в памяти причины, стараясь понять, чего ему ждать — добрых или дурных вестей.

Вновь монотонно шумит кондиционер. Снова тихо переговариваются сидящие в приемной.

— Ты слушай и молчи, — наставлял мужчину в очках мужчина с багровым лицом. — Не вступай в пререкания...

Неподалеку от них сидели двое. Один — огромный кучерявый детина, другой — лысый и маленький. Низкий что-то шептал великану, тот слушал и тихо смеялся... Беглар Мжавия сидел, не шелохнувшись, не спуская глаз с двери кабинета. В эту минуту он ничего не видел, кроме этой двери, и ничего не слышал.

Вдруг дверь кабинета резко распахнулась и на пороге появился Мераб Сетуридзе. Бледный, не видя перед собой никого, он вышел из приемной. Беглар Мжавия тенью последовал за ним... Они почти бегом преодолели лестницу и вышли на людную улицу. Сетуридзе шел все быстрее и быстрее, словно в ходьбе искал выхода своей ярости, стеклянными, ничего не видящими глазами смотрел куда-то вдаль...

Поздно ночью к дому Гурама Глonti подошли двое. Это были Беглар Мжавия и Мераб Сетуридзе. Мераб

позвонил. Двери открыл Гурам, удивленно оглядел гостей.

— А, это вы?.. Входите...

Мераб и Беглар вошли в комнату, Мераб сел перед открытым окном, Беглар — в углу комнаты, сложив руки на груди.

— Не разбудил, случаем? — глухо спросил Мераб.

— Я не спал, — Гурам включил вентилятор на столе.

Из соседней комнаты выглянула жена Гурама в длинном халате.

— Здравствуйте! — приветливо встретила она гостей. — Как поживаете, Мераб?

— Ничего... — попытался улыбнуться Мераб.

— Я сейчас же накрою ужин, — засуетилась жена Гурама.

— Не надо, ради бога!

— У нас есть чешское пиво, холодное, — предложила она.

— Спасибо, не беспокойтесь.

— Не надо ничего, ты ложись спать, — сказал жене Гурам. Она тотчас вышла из комнаты.

Неловкое молчание слишком затянулось. Наконец Сетуридзе прервал его.

— Выходит, Георгий Торели начал наводить порядок в нашем районе с меня? — с недоброй ухмылкой спросил он.

Гурам молчал. Молчание его еще больше разозлило Сетуридзе.

— Ты не мог сказать несколько слов? — упрекнул он Гурама. — В такую минуту не помочь другу!...

Гурам закурил, глубоко затянулся и тихо проговорил:

— Что я должен был сказать? В такой обстановке я не мог тебя защитить.

— Хм, все заботятся о своей шкуре, — покачал головой Сетуридзе, махнул рукой, расстегнул пуговицу на вороте и выглянул в окно.

— Боржома нет у тебя? — спросил он, несколько смягчившись.

Гурам вышел на кухню, принес боржом, разлил в стаканы.

— Скажи мне... — к Мерабу с каждым глотком воды возвращалось спокойствие, — знает Торели, что Гиви Ванидзе — мой шурин?

— Знает, — кивнул головой Гурам.

— И что же? — зло прищурился Мераб. — Не понимает, что борьба со мной до добра его не доведет? Такому надо дать почувствовать, что вол в борьбе с буйволом пообломает себе рога.

— Ну хорошо, что было, то было, — попытался успокоить его Гурам.

— Ты знаешь, я никому не позволю измываться над собой! Нет, интересно, за что он влепил мне выговор?!

— Строгий выговор, — не поднимая тяжелых век, проговорил Беглар.

— Я ведь говорил тебе, прекрати взрывы на карьере. Мы даже вынесли решение исполкома по этому вопросу, — напомнил Гурам. — Пишут отовсюду — из Тбилиси, Москвы... Гибнет уникальный исторический памятник...

— Знаю, и потому распорядился вдвое уменьшить дозу взрывчатки. Какой ущерб может нанести полдозы!

— Может! — нахмурился Гурам. — К тому же, ваш производственный план не предусматривает добычу базальта взрывом.

— Да, видать, он мною серьезно занялся! — ухмыльнулся Мераб. — Но ничего, я тоже найду для него время. Не будь я Мераб Сетуридзе, если не расквитаюсь с ним. — Он взглянул на часы, встал, похлопал Гурама по плечу и вышел. Беглар последовал за ним.

Перевод с грузинского.

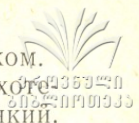
Окончание следует

Рассказы

Пиво

На троллейбусной остановке Малхаз всегда заку­ривал свою первую утреннюю сигарету. Так уж он приучил себя. На остановке. Пусть подходит нужный номер — будет еще. Выкурить сигарету до желтой гра­ницы фильтра, до жженной бахромки. В витрине вче­рашняя газета, а хоть бы недельной давности — все равно новая... Троллейбус запаздывает — ну что ж, он терпелив — подождет. Времени пока хватает. Хвата­ет на то, чтобы пятнадцать минут потолкаться в трол­лейбусе, выйти на своей остановке, пройти двести три­надцать неторопливых шагов по улице, вынуть про­пуск, раскрыть его, показать вахтеру, ждущему вечно запаздывающего сменщика, не дожидаться лифта и про­шагать четыре крутых пролета. Потом пройти по кори­дору в самый конец, толкнуть дверь своей комнаты, по­здороваться с коллегами и сесть за стол с выщерблен­ной поверхностью... Но через семь минут времени бу­дет уже в обрез... Прошло уже восемь минут, а нужно­го номера нет. Придется двести тринадцать шагов прой­ти в быстром темпе, трусцой, и пролеты — вприпрыж­ку. Ноги моложе сердца. Просто у ног другой отсчет времени, они всегда стареют позже.

Подполз нужный номер. Прошло одиннадцать ми­нут. Трусца уже не поможет — рысью. Желтоглазая рысь, семейство кошачьих, пружинящая и крадущаяся. Нет, это другое. Рысак—вздыбленный, с раздувающимися ноздрями и пена хлопьями — вот это уже то, что нужно.

Локоть в бок, в ребро, а мысли крутятся волчком. Он — неудачник. Это несомненно. Еще бы, хоть дось в журнал, в толстый, на худой конец, в тонкий. Или в газету, однодневку, но в живую. А здесь рекламные тексты — трескучие, как жесть, что ни слово — на костылях. Броское, — говорит главный редактор, бросовое, — злорадствует он. Товары — новые, слова — старые, поэтому надо вывихнуть, выломать, сделать жестяным. Редактор в рекламе — работа как работа. Почему же тогда — неудачник? А потому, что не о том мечталось..

Вот теперь надо той самой рысью. Пальто хлопает, когда он, лавируя между прохожих, какой уж тут конь — заяц, мчится на работу. Опаздывает на три минуты, но будет целых десять, пока он толкнет дверь в свою комнату. Прохожие, почему-то неторопливые, изумленно смотрят на него, а отпрянув, кричат ему вдогонку что-то. Их можно понять. Тридцативосьмилетний мужчина, с проседью в густых волосах — и заяц. Но еще не тучный, нет, не то чтобы стройный, но и не тучный, средний.

И вдруг он переходит на шаг. Конечно же, сердце и даже ноги гудят, но дело не в этом. Десять или пятнадцать — какая разница — опоздал и опоздал. Надо вспомнить...

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте...

Потом еще раз, уже в своей комнате:

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте.

На столе лежит кипа проспектов. Пока еще на машинке. Он отодвигает стул, садится. Отпирает правый ящик стола. Достает остро очиненный карандаш, ручку, резинку. Все. Читать надо быстро, чтобы сдать на машинку. Идиотский текст, просто неграмотный, дурацкий. Можно вывихнуть мозги, пока уловишь туманный смысл. Единственное, что не надо редактировать — цену изделия. «Пресновато,— скажет главный редактор,— Где изюминка?» Изюму-то здесь хватает, косточек не выплюнуть. Да бог с ним, сойдет и так. Кто читает рекламу? Разве что какой-то чужак, да и то на досуге. Рекламная газетка стопками лежит в любом киоске неделями. Он нарочно стоял — правда, давно, раньше, когда только начал работать — у киоска, эдак с час. Не брал никто, хотя лежали на виду. А несколько раз

бидел, как ее вручали в качестве нагрузки к ходоковой спортивной газете. Было обидно — ведь трудишься, сочиняешь, кроишь и перекраиваешь нехитрый текст. Слово на слово. Черк, черк, машинистка, вычитка, машинистка, газетка на грубой бумаге, какой товар изображен — не разобрать. От текста — зевота, скулы сводит. Привык. Простая механика — черк, черк, слово, фраза, машинистка, вычитка, машинистка. Потом всучит киоскер какому-нибудь нерасторопному любителю спортивных новостей, чтобы раньше вставал...

— Пойдем покурим! — В комнату заглянул выпускающий Гоги, худющий, лысеющий мужчина в очках и со впалой грудью.

Они вышли на лестничную площадку. Здесь уже дымили два незнакомца в пальто. Видно, спускались с верхнего этажа, где находилось какое-то управление с незапоминающимся названием. Гоги подошел к пыльному окну на улицу, за которым шумели невидимые сквозь непроглядную матовость машины. Он последовал за ним.

— Ты чего это, как в воду опущенный?

— Да вроде бы ничего. Спал плохо.

— Ну, это никудышное дело. Если я недосплю даже пятнадцать минут — целый день хожу как лунатик.

— А я уже привык. Мой сынок — ранняя пташка. Я ведь поздно ложусь.

— Вот это и плохо. Я всегда ложусь в одно и то же время. В одиннадцать и ни минутой позже. Меня в тубсанатории приучили к порядку.

— Когда ты там был?

— Лет восемь назад, три года прожил. Вот только от сигарет меня не сумели отвадить. Я ведь еще мальчишкой в детдоме курил.

— А я и не знал, что ты детдомовец.

— Всего сразу и не узнаешь. Сколько мы с тобой знакомы — года два или больше?

— Да меньше. Ты пришел к нам в прошлом году, в январе.

— Смотри-ка. А я думал, что мы с тобой целую вечность знакомы. Потому и не рассказывал — был уверен, что ты все обо мне знаешь.

— Я даже о себе не все знаю. Как-то по-дурацки жизнь сложилась...

— Грех жаловаться. Семья у тебя, дети. А я как был, так и остался бобылем. Мало радости.

— Кто его знает. Вроде бы все в порядке, а задумаешься, все не так.

— Э-э, брат, ты потому так говоришь, что имеешь. Посмотрел бы я, как бы ты запел, будь на моем месте. С самого детства все у меня вкривь и вкось пошло. Чертова война, потому и грудь у меня слабая. Легкие как решето.

— А как ты в детдоме оказался?

— Вот так и оказался. Мать у меня при родах умерла. Отец женился — меня мачеха растила, хорошая была женщина. А потом война началась — мне тогда девятый год пошел...

— Девятый? Так ты что же, всего на три года меня старше?

— А ты думал лет на десять, да?

— Ну, не на десять...

— Не ты первый. Мне все пятьдесят дают.

— Я думал лет сорок пять...

— Да бог с ним, неважно. Я и сам иногда сомневаюсь — может, и впрямь мне больше?.. Особенно весной, когда у меня боли начинаются.

— Неужели ничего не помогает?

— Считаю, я всю жизнь по больницам таскаюсь. Что ни год — в больнице. После санатория стало как будто получше. Но иногда я сам себе надоедаю, махну рукой, тогда мне сразу хуже...

— Жениться тебе надо!

— Легко сказать — жениться. Кому такая обуза нужна? Да и я сам не стану женщину на жизнь со мной, калекой, обречать. Вот детей, правда, люблю. Был бы поздоровей, обязательно бы из детдома мальчишку взял. Знаешь, они какие там. Я себя как вспоминаю...

— Не скажу, чтобы и у меня детство было ах какое веселое, но все получше...

— И все-таки я свое детство, знаешь, как вспоминаю? Ты не поверишь — как лучшую пору своей жизни. И люди вокруг какие-то особенные были, да и мы, дети, тоже...

— А я вот свое плохо помню. Почти не помню, как будто и не было. И почему это так происходит? Вот лет так с восьми — да, а что раньше — убей, не помню.

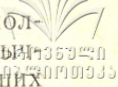
— Просто ты об этом не думал. Копни в себе поглубже — все как на ладони предстанет. И со мной так было, но спроси сейчас — такие мелочи припомню — уму непостижимо. Длинный у нас с тобой перекур получился, мне в типографию пора.

— Давай я за тобой найду после работы, посидим где-нибудь вместе.

— Ладно.

Он вернулся в свою комнату рассеянный и задумчивый. Работаешь с человеком бок о бок, а ничего, оказывается, о нем не знаешь. Правда, с Гоги ему приходится встречаться редко, и все же... Иногда, бывало, простоят так на лестничной площадке — слова не скажут, все мысли о чем-то своем. А если подумать, что он вообще знает о людях, которые постоянно живут вокруг? Вот хотя бы об этих соседках по комнате? Чуть ли не каждый день он видит их, перебрасывается парой-другой слов, но ни разу даже не удосужился приблизиться к ним. Да и они чурались его, даже извечные свои женские пересуды прерывали, бывало, стоило ему появиться в комнате. И что знают эти люди о нем? Ничего. Он, как моллюск, ушел в хрупкий панцирь своих обид, отгородился от друзей, товарищей, сослуживцев. Впрочем, и от семьи своей он укрылся за перегородку — не ту дощатую, которой он отграничил себе комнатку-кабинет, а за выдуманную им же самим — «работаю». Но он не работал. Ну не то чтобы вообще ничего не делал, нет, писал изредка безделки, перечитывать которые ему не хватало выдержки, и если сказать по правде, и не хотелось — знал, что плохо...

Он тупо уставился в грязную изрезанную столешницу своего письменного стола и так просидел долго, чуть ли не до самого окончания рабочего дня. Каким-то неосознанным боковым зрением он ловил на себе сочувствующе-удивленные взгляды своих сотрудниц, но отрешиться от своего состояния был не в силах. Нетронутые материалы лежали на столе. Машинистки раз-другой робко заглянули в дверь и, так и не дождавшись его внимания, отступились от своего намерения забрать работу на перепечатку. Вообще-то говоря, машинистки

испытывали к нему безотчетное почтение. Своей молчаливостью и урюмой вежливостью он приручил обывающих, но недовольно брюзжащих девушек, остро ощущавших свою власть и не церемонящихся с работниками редакции, непонятно почему выступавшими в роли бесправных просителей. Его работу они принимали беспрекословно и, вооружившись расщепленными надвое лезвиями и резинками, тщательно вытравливали из напечатанного все следы своей рассеянности.

Он забирал работу молча и молча же возвращал ее, заметив пусть даже незначительные опечатки.

Вот и теперь они не осмелились нарушить его отрешенность и, сделав большие глаза, на цыпочках исчезли из комнаты, даже не удостоив взглядом других ее обитательниц.

Он ждал пяти часов и знал, что они еще не наступили. Ему не терпелось зайти к Гоги, и это нетерпение раздражало и удивляло его своей непривычностью.

Без четверти пять сослуживицы стали собираться, переговариваясь жестами и глазами. Он безотчетно фиксировал все их движения, фиксировал все тем же боковым зрением, которое, внезапно прорезавшись в нем, уже не отступало. А глаза его по-прежнему не мигая блуждали по столешнице, а в голове было просторно от полного отсутствия мыслей. Не успели сослуживицы выйти и робко прикрыть дверь, как он тут же очнулся, резко мотнул головой, встал, прошелся по комнате, подошел к окну, внимательно посмотрел на машины — два «Жигуленка», «колхозник» и «Волга», — вернулся к своему столу, убрал бумаги в ящик стола. Все это он проделал, нетерпеливо поглядывая на часы. Пять. Он запер дверь и, стараясь не торопиться, пошел по коридору. Дверь гогиной комнаты была распахнута настежь, и он увидел фотографа Гришу, возбужденно размахивающего руками перед самым носом Гоги, который барабанил по столешнице пальцами.

В комнату он не вошел, лишь показал Гоги знаками, что подождет его внизу. Гоги, не сводя глаз с мечущихся рук Гриши, кивнул в ответ и забарабанил пальцами чуть побыстрей.

Малхаз сбежал по лестнице, подошел к будке вахтера, повесил ключ на доску и вышел на улицу. Мимо него проходили закончившие работу сотрудники редак-

ций многочисленных газет и журналов, размещавшихся в огромном здании, и он кивал головой то одному, то другому, два раза пожал кому-то руку, успев пожать, что не дождался Гоги наверху.

От настырного Гриши уйти было непросто, и он приготовился к долгому ожиданию. Но Гоги появился на удивление быстро, без Гриши, повесил ключ на положенное место на доске и вышел на улицу.

— Так куда мы пойдём?

— Да мне все равно, куда скажешь.

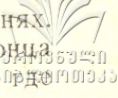
— Ты как насчет пивка?

— Вроде бы нормально. Пойдем в «Шатили»?

— Э, нет. Там народу уйма, не продохнуть. Есть у меня одна идея, дай только сообразить, на месте ли сегодня мой друг. Что у нас сегодня — среда? Все сходится. Пойдем-ка на Колхозную, там есть одно местечко.

Они пошли пешком, неторопливо, в потоке торопливо бегущих с работы людей. И вдруг как-то остро почувствовал он радость от этого неторопливого хождения. Ведь он даже успел позабыть, когда в последний раз ходил вот так по улицам. Суета и спешка стали для него обычным состоянием, его бытием в мире, и следы этой суеты он ощущал и в мыслях, отрывочных и непоследовательных. Даже когда он сидел на одном месте в полной неподвижности, ноги зудели от сдерживаемого бега, тело напрягалось, готовое вот-вот сорваться, чтобы нестись в потоке незначительной и зряшной сумятицы, в голове лихорадочно проскакивали обрывки фраз и сцепить их было невозможно — некогда. Он пытался урезонить себя, подавить этот приступ активности, но удавалось это плохо, да и не всегда.

А теперь он поймал себя на том, что подлаживается под веский шаг Гоги, чтобы не забежать далеко вперед, чтобы не отдаться привычному безоглядному и бессмысленному бегу. Неожиданно он подробно увидел деревья с пыльной узорной листвой, лица людей, отмеченные заботой и весельем, здания с облупленными и грязно-выкрашенными фасадами, понял, что с интересом и даже некоторой жадностью разглядывает их, и тут же ощутил собственную значительность и весомость. Позабытые ощущения внезапно утомили его, те-

ло потяжелело, и ноги стали подгибаться в коленях. Теперь в нем возникло нетерпеливое ожидание конца их путешествия через город к возжеленному месту, где можно присесть, отдышаться, осмыслить новое свое состояние. И когда казалось, что он уже не выдержит, что нет конца их пути, Гоги остановился и показал ему рукой на хинкальную, в которую и Малхаз некогда в далекие уже времена не раз хаживал с друзьями и острые запахи которой выветрились из его памяти. Что-то было здесь не так, не по-прежнему, но что, невозможно было объяснить. Изменился входили вывеска, а может, изменилось его зрение, отвыкшее от подобных мест? И тут он неожиданно почувствовал во рту необыкновенный вкус сорокакопечных, на старые деньги, румяно, до хруста жареных пирожков с ливером, невероятно горячих, жирно мазавших пальцы и губы, увидел пучеглазого, баклажанноносого, угрюмого продавца, ловко поддевавшего пирожки огромной двузубой вилкой и с невероятной быстротой швырявшего их на плоские пластмассовые тарелки. Его обдала духота тесного помещения с невыветривающимся мужским запахом рабочего, ремесленного люда. Было это давно, в послевоенном подростковом времени, когда рубль шестьдесят или два рубля были для него целым состоянием и он безоговорочно жертвовал ими не только ради вкуса этих пирожков, но ради приобщения ко взрослым, вольным в своих поступках и небрежным в жестах, которые он цепко ловил и которым тайно подражал. Можно было наскрести денег и на пиво, ведь кружка его стоила немногим больше бутылки лимонада, но преодолеть едкую неприязнь к пиву было выше его сил. Все еще была неистребима в нем ненависть к запаху и вкусу пивных дрожжей, которыми его поили или кормили (ведь они были густыми) недавно — в детстве, чтобы погасить вулканические взрывы многочисленных фурункулов, вздувавшихся то там, то сям на его худосочном теле. И это отвращение перекрывало всю возжеленность сдувания шипящей кружевной пены с кружки с коричневатым мерцанием пива, желание сдуть лихо и между прочим, как делали это багроволицые мастерские в брезентовых куртках.

Он жаждал слиянности с этими людьми, полного растворения в пряно дышащей толпе, отождествления с

ней до неразличимости. И когда это удавалось, как он был счастлив, как горд своим полноправным входением в этот неведомый мир. Куда подевалось теперь это чувство, что произошло с тех самых пор?

Может, все дело в том, что он так и не научился лихо и безалаберно сдувать пену с пива!

— Что ты стал? Мы уже пришли! — Гоги потянул дверь, и из хинкальной сразу пахнуло перцем, бараньим жиром, луком, потом, пивом и кто знает чем еще. Малхаза даже шатнуло. А Гоги уже деловито шагал между дымящихся столиков. Он шел прямо к стойке, у которой толпилась масса народу, терпеливо дожидаящихся хинкали. Нетерпеливые, махнув рукой, брали кебаб, густо посыпали его перцем, обкладывали луком и заворачивали в лаваш.

Малхаз остановился у входа и со смешанным чувством любопытства и безотчетной неприязни оглядывал этих яростно и сосредоточенно жующих мужчин, буднично и утомленно поедавших свой поздний обед или слишком ранний ужин. Впрочем, их объединяла некая ритуальная мужская солидарность, стремление продлить свое дневное пребывание друг с другом и подалее оттянуть погружение в сомнительные радости семейного существования. Пустые кружки перемежались с полными. Даже на вид жидковатое, янтарно-пенистое пиво ждало своего часа на липких столиках, закапанных жиром и подчерненных перцем. Давняя любовь к пиву, даже ненависть, тихая, свирепая, в которой Малхаз до сих пор стыдился признаться немногим своим друзьям, остро напомнила о себе, подзуживаемая дымным, кисло-чадящим залом. Но отступать было уже поздно. Проклятая покладистость, — ругнул себя в сердцах Малхаз и как в тумане пошел лавировать между столиков, словно сговорившихся подставлять ему свои неострые, сальные углы, между стульев, выставивших кривые, дуто-металлические ножки и пытавшихся поддеть, опрокинуть его пошатывающееся тело. А Гоги издали, от стойки махал ему рукой, маленький и жалкий, словно муха к липкой бумаге притиснутый к мощному прилавку. Делать было нечего, и Малхаз шел на эти призывные взмахи гогиных рук. И когда он уже почти подошел к Гоги, круглый повар с лоснящимся, распаренно-бурачным лицом вынес из кух-

ни огромный таз с сизым облаком пара над горой хинкали, опрокинул их сначала на один квадратный поднос, потом на другой и ушел, держа на весу порожний, но все еще дымящийся таз. Очередь взбодрилась, подтянулась, а буфетчик стал раз за разом наполнять хинкали глубокие пластмассовые тарелки, беззвучно шевеля тонкими губами, отсчитывая заказы.

Малхаз, отвыкший от всего этого, с ужасом смотрел на быстро таявшие горы хинкали и то и дело, не отводя замороженных глаз от мелькающих волосатых рук буфетчика, сдвигался то влево, то вправо, то назад, давая пройти любителям хинкали, медленно проносившим мимо его потрясенного запахами носа тяжелые, жаркие тарелки.

А Гоги тем временем ушел куда-то в дверь за прилавком, уверенный, что Малхаз последует за ним. И Малхаз действительно обошел прилавок, почему-то боком прошел в дверь, очутившись в скучном, будничном после пиршественного великолепия большого зала кабинете. Высокий мужчина в черном костюме и белой рубашке, смуглый до черноты, с глянцевым блеском глаз, крупно-курчавый, стоял перед Гоги, положив ему руки на плечи, и любовно смотрел на него сверху вниз, едва не касаясь арбузным своим животом подбородка Гоги. Пиджак был расстегнут, но ему все равно было тесно под натиском круто восходящего брюшка.

Малхаз замялся на пороге, не зная что делать дальше. Великан мазнул его по лицу антрацитовыми глазами, и Малхазу нестерпимо захотелось провести рукой по лбу, чтобы стереть черный угольный след, который неминуемо должны были оставить эти глаза. Видно, поймав взгляд своего собеседника, Гоги быстро обернулся, еще раз слабо махнул Малхазу рукой и, когда Малхаз подошел к нему совсем близко, сказал:

— Знакомься — друг моего детства Роман Абжандадзе. А это Малхаз, мой товарищ, мы вместе работаем.

Великан снял с плеча Гоги правую руку, церемонно протянул ее Малхазу, и он, приготовившись к костодробильному рукопожатию, весь напрягся. Но рукопожатие оказалось вялым и осторожно-уважительным. Левая рука великана все еще покоилась на гогином плече, что, видно, очень нравилось и Гоги и Роману.

— Друзья моего Гоги — мои друзья, — глухо про-
рокотал Роман, на сей раз не обманув ожидания Мал-
хаза услышать гулкой бас. — Правда, что-то забывать
стал меня Гогило, но я ему прощаю. Что поделаешь, его
ко мне на аркане не затащишь. Одна надежда, что хоть
на пару с вами он забежит иногда поведать своего
брата.

Роман шумно вобрал в себя весь воздух, существ-
вующий в кабинете, и тут же со свистом выдохнул его
обратно. Но, видно, выдохнул он воздуха гораздо боль-
ше, нежели вдохнул, потому что Малхазу сделалось
вдруг тесно.

— Даже не знаю, чем попотчевать дорогих гостей.
Выбор здесь у меня не ахти какой — хинкали да кебаб.
Может, в ресторан двинем, а, как ты на это смотришь,
Гогило? Или, может, домой — девочки обрадуются.

— Э-э, нет. С нас хватит и твоего ассортимента, я
ведь ничего и не пью сейчас. Только разве что пивом
иногда балуюсь.

— Ладно, так тому и быть. Я сейчас стол накрою.

— Романоз, родной, обещаю, что примешь все мои
условия, не то я уйду. Давай сядем в общем зале. Там
у тебя есть один укромный уголок у окна. Поговорим
по душам и на людей посмотрим. Нехорошо пить пиво
как вино. Оно на малолюдь неважно идет.

— И всегда ты так. Ну что с тобой поделаешь. И
захочешь, да не откажешь. Сандро, погляди там, чтобы
гогин стол, у окна который, в порядок привели.

— А может, он занят. Я не обратил внимания, ког-
да вошел. Как-то неловко людей тревожить.

— Да нет, мы его оставляем для служебных це-
лей. Успокойся, Гогило. Нельзя по каждому поводу
иметь свое мнение. А вот сейчас можешь высказаться.
Раз, два, три! Ну что, годится? — В руках Романа от-
куда ни возьмись появилась огромная янтарная рыбина
с беспомощно разинутой приплюснутой головой. — Да,
да, шамая. Ну как, пойдет?

— Признавайся, откуда она заплывла в твое пивное
озерцо? Не убеждай только меня, что каждый сидящий
в зале балуется такой рыбешкой.

— Лексо помнишь? Ну да, Лексо-академика. Он
был в Ростове на какой-то там конференции и привез
мне в подарок четыре шамайи. Где теперь косточки

трех — не спрашивай. Зато самая жирная — вот она, как будто нарочно тебя дожидалась. Если не хочешь — говори сразу, выброшу, ей богу, выброшу.

— Ну зачем же. Раз это подношение нашего Лексо — порядок. Только, ради всего святого, не трогай ее, пожалуйста. Я сам знаю, что с ней делать.

— Если ты имеешь намерение разделать ее, не трать понапрасну время, принимайся за дело.

Роман положил на свой стол здоровенный лист оберточной бумаги, и пальцы Гоги легонько прошлись по хребту и брюшку рыбины. Малхаз зажмурился — у него зарябило в глазах. Когда он открыл глаза, на бумаге уже лежали две горки шкурок с тусклой чешуей по правую руку и тонкие ломтики слезящегося жиром мяса с четкими пунктирами костей — по левую.

— Если бы ты так же ловко и ел...

— Мужчина без пуза — для тебя не мужчина. А по мне как раз наоборот. Впрочем, о присутствующих не говорят. Но шамайю я буду уплетать за обе щеки — не оттянешь. Смотри, как бы не остался с носом.

— Ты только выполни свое слово, а я перебыюсь.

Роман обхватил Гоги за плечи и стал подталкивать его к дверям. Малхаз последовал за ними. В зале дым стоял коромыслом. Гудение сотрясало жирный воздух. Но в углу, за огромной бочкой, у окна было поспокойней. Сидящих за столиком увидеть из зала было трудно, разве что надо было встать. Зато отсюда весь зал был как на ладони.

Тронца уселась за стол, на котором уже возвышалась бутылка с молотым красным перцем, притулившаяся к ней солонка и блюдец с зеленовато-желтой горчицей.

— Пиво у нас течет по трубопроводу прямо с завода — холодное и свежайшее. Но для начала, может, по стопочке коньяка пропустим?

— Я — пас. А вот вы с Малхазом как пожелаете.

Малхаз сидел за столом нахохлившись. Общество Романа, который в общем-то был ему скорее симпатичен, не входило в его планы. Ему хотелось поговорить с Гоги по душам, о чем — он и сам не знал еще толком. Появление Романа, шумно-говорливого, добродушного и имевшего с Гоги свои неисчерпаемые темы для разговоров, сбilo его с толку, и он уже почти со-

жалел о своем дневном порыве. Он чувствовал себя лишним, затесавшимся в чужие давние отношения и раскинувшийся за бочкой гудящий зал еще больше подчеркивал его неуместность здесь, за этим столом. Он подумал даже уйти, но боязнь обидеть Романа и особенно Гоги пригвоздила его к стулу, и он молчал, тяготясь собой, лишним, и этим своим молчанием, разрушавшим, как ему казалось, доверительную, легкую беседу старых друзей. Но вот на столе появилась бутылка коньяка, три потные кружки темного пива, тарелки с тонюсенькими стопками лаваша, с сочащимися жиром длинными и толстыми палочками кебаба, густо посыпанного молочно-белым в кружочках луком и мелко нарезанной зеленью.

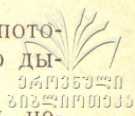
— Да минует нас горечь, — прогудел Роман и, чокнувшись с Малхазом, опрокинул рюмку в толстогубый рот.

Малхаз чуть помедлил, потянулся было чокнуться к Гоги, но тот уже цедил пиво мелкими глоточками и сквозь темное стекло опрокидывающейся пивной кружки остро смотрел в глаза Малхазу.

Малхаз выпил. Гортань обожгло, и он поморщился. Не успел Малхаз поставить на стол пустую рюмку, как Роман сунул ему в руку кебаб, завернутый в лаваш. Вдруг голодно зануло в желудке, и он быстро, с жадностью хрустя луком, откусил кусок кебаба. За столом установилась тишина, всегда сопутствующая утолению голода, и все отрешенно и сосредоточенно жевали капаящие тяжелым бараньим жиром кебабы. Гортань уже не саднило, но захотелось пить, и рука невольно потянулась к запотевшей кружке, а пены уже не было, только кружевные белые островки блуждали по мерцающей глади. Малхаз осторожно пригубил пиво, втянул в себя первый долгий глоток, потом еще один и с изумлением обнаружил, что дошел уже до дна, а чувства отвращения все не было. Более того, тело приятно отяжелело, и все вокруг вдруг сделалось близким, своим.

Он уже иначе смотрел на Романа. Его смуглое лицо с влажными черными глазами навывкате, вывернутые обветренные губы, короткая щетка усов излучали грусть и доброту. Он походил на большого лопухого пса, к чему-то мудро прислушивающегося и даже не по-

ворачивающего тяжелой головы на привычные и потому не будоражащие звуки хмельного зала, шумно дышащего за их спинами.

Гоги сидел, подперев голову сухой рукой, и немигающе, словно он спал с открытыми глазами, смотрел в опустевшую пивную кружку с мельтешащей пеной на дне и по краям. У него было такое выражение лица, как будто все происходящее происходит не с ним, а он сам где-то далеко и высоко в тумане, мешающем видеть лица и слышать голоса.

Малхаз быстро опустил глаза к голубой пластиковой столешнице, словно боясь, что его изучающий, внимательный взгляд спугнет воцарившееся за столом настроение.

— Что ты решил, Гогило? — внезапно нарушил тишину рокочущий голос Романа. Он говорил чуть шепелявя, видно, из-за непомерно большого пространства между квадратными, ослепительно белыми передними зубами.

— Что решил? Ты это о чем, Романоз? — встрепетнулся Гоги и трудно перевел глаза с кружки на лицо Романа.

— Как о чем? Ты ведь хотел того пацана забрать из детдома... Зурико его зовут, ведь так?

— Все пока по-прежнему. Езжу к нему, как и раньше, каждую субботу, а забрать духу не хватает. Да и не отдадут мне его просто так. Там уйма справок нужна о зарплате, жилплощади, а главное, о здоровье. Справка-то справкой, а вот управлюсь ли я, да и как еще с легкими моими будет...

— А что малыш, по-прежнему папой тебя зовет?

— Представь себе, все как прежде. Вот уже год я к нему езжу, а он, как и в первый день, ко мне льнет, пока не уснет — уехать не могу, ни на шаг не отходит.

— Зачем же ты мучаешь ребенка, коли забирать его не собираешься? Он уже не маленький, во всем поди разбирается.

— Легко тебе говорить. Забрать его не так просто — сам знаешь. А бросить его я тоже не могу. Поверишь, как пятница наступает — я места себе не нахожу, жду не дождусь, когда субботний рассвет забрезжит. А увижу, как он ко мне несется через крапиву и

колючки, не разбирая дороги, сердце разрывается от горечи.

— А он с тобой не просится?

— Еще как просится. Но я его отговариваю, как могу. Он воспитательницу свою мамой зовет. Вот я ему и говорю, как же я тебя заберу, а мама здесь останется?! А он мне — и маму, мол, заберем. А я на это — как же мы других детей без мамы оставим? Представь себе — понимает, понимает, что нельзя других детей без мамы оставлять.

— Эх, Гогило, Гогило, и сам-то ты не ведаешь, какое опасное дело затеял. А что, если со временем все наружу выйдет? Не все же ты его отговорками кормить будешь. Вот тогда и наступит самое похмелье — дети не прощают лжи, даже самой невинной.

Сначала Малхаз, отвлекаемый пестротой звуков и голосов из зала, слушал друзей вполуха. Ему казалось, что прислушиваться повнимательней и тем более вмешиваться в беседу бестактно. Но чем дальше, тем чаще Гоги, произнося очередную реплику, взглядывал на него, сначала полувопросительно, а затем как бы ища поддержки. И Малхаз поневоле напряг слух и даже попытался включиться в беседу. Первоначально это выразилось в жестах, в кивках, но до слов дело так и не дошло. Роман, казалось, упрямо не желал оставить даже малую прореху в разговоре и, не успевал Гоги закончить, как он тут же, без промедления накатывал свои рассуждения, нетерпеливо отсекая резким поворотом тяжелой головы все попытки Малхаза вклиниться в беседу. И Малхаз вновь ступешевался. Нет, он не обиделся, просто осознал вдруг, что этот горячечный разговор чем-то очень существенен для этого горообразного, еще больше пожелтевшего лицом человека, гораздо существенней, нежели для него, Малхаза, и даже для Гоги, который и сам стал тревожней и чутче вслушиваться в слова своего друга.

— Все дело в том, что наша ложь до поры до времени похожа на игру. Мы чего-то всегда не договариваем с детьми, сначала боясь, что они неправильно поймут нас. А дальше хуже. Дети когда-то перестают играть, они требуют правды, но мы, уже привыкнув, не в силах открыть им ее. И дети перестают нам верить.

12935940
302 02 0110333

— Я, признаться, не совсем тебя понимаю. Почему ты считаешь, что ложь обязательна в наших отношениях с детьми? Мы, насколько я помню, воспитывались иначе. В нашем детдоме...

— Вот то-то и оно, что мы воспитывались в детдоме, а не в семье. Мы знали, что у нас нет родителей, мы ни на кого не рассчитывали, кроме себя и друг друга, потому что братство наше было основано не на кровной связи, а на выборе, часто уму непостижимом. Жестокая правда, перед лицом которой мы оказались, сделала нас самостоятельными. А ведь между детьми и родителями все основано на зависимости младших от старших, а старшие всячески стараются играть в равноправие, прекрасно зная, что никакого равноправия тут невозможно. Очень скоро все это открывается детям, и они яростно бунтуют! И тем сильнее, чем больше ложь. Родители ловятся в собственную ловушку и теперь зависимы они, зависимы от своих детей, и зависимость эта уже навсегда.

Ты ведь знаешь, что после смерти Лены я стал для своих девочек и отцом, и матерью. Пока они были малы, все было в порядке. Но вот они повзрослели. Кстати, ты и представить себе не можешь, как нужна мать девочкам в период созревания. Они становятся женщинами, и им нужна рядом женщина. А я, что мог им дать я? Между нами появились недомолвки. У них появились тайны, стыдные девичьи тайны, и я ничего с этим поделать не мог. Я попытался было дать им мать. И Лили, ты знаешь, наверняка смогла бы стать для них матерью. Я долго скрывал от девочек свои отношения с ней. Я лгал, и они верили этому, верили и принимали заботу Лили как должное. Наконец я решился сказать им правду. И сказал. Что тут было! Вот тут-то и почувствовал я себя в ловушке. Девочки даже слышать не хотели о Лили как о моей жене. Они безжалостно оттолкнули ее, а меня поставили перед выбором, либо они, либо она. И я поддался. Я люблю Лили и люблю их. Но тут уже не до себя. А почему, я спрашиваю? Во всем виновата ложь, и я поплатился за эту ложь.

— Послушай, Роман, но ведь ты ни разу не говорил мне об этом раньше. Может, что-то можно было поправить? Может, мне поговорить с девочками? Пони-

маю, понимаю, разговорами делу не поможешь, а все же... Да-а, видно далеко у вас зашло. Ну так говорить мне с девочками?

— Попробуй, Гогило, они верят тебе, а вот мне...

Лицо Романа сделалось совсем черным. Малхаз, как преступник, застигнутый на месте преступления, не знал куда глаза девать. Он вжал голову в плечи, словно пытаюсь уменьшиться в росте, исчезнуть. Новые три белоголовые кружки возникли на столе взамен порожних. Малхаз схватился за спасительную ручку кружки и приник губами к горьковатой невесомой пене. Он торопливо выпил пиво, даже не распробовав как следует его вкуса, но кружку от губ не отнимал, надеясь протянуть время, так необходимое сейчас, чтобы как-то скрыть невольное замешательство. Гоги весь как-то сник, шуплые его плечи опустились и голова беспомощно накренилась вбок на вытянувшейся вперед шее. Глаза его затуманились, и взгляд, устремленный на Романа, выражал такое жгучее и неподдельное сочувствие, что не передаться другу оно не могло. И оно явно передалось Роману. Выкаченные его глаза увлажнились и покраснели, смуглые щеки обвисли и усы бесильно опустились к краям подбородка.

И вдруг Малхаза захлестнули страх и тревога. Он впервые подумал о себе, своих детях, своей семье. Все это пока еще не стало для него проблемой. Неожиданно он вспомнил задумчивый и внимательный взгляд дочки, не осуждающий, нет, но изучающий, приглядывающийся взгляд, заученную фразу трехлетнего сынишки: «Папа работает», означавшую, что входить и тем более заговаривать с отцом нельзя, каково это мальчишке, до смерти любопытствующему покрутиться в отцовской комнате, дотронуться до сотни заманчивых и запретных предметов, просто поболтать с отцом. Только теперь Малхаз стал догадываться, что стоит на пороге грустных открытий, а может, и испытаний, когда надо будет прямо заглянуть в глаза взрослеющих детей, жены, самому себе, наконец. Он мучительно захотел восстановить в памяти все то, о чем говорил он с детьми за последнее время. Лгал ли он им, а если и лгал — зачем, с какой целью? Конечно лгал, лгал убежденно, отстаивая свою ненужную свободу, пытаюсь укрыться от них в скорлупе несуществующей работы. Он

просто боялся этих маленьких человечков. Он заботился об их хлебе и одежде — и только, он мог провести ночи у их кроваток, если они болели, страшась за их жизнь, но стоило детям предъявить простое право общаться, играть, быть с ним, как он тут же уходил, открещивался, запирался. Что это было, не страхом ли разоблачения? Ведь перед детьми, как и перед любимыми женщинами, хочется всегда казаться лучше, чем ты есть на самом деле. Он понимал, что не готов к общению с детьми, не уверен в своей значимости, в самом себе, ведь одной любви недостаточно. Дети хотят быть похожими на своих родителей, а он не желал, боялся этого, потому что с горечью ощущал свое несовершенство, нескладность своего существа, собственную мелочность и суетливость. И с этим что-то надо было делать, но до сих пор он малодушно уклонялся, а может, просто ничего не мог уже изменить в себе? Тревога зрела в нем подсознательно, но разум трусливо пытался подавить ее, чтобы не лишиться последних иллюзий. Но теперь, здесь, в этом душном, прокуренном, гудящем зале под будоражащий печальный аккомпанемент романова голоса тревога окрепла, получила название и вынырнула в сознание. И Малхаз понял, что это уже надолго, навсегда...

Захотелось пить еще и еще, чтобы заглушить, изгнать засевший где-то в глубине мозга остроугольный, царапающий, неудобный страх, хоть на какое-то мгновение ощутить прежнюю беззаботность. И Роман, словно уловив его желание, снова до краев наполнил рюмку коньяком. И вновь на столешнице возникли белоголовые с живой дышащей пеной кружки с пивом и обдающие влажным жаром хинкали. Но есть уже не хотелось, Малхаз даже не слышал тоста Романа, просто видел сходящиеся и расходящиеся толстые его губы, между которыми, то приныкая к квадратным зубам, то резко отталкиваясь от них, ходил розовый кончик языка.

Малхаз напряженно вглядывался в челночный ход этого странного существа, тщетно пытаясь угадать рождаемые им звуки. Пальцы каменно сдавили хрупкую ножку рюмки, и одно-единственное стремление немедленно опорожнить ее навязчиво преследовало Малхаза. Наконец, язык Романа обмяк, успокоился и спрятался за нечастой решеткой зубов. Еще раз разжались

зубы, еще раз мелькнула выгнутая спинка языка и струя коньяка, скользя по ней, беспрепятственно пролилась в темноту горла.

Малхаз облегченно, не сказав ни слова, опрокинул в себя колючую жидкость и на миг закрыл глаза, прислушиваясь к бегу горячей волны от горла к желудку. С этой волной куда-то к солнечному сплетению скатилась и тревога. Вытолкнув из себя беспокойный, чуждый предмет, мозг размяк, опустел и заработал вхолостую. Но тревога нудно заняла под ложечкой, и Малхаз понял, что коньяк тут уже не поможет. Ему сделалось страшно. За мутной кисеей табачного дыма чавкало, сопело, судорожно отрыгивало какое-то многоголовое чудище, расплывающееся и колышущееся в неуловимо-беспорядочном ритме. Малхаз представил себе, как он будет продираться через эту студенистую, вязкую среду.

— Тебе дурно? — донесся до него заботливо-встревоженный вопрос Гоги, и единственное, что он смог сделать — это отрицательно качнуть головой. Но ответ этот, видно, не удовлетворил Гоги, и он, встав со стула, подошел к Малхазу и склонил к нему свое резко обострившееся лицо.

— Тебе дурно? — вновь повторил его глухой голос и, не дожидаясь ответа, произнес спасительное: — Здесь чертовски душно, давай выйдем на воздух.

Малхаз благодарно поднял на него глаза и встал. Вопреки ожиданию, Роман не стал их удерживать. Он понял. Гоги торопливо попрощался с ним. Малхаз тоже протянул ему холодную, влажноватую ладонь и вздрогнул, когда вместо ожидаемого вялого рукопожатия Роман твердо и с силой сжал ее. Он наверняка все понял.

— Всегда буду рад видеть вас, заходите, когда сможете, даже без Гоги. Извините, если что не так. — Лицо Романа вконец обуглилось и синевато блеснули белки его выкаченных глаз.

Малхаз молча кивнул ему и пошел, увлекаемый сухой, но цепкой рукой Гоги. Вкус пивных дрожжей пронзил небо Малхаза, и тошнота сдавила горло.

Светлая, шипящая пена слетала с высоких краев пивных кружек и мокро шмякалась о склизкий кафельный пол.

«Наверное, все дело в том, что я так и не научился сдувать эту чертову пену».

На улице горели тусклые фонари, и Малхаз, осторожно ставя ноги на размытый жидким светом асфальт, послушно побрел вслед за маленькой, неуверенной на вечерней улице фигурой Гоги.

Отсветы

Борис подошел к ступенькам парадного, приостановился на мгновение, посмотрел на тускло мерцающие синевато-мертвые буквы вывески «Идальня» с черной, несветящейся головешкой «I». «Столовка Ткача», — машинально вспомнил он, «Столовка Ткача», — еще раз повторил он про себя и увидел свой неустойчивый силуэт в квадратной черноте витрины столовой. Не было уже в живых Ткача, хромого, крикливого мужчины с астматически задыхающимся фальцетом, ковьялявшего между колченогих столиков и поедом евшего посудомойку и подавальщиц, не было уже и той столовки с неистребимым кислым чадом борща из квашеной капусты, с тяжелой, неплотно прикрывающейся дверью, дорожными рабочими в спецовках цвета яичного желтка в жирных пятнах, бережно, поровну на глазок разливавшими водку в граненые стаканы, прикрывая их от бдительных глаз вездесущего Ткача.. А вечером, когда столовку покидали последние питухи с лиловыми лицами и остекленевшими, влажными глазами, чахоточно-иссохшая Фрося со шваброй и ведром в руке хозяйничала в опустевшем помещении, наметая горы окурков «Шахтерских» и сортируя бутылки. Ткач описывал вокруг нее сужающиеся, рваные круги и наконец подходил к ней с виновато-просительным видом. Морщины на его лице разглаживались, брюзгливая сварливость уступала место печальной покорности и даже его голос, обычно пронзительный, как милицейский свисток, обретал вдруг рокочущую мягкость. Вернувшись с войны с искалеченной ногой, Ткач нашел лишь груды почерневших бревен и бурую кирпичную крошку на месте, где некогда стоял его крохотный домишко. Никаких следов старой матери обнаружить ему не удалось. Былая Гончаровка превратилась в одно большое пепели-

ше — пристанище осеннего ветра. Лишь кое-где появились времянки из битого кирпича и обгорелых бревен. В них ютились полузнакомые люди, на лицах которых явно было видно печать голодухи и страданий. Никто ничего не знал о матери Ткача, последний раз ее видели в начале немецкой оккупации, а потом ее и след простыл.

«Может, в деревню подалась?» — предполагали те, с кем говорил Ткач. Но в деревне у Ткача родни не было, и трудно было предположить, чтобы старая могла прилепиться к чужим людям, хотя кто его знает. Война, она и есть война. Но проходило время, и мать найти не удалось. Жил Ткач в крохотной каморке, которую занял по ордеру военкомата в коммуналке на Сумской, но через год после окончания войны у каморки объявилась старая хозяйка — пожилая вдова с горячечно-глаукомными глазами, растерянная и пришибленная пережитым. Ткач безропотно собрал свои манатки и ушел на Журавлевку к Фросе, вдове довоенного своего друга Сеньки Яценко. Сенька погиб в самом начале войны в окружении, и Фрося с двумя маленькими детьми на руках вынесла оккупацию, выдюжила, нажив, правда, туберкулез от вечного недоедания и холода. Ткач встретил Фросю на улице и едва узнал в этой увядшей женщине ту прежнюю Фроську, от одного вида которой раньше у него сладко ныло в груди и хотелось быть красивым и сильным. Ткач работал с Сенькой в одном цехе на тракторном и когда тот пригласил его на свадьбу, посмеялся над ним, мол, сам в петлю лезешь. Но увидев Фроську, он понял, что все радости и преимущества его вольной холостяцкой жизни не стоят ничего по сравнению с долгим взглядом огромных, карих фроськиных глаз. И затосковал, запечалился Ткач и даже пристрастился к вину, чего за ним отродясь не водилось. Он всячески избегал Сеньки, чем немало его удивлял и обижал, но дружба к Сеньке и властное обаяние его жены заставляли Ткача отнекиваться от частых приглашений в их семью. Со временем ему удалось избавиться от изматывающего наваждения, и он даже стал крестным Петьки — старшенького Сеньки.

И вот, покалеченный войной и постаревший раньше времени стоял он перед увядшей Фросей и отыскивал

в своей вдруг обедневшей, дырявой памяти слова утешения. Глаза Фроси сияли позабытым светом, и хромоту, морщинистому, седому Ткачу померещилось, что он снова молод, беззаботен и счастлив. Фрося без лишних слов предложила ему перейти к ней жить, и Ткач, колеблясь, перебрался под худую и холодную крышу ее дома. Двенадцатилетний Петька и девятилетняя Лада встретили его без неприязни, ведь их хрупкая и обновляющаяся память все же хранила на самом доньшке былую детскую привязанность и теплоту. Так у Ткача появилась семья, и работа в столовке, хлопотная, выматывающая и беспросветная для рабочего человека, обрела иной, добрый смысл, ибо рядом была Фрося, ангел, истинная хозяйка, скрашивавшая его желчные труды и ночи, нестерпимые от стреляющей, выворачивающей наизнанку ломоты в костях. В течение дня Ткачу хошь не хошь да и приходилось пить водку, не бог весть, правда, сколько, но приходилось. Совестьливый Ткач, так и не сумевший пресечь выпивку в своем заведении, не мог отказывать немногим дружкам, завсегдагам его харчевни. Так и велось: набегается Ткач по делам снабженческим, намотается, накричится на своих нерадивых сотрудников, опьянеет жалко от нежеланной выпивки и поздно вечером вьется вокруг Фроси, вымаливая у нее прощение за день минувший.

Борис, живший у своего дяди в доме над столовкой, изредка навещался сюда перехватить чего-нибудь после лекций, не желая быть обузой для болезненной тетки, не всегда управлявшейся с обедом к его приходу. Ткачу он невесть почему пришелся по сердцу и частенько, особенно вечерами, когда Фрося наводила порядок в полутемной столовке, Ткач перехватывал Бориса и, дружелюбно заглядывая ему в глаза, потчевал пивом и вел неторопливый разговор о своем прошлом. Борис слушал его хорошо, спокойно и заинтересованно, и эта странная дружба не была ему в тягость. Потом Фрося умерла, и Ткач, осиротевший и духом своим и телом, недолго уже ковылял по столовке. После смерти Ткача столовку модернизировали, превратив ее еще и в вечернее кафе, где собиралась жадная до общения студенческая публика из Политехнического. Выветрился запах борща из квашеной капусты, никто уже не помнил Ткача, как будто и не было вовсе покалеченной,

мятущейся и доброй души шумного днем и робко-тихого в полумраке вечера человека, преданно любившего угасающую, молчаливую женщину с неожиданными глазами.

И вот стоит сейчас Борис возле старой вывески и вспоминает неизвестно откуда накатившую на него и неизвестно куда схлынувшую чужую жизнь.

Весь сегодняшний день Борис ощущал себя так, словно внутри него от неосторожного прикосновения разлетелась на мелкие осколки гипсовая собачка-копилка, рассыпая в разные стороны позеленевшие медяки и тусклое серебро. То, что он долгие годы неприкосновенно хранил в себе, вышло наружу и он с изумлением обнаружил: сколько, оказывается, может вместить и носить в себе одна человеческая память. Он сталкивался с сотнями людей, и их жизни, беды, несчастья, поверенные ему либо за столиком кафе, либо в поездке, либо где-нибудь в полутемном уголке во время шумного застолья, либо прошедшие на его глазах и навсегда отложившиеся в душе, всплывали в нем совершенно неожиданно, заставляя его заново переживать, сочувствовать, негодовать и удивляться. Он часто задавался вопросом: почему — я, почему именно я, что толкало людей настежь распахивать ему свою душу, что было в нем такого, чем заслуживал он их доверие и искренность? Может, умением слушать не перебивая, не переспрашивая, не задавая вопросов. А может, просто благодаря случайности, которая послала его этим людям в минуту отчаяния и одиночества. Непонятно. И они, эти судьбы людские, вмещались в него, тревожа и будоража жизнь...

В Харькове он не был года четыре, с того самого дня как похоронил свою тетку. Все эти годы он чуть ли не каждый день рвался сюда, но заботы повседневной жизни оттягивали намеченные сроки. «Завтра», — говорил он, но завтра уходило, и он еще долго не мог простить себе отступничества от решения.

Что был Харьков, шумный, неброский, пыльный, что был этот город для него, уже оторвавшегося, ушедшего? Люди, к которым он был привязан, жизнью которых была прошита, пронизана, пропитана его жизнь и которых нет уже, а те, что есть, наверное, позабыли его. Но вот они никак не шли у него из сердца. Ему бы-

до трудно сойтись с новыми людьми, привыкнуть, привязаться к ним. Времени у него всегда было в обрез, масса никому не нужных дел, беготни, встреч, связей отрезали его от настоящей, как казалось ему, жизни. А в чем была настоящая жизнь, спроси его кто, он, может, затруднился бы ответить. Даже сны его, куда перетекало его повседневное бытие, были утомительны и докучливы. И чем дальше, тем больше приходил он к выводу, что все настоящее было в его прошедшей здесь, в Харькове, жизни. Он был молод тогда... Но разве стар он теперь, в свои тридцать лет? Ведь то, чего он желал тогда, осуществилось... так почему же недоволен он, чего нужно ему еще?

И только здесь, в Харькове, понял он, что не хватало ему такого, как сегодняшний день, когда он без видимой цели просто ходил по городу, который любил, каждый уголок, каждый дом, каждая улица в котором напоминали ему себя тогдашнего. Он даже не предполагал, что столько зарубок для его памяти разбросано по всему этому городу.

Вот и сейчас он услышал острый фальцет подвыпившего Ткача, ощутил горьковатый вкус теплого пива на губах. Пусть для других это полуподвальное помещение — харчевня и забегаловка, для него же это часть его судьбы, всегда благоволившей к нему, ибо по обе стороны дороги, которую он уже прошел и которую еще предстояло пройти, стояли несчастливые, добрые и грустные сторожевые, не дающие ему свернуть в сторону...

Борис открыл ничуть не изменившуюся за многие годы крепкую дверь, на которой, словно по кольцам на пне, можно было определить хотя бы две даты — праздничные, когда на прежний слой накладывался, наползая, перекрывая его, новый слой рыжей, зернистой краски, безбожно пачкавшей одежду посетителей.

В парадном было гулко и темно, лампочки на площадках шафранно померцовывали вполнакала, и Борис едва не оступился на ступенях. Он крепко ухватился за шероховатые пыльные перила и, не отпуская их, стал медленно одолевать один громадный пролет за другим. Этажей в доме было всего четыре, но пролеты были так велики, что на редких площадках приходилось останавливаться, чтобы просто перевести дух. До войны в доме помещалось какое-то солидное учреждение,

но война оставила в неприкосновенности лишь толстые стены, напроць выдув все, что было внутри них. После войны дом переделали в жилой, но вольготное парадное перестройке не поддавалось, и его оставили в покое. По две семьи жило на каждой площадке, и огромный холл с дверью на лестничную площадку был общим. В холле стояли старые кованые железом сундуки, дубовые буфеты с маслянистым блеском схваченных паутиной старинных стекол — все то, что уже давным-давно вышло из моды, но выбрасывать их кому-то все же было жаль. И стояли в холле вещи, помнившие лучшие времена, и темень облепила их точеные столбики, резные дверцы, обреченные отныне на вечное безделье и тихое умирание.

«Горный инженер М. Г. Эйнштейн» — блеснула в глаза Борису позеленевшая медная дощечка с огромной пуговицей звонка над ней. Дощечка была явно дореволюционная и, видно, сопровождала своего хозяина при его переездах из дома в дом.

Борис вспомнил сгорбленного сухонького старичка, который еще в 1901 году служил горным инженером в одном из акционерных обществ на Шпицбергене. 1901 год. Цифра эта для Бориса была чем-то абсолютно нереальным, невозможным. Но был ведь этот древний старец, был, и даже состоял в домовом комитете, и не только состоял, но принимал бурное участие во всех его делах. Он законсервировал время, а может, заставил течь его вспять, туда, к тому самому 1901 году на шпицбергенских шахтах, из которых извлекли уже весь уголь, или руду, в общем все, что в них содержалось. И дым от этого угля рассеялся в пространстве, и есть ли еще на свете Шпицберген — неизвестно, но этот старик есть, и если сейчас нажать на эту вот пуговицу звонка, возникнет вдруг из времени, из безвременья, из небытия, из своей комнаты за этой дверью старец, обманувший и время, и пространство, и даже самого себя. Пожать бы истонченную его руку с ломкой пергаментной кожей — вот оно — время — и заглянуть — вот оно — пространство — в толстые стекла окуляров, чтобы поймать на мгновение желтый взгляд мудрой совы. Так, может, все-таки нажать? Невозможно...

А на дощечке слева аквамаринном по белому надпись «Евг. Н. Каракровский». А ведь это неправда — не

живет здесь Караковский Евг., давно не живет, и табличка эта всего лишь вывеска, чтобы скрыть эту ложь. Ушел Евг. Караковский, из семьи своей ушел, от жены ушел и от детей, ушел к другой женщине — бывшей солистке балета. А сыновья Енга играли в бит-группе — Горик на ударных, а Зорик на банджо, здорово играли, с утра и до вечера играли, и вечером играли — в студенческом клубе. А бывшая супруга Евг. Караковского ходила по квартире в старом японском халате с тощими длинношеими и узкоклювыми аистами, и все валялось у нее из рук. Она приходила в себя в пятницу и с самого утра с бигудями на волосах цвета ржавой проволоки готовила дивный, пряный, с ароматами, пронизывающими весь дом, обед. А потом долго сидела перед туалетным столиком с зеркалами и слой за слоем накладывала на потерянное свое лицо невыносимую косметику, пока потерянность вместе с лицом не исчезала за беззаботной маской из белил, румян и неизвестно еще чего. Перед глазами Бориса возникла вдруг эта малаеванная маска с кровавыми огромными губами страдающего вампира, а на ней жалко, ожидающе, безнадежно проплывали глаза, которые ничем уже не удавалось ни замазать, ни закрасить, ни скрыть. И он услышал сладкую, приторно-сладкую дрожь банджо и горький, сухой ритм барабана, едва смягчаемый легким всплеском тарелок. И он разгадал, только сейчас угадал тайный смысл этого маскарада...

Евг. Караковский острый, летящей походкой делового человека (впрочем, он таковым и был) появлялся на пороге бывшей своей обители ровно в шесть вечера, своим старым ключом, болтавшимся на цепочке рядом с новым, открывал дверь и ненадолго, придиричиво и сумрачно погружался в атмосферу бывшего своего бытия. Он клевал мальчиков в щеку, заставлял себя смотреть прямо в лицо своей бывшей супруге, с аппетитом поедал обед, влетевший в копеечку дому без мужчины, незатейливо, по шаблону, вышивал канву назидательно-отчетливой своей речи по ударно-банджовому фону и бодро уходил до следующей пятницы. И бесильные слезы прорубали расщелины в белильно-румяных нагромождениях, и вспыхнувшая было надежда медленно гасла в потекших глазах, чтобы возродиться вновь к шести часам следующей пятницы. И простово-

лосая женщина с длинношеими и узкокловыми аистами на халате сонно слонялась по квартире до грядущей пятницы, а мальчики без отрыва от банджо и барабана жевали капустные пирожки, купленные у Ткача, запивая их белесым кефиром.

Борис еще раз посмотрел на аквамариновую вязь «Евг. Н. Караковский». Ни банджо, ни барабана не было слышно. Тишина.

И сопровождаемый этой тишиной, Борис одолел последний пролет до своего бывшего жилища. И он нажал на пуговицу звонка. Один длинный, не отнимая пальца, и два коротких, обрывающихся на ползвук. Чего он ждал? Шагов, конечно, крадущихся, нащупывающих путь, примеривающихся шагов дяди, виновато-подслеповатой улыбки дяди, лысого, сухощавого, бесхитростно-голубоглазого, незрячего — перед глазами лишь теневидные силуэты, раскачивающиеся как на палубе в штормовую погоду. Он пойдет к дверям, вытянув вперед чуткие руки, пальцы напряжены в ожидании препятствия коварного, неожиданного, опасного. Дядя знает этот условный звонок, знает и радуется Борису, и радость будет в помягчевших, размякших пальцах, устроившихся на борисовом плече, и радость будет в уверенности движений и в потвердевшем, отчетливом шаге..

Или...

Или торопливые, припадающие на левую, так и не отошедшую от паралича ногу, но все же легкие шаги, круглое лицо с круглыми, вечно удивленными, тревожными детскими глазами, с беспорядочными упрямыми кольцами каштановых с проседью кудряшек на высоком в паутине морщинок лбу. Тетя. И тоже радость, еще больше округляющая лицо, выдавливающая глубокие двойные ямочки на щеках, уже тронутых увяданием, но неистребимо молодых. И голос, прошитый украинской песенностью...

Кто им был Борис? Племянник, да, но и нечто большее... Сын? Да, да, конечно, сын, несмотря на то, что портрет сына, увеличенный с маленькой фотографии и потому расплывчатый, подернутый дымкой, смотрит со стены комнаты. Вот он, беззащитно-тонкошей, большеротый в отца и круглолицо-круглоглазый в мать,

волосы ежиком — мальчик, но уже в гимнастерке солдатской, защитной, не защитившей его от пули..

Не будет этих шагов. И все же звонит Борис один длинный и два коротких, и звонок нарушает победившую тишину в комнатах и в прихожей. Почему же звонит Борис? Потому что вспомнился ему его первый, тот далекий первый приезд и приход сюда, когда мальчишеское его сердце, отграненное печалью и еще не закаленное бедами, предательски сползло к желудку и, дай ему Борис волю, ушло бы в пятки, когда руки, дрожавшие мелко от тяжести громадного фибрового, пятнистого чемодана и солдатского вещмешка, в которых содержалось все, чем Борис владел в этом мире, опустились вдоль сгорбившегося туловища низко, едва ли не к коленям. Он хотел уйти, сбежать, скатиться кубарем по гулкой пустынной лестнице, но ноги не желали слушаться и руки не шли к ручке постылого чемодана и ремням вещмешка. И так стоял он здесь, как казалось ему, лихорадочному, целую вечность, и безразличие, смешанное с пустотой, разливалось по его вздрагивающему телу.

А потом... А потом его накрыла волна — теплая с брызгами соленых теткинских слез, рокотом и гулом дядиного баритона.

Какая это была жизнь?

Борис родился за четыре года до войны, и рождение его стало смертью его матери. Ему казалось, что он помнил ее. Помнил? Да, помнил. Он помнил не фотографическую мать, удержанную зрачком аппарата рядом с отцом, он помнил не рассказанную бабушкой, соседями, подругами матери мать, он помнил живое, страдающее, в бисеринках пота лицо с закушенными до крови губами, уходящие, меркнувшие, закатившиеся за верхние веки глаза, руки, всплеснувшие, хватющие воздух, удерживающие жизнь. Что это было, как это было возможно и было ли это вообще, Борис не знал, он просто помнил — и это было самым главным.

Еще он помнил отца, прощающегося с ним, засыпающим, уже спящим, но видящим склонившееся над ним горькое лицо в каске с красной звездой. Была ли каска, может, ее и не было, просто она пришла позже, может быть, но она все же была потому, что он ее помнил, и отец в этой каске, и губы его двигались, а

лосая женщина с длинношеими и узкоклювыми аистами на халате сонно слонялась по квартире до грядущей пятницы, а мальчики без отрыва от банджо и барабана жевали капустные пирожки, купленные у Ткача, запивая их белесым кефиром.

Борис еще раз посмотрел на аквамариновую вязь «Евг. Н. Караковский». Ни банджо, ни барабана не было слышно. Тишина.

И сопровождаемый этой тишиной, Борис одолел последний пролет до своего бывшего жилища. И он нажал на пуговицу звонка. Один длинный, не отнимая пальца, и два коротких, обрывающихся на полузвук. Чего он ждал? Шагов, конечно, крадущихся, нащупывающих путь, примеривающихся шагов дяди, виновато-подлеповатой улыбки дяди, лысого, сухощавого, бесхитростно-голубоглазого, незрячего — перед глазами лишь теневидные силуэты, раскачивающиеся как на палубе в штормовую погоду. Он пойдет к дверям, вытянув вперед чуткие руки, пальцы напряжены в ожидании препятствия коварного, неожиданного, опасного. Дядя знает этот условный звонок, знает и радуется Борису, и радость будет в помягчевших, размякших пальцах, устроившихся на борисовом плече, и радость будет в уверенности движений и в потвердевшем, отчетливом шаге..

Или...

Или торопливые, припадающие на левую, так и не отошедшую от паралича ногу, но все же легкие шаги, круглое лицо с круглыми, вечно удивленными, тревожными детскими глазами, с беспорядочными упрямыми кольцами каштановых с проседью кудряшек на высоком в паутине морщинок лбу. Тетя. И тоже радость, еще больше округляющая лицо, выдавливающая глубокие двойные ямочки на щеках, уже тронутых увяданием, но неистребимо молодых. И голос, прошитый украинской песенностью...

Кто им был Борис? Племянник, да, но и нечто большее... Сын? Да, да, конечно, сын, несмотря на то, что портрет сына, увеличенный с маленькой фотографии и потому расплывчатый, подернутый дымкой, смотрит со стены комнаты. Вот он, беззащитно-тонкошей, большеротый в отца и круглолицо-круглоглазый в мать,

волосы ежиком — мальчик, но уже в гимнастерке солдатской, защитной, не защитившей его от пули..

Не будет этих шагов. И все же звонит Борис один длинный и два коротких, и звонок нарушает победившую тишину в комнатах и в прихожей. Почему же звонит Борис? Потому что вспомнился ему его первый, тот далекий первый приезд и приход сюда, когда мальчишеское его сердце, отграненное печалью и еще не закаленное бедами, предательски сползло к желудку и, дай ему Борис волю, ушло бы в пятки, когда руки, дрожавшие мелко от тяжести громадного фибрового, пятнистого чемодана и солдатского вещмешка, в которых содержалось все, чем Борис владел в этом мире, опустились вдоль сгорбившегося туловища низко, едва ли не к коленям. Он хотел уйти, сбежать, скатиться кубарем по гулкой пустынной лестнице, но ноги не желали слушаться и руки не шли к ручке постылого чемодана и ремням вещмешка. И так стоял он здесь, как казалось ему, лихорадочному, целую вечность, и безразличие, смешанное с пустотой, разливалось по его вздрагивающему телу.

А потом... А потом его накрыла волна — теплая с брызгами соленых теткинских слез, рокотом и гулом дядиного баритона.

Какая это была жизнь?

Борис родился за четыре года до войны, и рождение его стало смертью его матери. Ему казалось, что он помнил ее. Помнил? Да, помнил. Он помнил не фотографическую мать, удержанную зрачком аппарата рядом с отцом, он помнил не рассказанную бабушкой, соседями, подругами матери мать, он помнил живое, страдающее, в бисеринках пота лицо с закушенными до крови губами, уходящие, меркнувшие, закатившиеся за верхние веки глаза, руки, всплеснувшие, хватяющие воздух, удерживающие жизнь. Что это было, как это было возможно и было ли это вообще, Борис не знал, он просто помнил — и это было самым главным.

Еще он помнил отца, прощающегося с ним, засыпающим, уже спящим, но видящим склонившееся над ним горькое лицо в каске с красной звездой. Была ли каска, может, ее и не было, просто она пришла позже, может быть, но она все же была потому, что он ее помнил, и отец в этой каске, и губы его двигались, а

вместе с ними двигались усы, часто щекотавшие его щеки усы, и полузакрытые глаза то совсем закрывались, то открывались вновь. Почему-то была ночь, а впрочем, так оно и должно было быть, ночь поглотила отца, поглотила его лицо и зеленую каску с красной звездой. Он никогда больше не видел отца и все-таки видел его каждую ночь, видел до удивительного одинаково, словно бы повторение одного и того же необходимо было для того, чтобы он помнил. И он помнил.

Итак, все лучшее было в его жизни из памяти и в памяти, а наяву осталась лишь одна бабушка, которая не хотела жить, но жила, чтобы не оставить Бориса в совершенном одиночестве. Бабушка жила для него, и он чувствовал себя бесконечно старым, и даже горбился по-стариковски, и ходил семеня по-стариковски, и говорил глухо и медленно по-стариковски. А в темноте накатывающейся ночи он лежал на твердой постели, и кровать его была вплотную придвинута к бабушкиной кровати, и бабушкина морщинистая костлявая рука легко и невесомо гладила его горячий лоб, и шамкающий ее голос пряд бесконечную пряжу сказок и реальных историй, былей и небылиц, которые, сцепляясь и перемежаясь друг с другом, создавали удивительный мир, единственным жителем которого был он, Борис...

Один длинный и два коротких...

Никого.

Борис вытащил из кармана ключ и открыл тугую дверь.

Мартвис

Стоит только наступить лету — и сразу проблема: снять дачу. Условий здесь несколько: чтобы не очень далеко от города — раз, во-вторых, чтобы не очень дорого, но все должно быть честь честью. Тенгизу-то что, а ведь жена должна готовить: газовая плита, холодильник, то да се — не тащить же все это с собой из города; в третьих, соседей и дачников должно быть немного, и, желательно, без маленьких детей — им и своего драчуна хватает, с ним и так хлопот не оберешься; и, наконец, хозяйка должна быть покладистой, а то, не дай бог, попадется стерва — того не трожь,

там не ходи, здесь не садись — весь отдых пойдет на-
смарку.

Все это Тенгиз слышал от жены не раз, чуть ли не
каждое лето, но поди найди такую дачу.

На поиски дачи Тенгиз всегда отправлялся с тяже-
лым сердцем: вся эта морока была ему не по душе, но
делать нечего — надо. И он, усмирив себя, покорно
трясая в автобусе или в электричке, как попрошайка
ходил из дома в дом, смотрел, приценивался, говорил
с незнакомыми людьми, нерешительно мялся, не умея
принять решения, и, наконец, махнув рукой, голодный
и усталый, снимал комнатку гораздо хуже тех, что по-
падались вначале.

Вот и сегодня слезящийся сумеречный рассвет не
сулил ничего хорошего. Встать не хотелось, но Тен-
гиз, стараясь не шуметь, заставил себя встать, сунул
ноги в шлепанцы и на цыпочках неловко выбрался из
спальни на кухню, оделся, еще раз посмотрел в окно —
бр-р, дождь, мелкий, морозящий, нудный, — стал искать
куртку и кепку, нашел, потом умылся, неохотно поже-
вал черствый хлеб с сыром, запил водой из-под крана
и понуро направился к двери. Но как он ни старался
открыть дверь без скрипа, это ему не удалось, и жена
все же проснулась. Избегнуть напутствий жены, видно,
и на этот раз не удастся. Тенгиз ругнул про себя чер-
тову дверь, хотел было закрыть ее, но жена успела
уже выйти из спальни и, просовывая руки в рукава ха-
лата, двинулась к нему. Не дав жене опомниться, он
закрыл дверь перед самым ее носом и стремглав ска-
тился по лестнице. Не станет же она, в конце концов,
кричать в окно. Подбодренный своим ловким маневром,
Тенгиз во мгновение ока оказался во дворе. Здесь, ут-
кнувшись капотами в затылок друг дружке, спротново
мокли под дождем обычно гордо-победоносные «Жи-
гули». Для небольшого двора их было слишком много—
не повернуться. Во двор они въезжали небрежно, свы-
сока поглядывая на пешеходов и играющих детей, у
которых спирало дыхание при одном их виде. Но двор
быстро и наотмашь сбивал с них спесь: они робко жа-
лись всю ночь под темными окнами дома, чтобы утром,
как побитые собаки, угловато выбраться из узких во-
рот. Тенгиз, без зависти окинув взглядом матово-

мокрые бока нахохлившихся автомобилей, независимо прошагал мимо них.

На улице была сырая тишина: дождь казался лишь выжимкой из этой тишины. Черные деревья лениво роняли на кепку Тенгиза тяжелые капли дождя, сложившиеся из невесомых росинок, сеющих с неба.

На троллейбусной остановке Тенгиз постоял недолго. По привычке, усвоенной с детства, он поглядел на троллейбусные провода, стараясь уловить их дрожь, вызванную далеким еще троллейбусом. Но провода недвижно провисали. Тенгиз быстрым шагом пошел по улице. Если троллейбус появится, он его нагонит, а если нет — нечего разбухать от дождя на остановке.

Туман неузнаваемо изменил облик городских улиц. Фонари уже погасли, и только редкие пятна света в окнах домов высвечивали дорогу. И как раз в эту минуту Тенгиз явственно ощутил вдруг свою причастность к родному городу и в то же время — странную свою отделенность от него. Чувство это было настолько новым и неожиданным, что Тенгиз даже приостановился. Что-то в нем сдвинулось, иначе откуда бы взяться подобному ощущению? Может, в этом повинны моросящий дождь, изменивший привычные очертания улиц, этот сумеречный рассвет, сквозь который трудно продираются контуры домов, это его настроение, неуловимое, еще подавленное сном, не успевшее отойти от ночной расслабленности и установиться. Так или иначе, что-то в нем и вправду сдвинулось, и это встревожило Тенгиза. И стремясь опять побыстрее отмахнуться от неожиданной печали, Тенгиз прибавил шаг. Острые струйки дождя, словно лезвия, испарывали плотный сырой воздух вокруг. Лицо сделалось мокрым и склизким. Сзади на Тенгиза надвинулось нечто огромное, шумное, сопровождаемое глухими шлепками брызг по асфальту. Троллейбус накатился как-то сразу и так же сразу массивно проследовал мимо. Бежать за ним Тенгиз не стал. Захотелось дойти до автовокзала пешком, продлить одиночество, проникнуться им до продрогших костей, до конца вкусить его горечь...

У магазина с ноги на ногу переминалась очередь за молоком, матово поблескивающим в квадратных корзинах, сложенных друг на дружку прямо на улице. Возле столика стояла продавщица с сонным лицом, в бе-

лом халате поверх дождевика. Она долго вытаскивала из корзины молочные бутылки, подолгу отсчитывала мелочь. А люди заспанно глядели прямо перед собой, не переговариваясь, как бывает обычно в дневной очереди, и покорно подвигались к столу. Тенгиза поразила необычность подобной тишины, и он еще больше ощутил свое одиночество.

Автостанция оказалась дальше, чем представлялось Тенгизу, и он уже успел пожалеть о своем решении. Но инерция движения была так велика, что в голове даже не укладывалось, как можно остановиться. Мокрые брюки неприятно касались ног, ботинки, несмотря на свой прочно-доброгнанный вид, нет-нет да и пропускали воду. Скорей бы...

Но вот, наконец, вдали замаячили длинные красные туловища «Икарусов», «Лазы» со скошенными одноглазыми лбами, тупорылые «Газы». Тенгиз облегченно вздохнул и прибавил шагу.

Здание автостанции не располагало к долгому ожиданию. Даже скамеек здесь не поставили. Несмотря на раннее время, у касс толпилось изрядно народу. Тенгиз сначала было удивился, но потом вспомнил, что сегодня суббота. Недавние горожане, выходцы из ближних и дальних сел, подгоняемые неусмиренной годами тоской по родным местам, в каждый выходной день устремлялись ко все еще тлеющим очагам своих стариков, родичей и знакомых. Отливы и приливы лихорадили автостанции, железнодорожные вокзалы и даже аэропорт. Тенгиз не раз жалел, что ему, потомственному горожанину, некуда деваться из суетливого и мельтешащего города, и смутная обида на своих предков, безоглядно иссушивших свой корень в деревне, нет-нет да и накапывала на него. Он любил деревню, как все исконные городские жители, невесть когда отлученные от земли и потому тянущиеся к ней жадно, но и поверхностно. Картины мирной деревенской жизни, раскрашенные его бедной фантазией, не имеющие опоры в памяти, обретали над ним особую власть в минуты наваливающейся на него усталости от городского житья. На лето он вывозил семью в дачные поселки, уже потерявшие деревенский облик и еще не приобретшие взамен городского. Да и народ тут жил уже смешанный, напрочь позабывший крестьянский труд, жадный до легких денег.

И вот теперь Тенгиз задумал плюнуть на все эти заезженные дачные места, тасуемые год за годом, как порядком потрепанная колода карт, и осуществить свою давнюю мечту — отвезти детей на все лето в настоящую деревню. Он еще и сам не знал толком, сладится ли его замысел. Но решение его было настолько взлеянным, что отступить от него Тенгиз уже был не в силах.

Он подошел к одной из касс, где народу было поменьше, и стал изучать длинные списки пунктов назначения. Полные странности названия незнакомых горных селений звучали для него как аккорды современной музыки. Он прочел список с начала и до конца, наслаждаясь, без остановки. Потом стал читать с конца. Впечатление все то же. Но что стоит за этими звучными названиями? Тенгиз с трудом представлял себе, где каждое из этих селений может располагаться — по одному автобусному маршруту или по разным, в ущельях либо на склонах гор, а может, в долине быстронесущихся рек? Выбрать, но какие? Что можно выбрать по одному названию: Асурети, Булачаури, Гергети, Самеба, Мачхаани, Норио, Клдекари — какое же? С частыми остановками, как бы прислушиваясь к движению, шороху, отклику души, прочитывает он вновь и вновь волнующие обозначения, письма, знаки. А за ним пристроился хвост, недлинный, но нетерпеливый.

— Вы, наконец, собираетесь брать билет? — Этот голос принадлежит нервному субъекту в шляпе, в пронзительном галстуке, выглядывающем из-под ядовитогорчицной болоньи. У него дергаются правое веко над сверкающим, испепеляющим глазом и левый ус над тонкой губой.

— Я-то собираюсь, да вот не знаю куда, — застенчиво и неожиданно доверительно произносит Тенгиз. Резко увеличившийся глаз незнакомца надежно закрепил судорожно дернувшееся веко, ус взлетел к угреватой ноздре хищного носа и задержался там надолго.

— Бывает. Чего ты к человеку пристал? Может, посоветуешь, если знаешь! — Неприязненно — незнакомца и сочувственно — Тенгиза оглядела тетка в мокром, явно широком в плечах, мужском черном плаще.

— Я тебе не справочное! — визгливо огрызнулся

«болонья» и, решительно обогнув Тенгиза, сунулся
окошечку кассы.

Тенгиз беспомощно поднял глаза к списку: Асуре-
ти, Булачаури, Гергети, Самеба, Мачхаани, Норю, Клде-
кари, Мартвиси. Да, именно Мартвиси, как это раньше
не пришло ему в голову — Мартвиси.

И он повторил уже громко в зарешеченное окошко
кассы—«Мартвиси» и протянул пятерку, и получил би-
лет, и боком отодвинулся, высвобождая место старухе,
и хотел отойти, и вынужден был вернуться на окрик: «А
сдача?», и взял деньги, и сунул в карман не глядя, и
отошел, теснимый вдруг задвигавшейся очередью и
обрастая людьми.

«Мартвиси». Не отыскалось магическое слово на
стеклах автобусов, не откликнулось. Еще раз пошел он
вдоль ряда автобусов, уставая напрягшимися глазами,
пугаясь этого неоткликания. И вот... Линялый, задер-
ганный, обшарпанный автобусик из детства — отжив-
ший, но выживший, переживший самого себя. В Март-
виси такие и должны ходить, именно такие и только та-
кие — ведь то Мартвиси. А в автобусе — никого, а до
отхода двенадцать минут, а шофера нет... Изразцы по-
теков на стеклах похожи на след брошенного ловкой
рукой камня — в середине слепое пятно и веские лучи
во все стороны. Узор меняется — лучи прорастают друг
в друге, окружия угловатятся, размываются, уступая
место новому узору, а шофера все нет. Подошла пожи-
лая чета. Мужчина косо глянул на запотевшую над-
пись, кивнул женщине, пропустил ее вперед, подал
большую холщовую сумку — трудно, тяжелая, — жен-
щина, не поднимая, потянула ее на себя, мужчина уже
взобрался на ступеньку, медленно отталкивая сумку
от себя, помогая. И подошли еще более пожилые с рюк-
заками, сумками, напрягшимися длинно и толсто авось-
ками и трудно стали втискиваться в автобус, одинако-
во толкая впереди себя тягостный груз. И сразу запол-
нилось нутро приземистого автобуса, и он еще больше
припал к мокрому асфальту своим низким брюхом. И
шофер — тоже пожилой горбун, как-то весь сдвинутый
вперед и так застывший — открыл свою дверцу, не под-
нимаясь в автобус оглядел пассажиров, глянул на часы,
взобрался, на мгновение провиснув на жилистых, круп-
ных руках, на обтертое кожаное сидение, захлопнул

дверцу, еще раз оглядел всех, посигналил коротко, подождал и наконец тронул. Автобус, дребезжа, откатился назад, едва не наехав на проплывающий позади величественный «Икарус». Мотор чихнул, заглох, снова завелся. Шофер вырулил и, только теперь потянув на себя правую дверцу с длинной рукояткой, замкнул ее на длинный болт. Все.

«Все до Мартвисси?» — не поворачиваясь, спиной к публике спросил он и, услышав нестройное «да», кивнул головой.

И пошла, задержалась за стеклом длинная растянутая окраина, задымленная, приземистая и вдруг сразу выросла, побелела, многоэтажно заматовела сквозь пелену дождя. Дома строящиеся, недостроенные, мусор строительный — корявая проволока, дыблящиеся куски бетонных плит, и все это — мокрое, проложенное серой грязью. А вот уже сошла на нет чужеродная высота домов и вновь потянулся окраинный обреченный пейзаж. Потом резко сгнули дома и неровно побежала линия низкорослых елочек, разбавленная редкими всплесками стрелчатых тополей.

Красно-желтая бензоколонка наплыла откуда-то сверху, с вкрадчивой крутизны начинающейся горной цепи. Шофер, видно, хотел остановиться, но затем передумал. И автобус, послушный мыслям водителя, сначала задыхливо замедлил ход, но потом увеличил обороты похлопывающего двигателя, собрался и заковылял дальше.

Дорога сузилась, изогнулась и пошла над углубляющейся с каждой новой петлей пропастью. Осыпающаяся, в желтых выемках и зеленых пятнах кустарника стена слева как бы отталкивала от себя автобус, теснила его к краю пропасти. А пропасть, обманчиво пологая вначале, затем резко уходила вниз к мутному и острому лезвию бесшумной отсюда реки. Тенгиз смотрел на эту реку со смешанным чувством страха и радостного возбуждения, страха — темного и древнего — за свою жизнь, и возбуждения, розового и упругого, как здоровая кожа на обожженном теле. На мгновение ему почудилось, что он вовсе не в автобусе, а на оскользящей каменной тропе и все ее неровности беспокоят ступни его босых ног. А автобус уже трясся вниз, раз за разом опускаясь к подавшей слабый голос увеличиваю-

щейся реке. И вот уже дорога идет над самым ревущим, пенно шлифующим огромные валуны потоком. Шейя Тенгиза затекла и в глазах зарябило от меняющейся реки. Дождя уже не было, и, наверное, давно, но редкий молочный туман то скрывал горы, то вновь обнажал их крупными пятнами, теряющими резкость и вновь обретающими ее. И это тоже было как река, но медленная, неизбывная.

Асфальт, пусть даже латаный, кончился, и дребезжащий автобус запрыгал и завилел. Вода с горы подмывала, разжижала, холмила дорогу. А навстречу стали попадаться тяжелые грузовики с мощно выдвинутыми вперед капотами, и автобус, как бы стыдясь своей хлипкости, покорно уступил им всю ширину дороги, оставляя себе лишь узенькую полоску над яростно взрывающейся рекой. А за поворотом, по ту сторону реки завиднелись двухэтажные безликие дома какого-то поселка. Тенгиз стал припоминать, что где-то здесь должна строиться огромная ГЭС и поселок, верно, принадлежит ее строителям. Безлюдие поселка поразило Тенгиза. Ничто не оживляло его: ни дым над крышами, ни вереницы стиранного белья, ни дети. Щитовые времянки, легко разнимающиеся, переносные, без фундамента, без корня, они исчезли из поля зрения так же неожиданно, как и появились. А на смену им пришли те самые живые, дышащие дома из булыжного камня, выросшие, но еще не отделившиеся от реки, и разноцветные флаги белья на перекрещивающихся веревках обмывались молочностью тумана. Девочка с мальчиком уже махали рукой автобусу, и три низкорослые лошади с далеко выдвинутыми к воде узкими мордами пили быструю воду из громкой реки. Валуны усеяли зеленый склон доброй горы, некруто обрывающейся ко дворам, огороженным длинными жердями, прилаженными к деревянным стойкам. Деревня далеко и вольготно разбежалась по пологому берегу разорванной на рукава реки.

— Скоро всех отсюда выселять станут. Здесь водохранилище будет, — услышал Тенгиз за своей спиной хриплый мужской голос и жалеющий вздох женщины. — Да ты не вздыхай, для них, знаешь, какой поселок строят, вон там, на высоком берегу. Дома со всеми удобствами, по-людски заживут.

И Тенгиз почувствовал, как вдруг обострилось его зрение, как стали четче и явственней детали этих домов и дворов. Деревни скоро не станет, и вода будет стеклянно перекапываться над слоистой черепицей этих кровель, и трубы, пока еще источающие кривые вензеля дыма, заполнятся водой, и дворы, придавленные толщей воды, займутся, одонятся, и будут всплывать на мутное зеркало воды неожиданные предметы, напоминающая о творившейся здесь веками жизни. Тенгизу сделалось не по себе. Вдруг стало нестерпимо душно, и тошнота зашевелилась в горле. Деревня эта уйдет на дно и сама станет дном, и участь ее предрешена. А люди, в ней родившиеся, будут до рези в глазах смотреть на бесстрастную высокую воду, дном которой сделалась их деревня. О чем они будут думать? И засветят ли им лампочки, начиненные светом от этой ГЭС, и как согреют их электрокамины с нарисованными поленьями, питающиеся энергией от этой ГЭС?

— Здесь теперь, знаешь, сколько археологов работает? Экспедиция за экспедицией. Копают и копают, торопятся — ведь все под воду уйдет, поди потом узнай, кто и как здесь жил тысячу лет назад.

И автобус, как бы сжалившись над Тенгизом, вильнул в сторону и круто свернул в боковое ущелье, узкое и сумеречное. Дно будущего водохранилища осталось за спиной.

Белая церковь взметнулась на крутой горе. Рваные крепостные стены зубчато запрыгали по гребню. Тенгиз всегда поражался неожиданным местом стояния горных церквей. Церкви эти были похожи на дух земли, возносящийся в небо, нечаянно зацепившийся за выступ скалы и осевший на ней — легко и воздушно, но не забывший неба и по-прежнему тянущийся к нему. И автобус, как бы повторяя все ступени восхождения духа на вершину, стал карабкаться все выше и выше. Ущелье посветлело, распахнулось, и края его зазеленели. Белое пятно церкви все еще плыло под автобусом, чертя плавные круги. Добраться к ней можно было лишь скакнув через пропасть, распластавшись над ней. И как бы предупреждая автобус от безрассудного шага, возник мост — белый над чернотой пропасти, содиняющий воедино два гребня, и автобус облегченно и осторожно

ступил на его бетонные плиты. Замелькали тонкие, летящие перила, мост прогнулся, потом снова выпрямился и выбросил автобус на каменный проселок. Мелкие камешки застучали по днищу автобуса, и сопровождаемый их стуком автобус нырнул за последний выступ скалы, чтобы окончательно поравняться с церковью. Появился дом, похожий на птичье гнездо, затем пониже другой, вырастающий из склона горы, продолжающий ее очертания. Автобус замедлил ход, прополз еще немного и оказался на полукруглой площади. Справа притулился сшитый из фанерных щитов магазин сельпо, наискосок от него — ярко-голубая деревянная парикмахерская со стеклянной распахнутой настееждверью, две скамейки тянулись вправо и влево от нее. За парикмахерской возвышалась оштукатуренная желтая стена клуба, крытого шафранной черепицей. Коегде штукатурка обвалилась, оголив острые кулаки булыжников. В площадь узко вливалась улица, видно, единственная в селении, длинная, уходящая в низкое небо, скрадывающее истинную высоту горной гряды.

Завернув в сторону от магазина, автобус затормозил возле шиферного навеса, под которым ютилась будка с двумя лавочками по бокам. Пассажиры, продремавшие весь двухчасовой путь, засуетились, потянулись к вещам, угловато задвигались к выходу. Водитель неловко спрыгнул на красноватую землю и дернулся всем своим согнутым туловищем, пытаясь разогнать застоявшуюся в жилах кровь. Тенгиз остался сидеть на месте, дожидаясь, пока все пассажиры выйдут из автобуса. Он уже раскаивался в своей мальчишеской безоглядности, не зная, что предпринять дальше в безвестном и, по видимости, безлюдном селении. Пассажиры, не испытывающие подобных сомнений, без задержки растеклись по незамеченным Тенгизом переулкам. Площадь мигом опустела. Водитель, топчась возле будки, с подозрением вполоборота глядел на Тенгиза. А он, смущаясь этого взгляда, встал, пошел к выходу и, стараясь придать беззаботное выражение лицу, вышел из автобуса. Из парикмахерской показался небритый седоголовый мужчина в белой куртке, одетой поверх черного дубленого жилета. Тенгиз, не сбавляя шагу, направился прямо к нему, сопровождаемый долгим взглядом водителя. Парикмахер, ожидающе привалив-

шись спиной к косяку распахнутой двери, без любопытства рассматривал Тенгиза.

— Здравствуйте, — поспешно стянул кепку с головы Тенгиз.

— Здравствуйте, — чуть помедлив и не меняя позы отозвался парикмахер.

— Вы, случаем, не знаете, кто на лето сдает комнату?

— На лето? Сдает? — не поняв вопроса, с удивлением протянул парикмахер.

— Да, да, на лето. Я хочу сюда семью привезти.

— Семью? У нас тут такого отродясь не бывало. Комнату сдавать? Нет, ничего подобного я даже не слышал.

— Понимаете, хочется пожить в настоящей деревне, чтобы дети землю почувствовали!

— Там, повыше, с десяток брошенных домов наберется, — неопределенно показал рукой на горы парикмахер. — Живите хоть целый год, коли охота.

— Вы меня не поняли. Я хочу за деньги снять комнату у кого-нибудь из местных жителей.

— Местных жителей здесь по пальцам пересчитать можно. Все старики да старухи, упрямыцы, — свет таких не видел. Молодежь вся в город пошла, да и что ей здесь делать, летом и то не зазовешь. Так иногда в выходные заезжают, стариков проведать, — парикмахер говорил медленно, глотая слова, но в глазах, где-то на доньшке, засветился интерес к собеседнику. — А ты это хорошо сказал — землю почувствовать. Только вот земля у нас худая, неродючая, картошки чуть — и вся радость. Зато овцам раздолье, да вот беда, некому их пасти, гурты-то есть, да все пришлые...

И парикмахер замолчал. По всему видать — надолго. Тенгиз тоже молчал, не зная, что еще сказать. Сделалось грустно, захотелось уйти отсюда, забраться в автобус, переждать в нем возвращения назад в город, чтобы никогда больше сюда не приезжать.

— А ты пройдишь по деревне, может, и отыщешь что. Только вряд ли. И все же пройдишь, погляди. — Искорки интереса в глазах парикмахера погасли, и щеки в бурой щетине посерели, опали. Он трудно отлепился от косяка, помедлил, глядя куда-то поверх головы

Тенгиза и, повернувшись к нему спиной, ступил в темноту парикмахерской. Тенгиз постоял недолго, затем словно очнувшись, резко развернулся к улице и зашагал по ней. Потом так же резко остановился, вдруг вспомнив, что забыл выяснить, когда автобус возвращается в город. Водитель сидел на лавочке возле будки и пил молоко из глиняной кружки. Рядом с ним прилегла невеста откуда взявшаяся пожилая женщина в темном платке на сухонькой головке. С ее щуплых плеч низко обвисала клетчатая шаль с макаронной бахромкой. Тенгиз, стараясь не смотреть в глаза водителя, глухо спросил, когда уходит автобус. Водитель отпил молоко из кружки, дождался, когда угомонится кадык, задержавшийся на худой шее, и коротко отрезал: «В три часа пополудни». Тенгиз взглянул на часы — только-только пошел одиннадцатый. Оставалось еще целых пять часов...

Александр КАЛАНДАДЗЕ

НЕЙШНЕВСКАЯ КЛЯТВА

Р о м а н

Одновременно Гиви прибег к дипломатическому ходу: что если ему удастся избежать кровопролития? Через послов предложил паше отказаться от осуществления предписанного фирманом, грузины не потерпят кощунства и надругательства, а если уж выйдут из терпения, ох, как несладко придется османам.

Багровое солнце опускалось за лесом, медленно отступая к горным отрогам. Войско князя Амилахвари выходило из Самтависы. Женщины провожали его слезами надежды. Отряды шли и шли, и людям это казалось чудом — Грузия не сломлена, не склонила головы, не покорилась, неверные будут изгнаны с ее земли...

Три священника во главе с иеродьяконом отслужили молебен. Опасаясь, как бы не рассыпался ненароком ветхий животворящий крест, его осторожно и благоговейно закрепили на доске. Люди распростерлись ниц и так молились. После молебна совершили крестный ход по деревне. Каждый спешил приложиться к кресту. Гиви Амилахвари смиренно опустился на колени. Кипела в предвкушении опасности буйная княжеская кровь.

Маленькая Анино с балкона махала отцу рукой.

Когда весной 1735 года царевич Теймураз, сын Несе, гостил в Пшави, неотлучно находясь с двоюродным братом, сопровождаемая Эрекле на охоте и в походах, принимая участие в кабахи, с равнины поступали тревожные вести. Опустошена Веджинская крепость, из Напареули и Курдгелаури угнано население, опустошен и Алазанский край.

Продолжение. Начало в № 9.

Однажды утром Эрекле услышал, что горцы разрушили церковь мученицы Кетэван, разграбили дворец и готовятся совершить нападение на укрытия, расположенные в Пшави. «Да снизойдет на нас столько божьей благодати, — говорили пшавы, — сколько лезгинских следов видели мы в наших горах».

Разгневанный царевич кликнул клич, собрал сверстников, вскочил на коня и оглядел свой малочисленный отряд:

— Время начинать, братья!..

— Или навсегда останемся мы скопцами безбородыми! — озорно подхватил Драглика Цхраперангишвили и в мгновение ока очутился в седле. Тотчас выросли рядом, обнажив мечи, побратимы, для которых жизнь была не дороже соломинки.

— Сгорают от нетерпения сердце! Как вынести, что молчат, не гремят наши ружья!

И когда появился царь, выстроившийся отряд Эрекле сверкал доспехами и оружием.

— А-а-уа-аиме! — только и сумел воскликнуть царь Теймураз и приказал вызвать военачальника.

Опершись правой рукой на рукоять меча, Эрекле смотрел на отца. На его мужественном лице отражались и скрытое волнение, и сдерживаемая горечь. Усы и борода только пробивались: как деготь черные волосы, орлиный нос, белоснежная кожа. Смелый, но мягкий взгляд выдавал в нем человека непоколебимой твердости и незлобивого сердца.

Чолокашвили ухватился за узду царевичева коня:

— Погоди, царевич, не спеши!

— Куда ты, дорогой? — спросил Теймураз.

— На мщенье, государь мой батюшка!

— Не рано ли тебе? Не исполнилось и пятнадцати...

Эрекле хранил спокойствие. Вот так же восемь лет назад его, рвавшегося в бой, ссадили с коня — потерпи, мол, годика два-три, а там воюй себе на здоровье. С тех пор прошло почти восемь лет. Неужели не замечают, что он уже не мальчик, а доблестный муж?

— До каких же пор, отец? Наш долг сразиться за родину, за веру нашу христианскую!

Придворные вздрогнули. «Не могу, не вправе, разум юного царевича еще не созрел для дел государственных», — ужаснулся Теймураз.

Отбросив колебания, Чонопорта, с довольной улыбкой в глазах, осмелился приблизиться к царю:

— Отвага царевича — игристое вино, государь; наши сомнения и страхи — алазанская водица, в хорошее вино не подмешивают воду!

— Простите мою дерзость, государь! — поддержал карлика военачальник. — Но божьему повелению противиться бесполезно!

«Что же мне делать?» — вопросительно взглянул Теймураз на царицу Тамар, она только теперь появилась здесь.

Конь Эрекле заржал и вскинулся на дыбы.

— Отпусти, государь, не держи! — взмолилась царица. — Один у нас сын и, видно, быть ему жертвой благословенной страны нашей, Грузии.

Эрекле подарил побледневшей царице взгляд благодарный и растроганный, у Чонопортэ вырвался вздох облегчения.

— Что же, будь по-вашему! В добрый час, царевич, но скажи нам, куда ты собрался и чего хочешь добиться с горсткой мальчишек!

Растерянный царь заметил вдруг на белогривом коне своего племянника, пристроившегося в хвост отряда.

Царица побледнела еще больше, увидев во всеоружии еще и двоюродного брата. Царевич Картли склонился в почтительном поклоне. Если до сих пор он напряженно слушал, то сейчас, когда все было решено, он почувствовал, как поднимается в нем радость, — так бывало с ним и раньше, в детстве...

С тех пор как он уехал из Тбилиси, любовь все сильнее овладевала им. Ему чудилось благоухание кос Анино. Охваченный тоской по девушке, он слал ей письмо за письмом. Порой желание увидеть ее было так велико, так непреодолимо, что, забыв обо всем на свете, он готов был бросить все и мчаться к владыкнице своего сердца.

Целые дни он и Эрекле проводили в седле, бродили по горам и долам, фехтовали, состязались в стрельбе...

Горцев поражали его ловкость и изящество, легкая поступь, не знающее промаха ружье и сила меча.

Он восседал на тонкогривом коне, гордо вскинув голову, — широкоплечий, тонкий станом, с лицом, отличавшимся чертами резкими и благородными.

— И ты? — вскрикнула Тamar. — Сжался хоть ты над нами, ты ведь гость наш! Если с тобою в Кахети что случится, какую только напраслину не возведут на нас!.. Ты единственная надежда и радость моей бедной золовки!

Теймураз, сын Иесе, лишь улыбался, сердце его жаждало боя.

— А мы поклялись затравить зайца! — подмигнул царевич Кахети царевичу Картли.

— Вот поди и говори с таким! — рассмеялся царь.

— Да уж, государь! — ответил военачальник.

— Что же ты сделал со мной, Чонопортэ? — кинул упрек карлику царь.

— За мной, братья! — крикнул Эрекле.

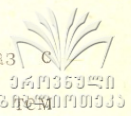
— Хай, да-да-да! Ауууу! — И всадники пустили коней вскачь.

— Подожди, государь, и я с вами! — Чонопортэ вставил ногу в стремя.

— Горе тебе и удалой твоей голове! — задохнулся в смехе Теймураз. — Нет, поистине все сегодня лишились рассудка.

Кони Эрекле и Теймураза шли рядом. Положившись на волю верных своих скакунов, юноши отпустили поводья. На спуске кони пошли рысью. Ничуть не отставая от Эрекле, покачивался в седле Чонопортэ, шаг в шаг с Теймуразом следовал Шио Сидамонидзе. У Дзаглики Цхраперангишвили через плечо был перевешен бинокль, в который он то и дело обозревал окрестности.

Ущелье взрывом сотрясла боевая песня.

— Молодцы! — проговорил царь, не сводивший глаз удалявшихся всадников.

Отряд продвигался вперед, и чем ближе к равнине, чаще встречались на его пути разоренные села, тем сильнее разгоралась жажда мщения. Еще недавно утопавшие в зелени окрестности опустели. Царевича уговаривали встречавшиеся им беглые семьи, в страхе перед лезгинами покинувшие Кахети, вернуться в родные места.

На следующее утро отряд Эрекле достиг Алаверди. Весть о прибытии царевича с быстротой молнии разнеслась по деревням, всяк, кто мог держать в руках оружие и не падал духом, спешил присоединиться к его отряду. К Эрекле стягивались все новые и новые силы. После нескольких боевых стычек, натолкнувшись на вооруженное сопротивление и почувствовав, что у страны появился заступник, горцы сочли за лучшее освободить этот край и совершали свои набеги уже не так часто. Временно, в ожидании подкрепления от османов, они оставили левобережную Кахети и засели в Кизики, превращенной ими в свое гнездо.

Люди выходили из укрытий. Эрекле сообщил отцу, чтобы тот прибыл в Телави. Царь послушался сына и занял царский трон в своем дворце.

Не прошло и двух дней, как царю сообщили, что на берегу Алазани стоит вражеское войско. Топал-паша привел из Тбилиси османов. Замыслили они разгромить Верхнюю Кахети. А в магаройской Ниноцминде¹ осквернили могилу святой Нины.

Придворные советовали царю возвратиться в Тваливи, но Эрекле умолил отца остаться и просил позволить ему выступить со своим отрядом в поход за освобождение земель, что лежали по ту сторону Алазани и Кизики.

Царь, военачальник, советники воспротивились: Кизики и часть Кахети у подножий Кавказа османы в свое время даровали горцам и выступить в поход за их присоединение значит бросить вызов Турции. Да и как доверить столь важное для судьбы народа и государства дело пятнадцатилетнему юноше, почти еще ребенку? Но снова все решило вмешательство царицы Тамар, слово которой было для царя Теймураза законом.

Слились воедино войска Верхней Кахети, во главе, по повелению Теймураза, встал Эрекле. Чолокашвили получил приказ спешно укрепить все укрытия в горах, дабы во время нападения лезгин и османов туда могло уйти население.

Телави горестно провожал воинов, идущих в сражение под предводительством отважного, едва вылупившегося беззубого птенца. Каждый знал: если ждет эту малочисленную армию гибель, то страна останется без защиты. Горю царя и царицы не было границ, а тут еще царевич Картли — он и слышать не хотел, чтобы отказаться от похода плечом к плечу с двоюродным братом.

Войско продвигалось осторожно и вскоре неожиданно натолкнулось на вражеский лагерь.

¹ Храм святой Нины.

Рассветало, когда царевичи Эрекле и Теймураз, Чонопортэ и тысячники поднялись на зеленый холм, чтоб произвести разведку местности.

Едва бросив взгляд на раскинувшиеся на Нейшневском поле вражеские отряды, едва узрев османов в красных шароварах, выдавшие виды, убеленные сединами кахетинцы схватились за головы.

— Уйдем, царевич! — пал на колени Чонопортэ, а за ним и тысячники.

— Погибнем, убито единственное матнее дитя — Эрекле! — с рыданием в голосе воскликнул воспитатель.

Выпрямившись в седле, царевич взглянул в бинокль на Нейшневское поле, на разбросанные вокруг холмы, на спускающиеся к Алазани величественные отроги, на вздувшуюся весенним половодьем реку, заметил каждую тропинку, определил все броды и спокойно перевел взгляд на лес, окутанный белой дымкой, потом снова — на поле, на копыта, сверкавшие под утренними лучами, на желтые и алые знамена, пересчитал еще и еще раз вражеские отряды — в голове Эрекле рождался четкий план боя...

Когда весть эта достигла Кизики, поднялись и стар и млад, женщины поднимали на битву мужей — каждая своей рукой перепоясала оружием, подвела коня:

— Идите, мужчины, умрите за родину! Сегодня ли, завтра ли придет к нам смерть — не все ли равно... Предстаньте перед маленьким царевичем Эрекле и за него пролейте кровь свою! А за нас не страшитесь — уж мы-то знаем, как отстоять семью, совесть и честь нашу.

Шел народ из Бодбе и Вакири, из Машваари и Гавази, шли кизикийцы с мечом и кинжалом, шли, чтоб присоединиться к царевичу, шли, пересекая доли и горы, шли пешком, ехали верхом на ослах, с булавой и с боевым молотом, приторочив к седлу мечи, шли с пиками, каждый прихватил что у кого было.

— Царевич, — обратился обрадованный пополнением войска Эрекле к Теймуразу, который пребывал в мучительных мечтах об Анино, — что-то твой конь подмигивает воронью, не прикажешь ли дать тебе другого?.. — Только он успел принести это, как несколько верховых из вражеского лагеря принялись гарцевать вдоль поля, двое понеслись по направлению к холму, где расположились Эрекле и его свита.

Горцы и османы узнали о приготовлениях кахетинцев, но и думать не могли, что в Грузии отыщется человек, который всерьез осмелится кинуть им вызов. Более того, они не верили даже в самое существование Грузии, грузин почитали народом трусливым и малодушным. То младшее поколение горцев, которое и разоряло Кахети, слыхом не слыхивало о героях земли грузинской, Картли и Кахети были для них лишь драгоценным ларцем, сокровищницей, которую они бессовестно опустошали, черпая и черпая оттуда несметные богатства — грузины создали для них рог изобилия, а им остается время от времени спускаться со своих гор да приглядываться к нему.

— Превосходно! — рассмеялись предводители горцев, заметив на склонах крохотное войско. — Так и просятся на

острие наших клинков. Добыча будет отменной: ружье, ружьем, имущество — имуществом, конь — конем, ну а грузины — пленниками для рынка! Хвала Аллаху, потом пойдёмся в деревни, переловим оставшихся без надзора пленников, а там, гляди, и сам растяпа-царь угодит в наши руки!

Было среди горцев немало тех, кто двенадцать лет назад, во времена Мамадули-хана участвовали в разорении Тбилиси, а позже два-три раза в году устраивали набеги, грабили население и всегда — беспрепятственно, не встречая ни малейшего сопротивления.

Трехбунчужный паша метал громы и молнии. Скажите на милость, презренные кахетинцы, воспользовавшись моментом, посмели выступить против моих лезгин, посмели заявиться в Телави!

— Тысяча чертей, — вырвалось у царевича Эрекле. — Похоже, они и вовсе ни во что нас не ставят.

— Скажи войску несколько слов, царевич! Приободри! — воскликнул Чонопортэ.

Эрекле встал в стременах, рукояткой хлыста откинул спущившийся на брови башлык и обратился к войску:

— Поглядите-ка, проклятые османы за людей не считают нас, кахетинцев, издеваются над памятью наших предков! Воин-грузин был и будет отважен, никогда не страшился он врага, малым числом не раз одерживал победу над несметными ордами и обращал в бегство самые отборные войска. Хоть и мало оставалось грузин — опустошали страну набеги, — сражались мы всегда геройски. Сегодня мы должны лечь костьми или победить на этом Нейшневском поле. Другого пути не дано!

— Мы назовем трусом каждого, кто не проявит отваги в битве с врагом, кто не сложит за Родину голову! — был ответом единодушный возглас воинов на пламенный призыв Эрекле. Сердца их не знали страха.

Изваяниями застыли кони. В ожидании приказа воины смотрели на наблюдавшего за противником молодого военачальника — словно горный орел был царевич, невозмутимый и прекрасный в своей решимости.

Он выстроил левый и правый фланги, в центре расположил стрелков, те же, кто был с мечом, составили передовую линию.

«Опередят нас», — подумал царевич, и тотчас мимо его уха, жужжа, пролетела пуля.

«Ну еще немножко, еще совсем немножко!» — уговаривал себя набраться терпения Эрекле. Вокруг грохотали османские ружья и фальконеты, свистела картечь, а когда разбойничьи полчища подошли совсем близко, царевич отдал приказ стрелять и взвел курок.

Противники все сближались. Воины отбросили ставшие ненужными ружья, воздух сотрясаясь могучими кликами, и зашвырнули клинки. Сшиблись два стремительных вала. Все смешалось, треск скрестившихся копий, булав, щитов, мечей, пик.

К тому крылу, где сражался царевич, окруженный группой тушинцев и пшавов, буроволосый рыбак — вождь хундзаво

подбросил подкрепление в сто меченосцев, но этого ему показалось мало, он послал еще два отряда. И еще один слева. Стекалась вражья сила, Нейшневское поле цетинилось обломками мечей и копий.

Передовой отряд продвинулся довольно далеко, Эрекле заметил несколько всадников и среди них рослого турка. Они мчались на конях прямо на него, чтоб изрубить его в куски. В какое-то мгновение они смерили друг друга взглядом, осман, улучив момент, занес меч. В ту же секунду царевич быстрее молнии оказался под животом коня. Противник наклонился, снова занес меч и тут же, залившись кровью, упал замертво, сраженный боевым молотом Дзаглики Цхраперангишвили. Он попытался подняться, но рухнул под копыта бешено мчавшихся коней.

Сзади послышался крик — Теймураз, Шио Сидамонидзе и еще несколько карталинцев оказались оторванными от основных сил. Увлеченный боем, Теймураз ворвался в самое пекло. Карталинцы сомкнулись вокруг царевича кольцом, размахивая булавами и тяжелыми мечами.

Враги, угадав во всаднике лицо знатное, старались во что бы то ни стало взять его живым, но видя, что юноша не собирается сдаваться, решили изрешетить его стрелами. Охваченный гневом, Теймураз ударом меча наотмашь сразил вражеского предводителя, разомкнул круг и продолжал орудовать копьём. Увидев вожда плавающим в крови, весь отряд, взревев, кинулся на царевича. И в этот самый миг Эрекле бросился в гущу сражавшихся и, не ожидая, пока меч рассекает надвое его двоюродного брата, смаху разрубил шлем подкрадывавшегося к Теймуразу со спины всадника, второго прикончил Шио Сидамонидзе.

Казалось, битва близится к концу, но тут в центр поля нагрянули новые отряды. Грузинам приходилось туго. Несмотря на отчаянное сопротивление, лезгины и османы одерживали верх, и теперь войску грозило поражение.

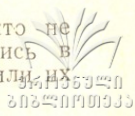
— Умрем, но не отступим! — И Эрекле со всей своей свитой вихрем врзался в самую гущу. Схватка вспыхнула с новой силой, ни одна из сторон не сдавала позиций в центре. Эрекле носился по полю, круша всех вокруг. В звоне мечей и булав бия набатом его боевой клич:

— Бейте, разите собачье отродье! Не выпускать голоштаных османов!

Сгрудившись, воины противника откатывались назад. Грузины напирали — рубили, косили обнаглевшего врага, все гуще вклинивались они в самое ядро разъяренного клубка — там решалась судьба боя, там бились царевичи — Эрекле и Теймураз.

Ошарашенные натиском, горцы и османы остервенело защищались, однако с каждой минутой убеждались, что бой для них проигран. Огромное Нейшневское поле залито их кровью. Прославленные предводители и паши превратились в трупы, искромсанные конскими копытами. Раненые взывали о помощи. Потерявшие всадников кони, обезумев, оглашали поле

пронзительным ржаньем. Вражеские ряды редели — кто не истек кровью, спасался бегством, в страхе устремившись в сторону Алазани. Грузины кинулись наперерез и встретились мечом.

Эрекле верхом объезжал ряды удалых своих воинов. — Вестника не упустите, вестника! — раздался приказ царевича.

Рыжий предводитель, что было сил нахлестывал полузагнанного коня, победители его настигали.

— Позор презренному!

— Ха, ну и быстрый же у тебя конь!

Когда привставший в стремени вождь горцев пришпорил навьюченного награбленным добром коня и направил его к реке, грянул залп нескольких ружей...

Безусые, безбородые юнцы — воины царевича Эрекле, восседа на своих скакунах, оглашали Нейшневецкое поле восторженным кличем:

— Ура! Победа!

— Да здравствует наша победа!

— Да снизойдет на вас милость господня, удалцы!

— Радуйся, Дзаглика! За мной крапивные хинкали с орехами, — хохотал юный полководец.

Все пути бежавшему врагу были отрезаны, в аулы не проник ни один вестник.

Потом, перекликаясь, войско собралось на зеленом склоне. Когда сняли с себя царевичи пудовые латы, ударилось о землю фунтов до десяти пуль и осколков копий. К счастью, раны у обоих оказались пустячными — на руке царевича Картли чуть выше локтя сочилась кровь, у Эрекле повреждена голень, но что была эта боль по сравнению с той огромной, беспредельной радостью, которая охватила всех вокруг.

Сотники и тысячники не досчитались шестидесяти ратников, сорок три убито, семнадцать не удалось найти. Около двухсот раненых Эрекле приказал отправить в Телави.

Потери были так незначительны, что радость победы возросла вдвое. Эрекле обошел воинские ряды, обнял каждого, командирам приказал назвать всех отличившихся в бою, и, целуя их в лоб, говорил:

— Да будет благословенна десница твоя!

Побежденные побросали награбленное, Эрекле разделил добычу между всеми. Самые храбрые и мужественные получили коней и оружие:

Население выносило навстречу хлеб, вино, молоко, сыр, масло и яйца.

За войском устремились просители — кто пешком, кто верхом — слезно молили они царевича пресечь произвол, царивший в дни господства османов, объясняли, где находятся спорные межи.

Из отдаленных мест, куда уже донеслась весть о победе, пришли посмотреть на юного полководца женщины.

Эрекле сказал двоюродному брату, что в Телави нужно возвращаться так, чтобы завернуть в освободившийся Кизики,

народ должен увидеть победителей, поверить в свою свободу, да ч ему самому не мешает поближе познакомиться с этим краем.

Повсюду их взору представляли картины одна другой безрадостней. Когда поднялись на высокий холм, Эрекле решил дать людям короткий отдых. С холма как на ладони просматривалось почти все царство. На северо-востоке — Гавази, на севере — Кварели, на западе — Дзимити. Ближе к горам, перед большим ущельем — Пховели и Зиари, в самом ущелье — Белая Лакабела. Вдоль владений Андроникашвили, с востока на запад растянулись покрытые альпийскими лугами хребты, которые выпавший накануне снег одел в блистательный убор, чуть южнее — затянутая непроницаемым туманом вершина, совсем близко — отделенные от гор цепью нижних отрогов зеленели молодые нивы пшеницы и ячменя. Радовали глаз цветущие поля Мапшоаури, Сакобо и Джугаани.

Обычно сдержанный, Эрекле не мог скрыть охватившего его восторга. «Будь благословенна земля наша! — подумал он. — Жить здесь вправе лишь тот, кто пойдет за нее на смерть!».

Гневу царевича Картли не было границ — разграблены священные монастыри Вакири и Магаройской святой Нино. Преданы смерти монахи, перепажана, сравнена с землей могила святой Нино, а епископа посмели посадить на осла. Драгоценнейшие рукописи сожрало пламя.

В дар разоренному монастырю Ниноцминда царевичи оставили иконы святого Георгия в серебряном окладе, вознесли, преклонив колени, молитву, отслужили молебен. Когда остались они одни у могилы просветительницы, из самого сердца Эрекле горячо вырвалось:

— Значит нет ничего невозможного, значит можно сломить врага Грузии!

— Предки наши неизменно одолевали каждого, кто желал нам зла!

— Так что же приключилось с нами, Темур! — обнял брата Эрекле. — Кого утрастились? Почему отдали страну на поругание?

— Мы разрознены, нет больше нашего единства... В единстве таилась сила грузинского народа! — скорбно ответил царевич Картли.

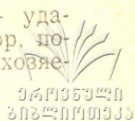
— Так надо спешить, почему медлим? — воскликнул Эрекле. — Такие несчастья не выпадали на долю Грузии ни во времена Тамерлана и Чингис-хана, ни во времена шаха Аббаса! Вражда, распри, предательство... Чего мы ждем? Вымирания?

— Единство... Нет прежнего единства, Эрекле, дальновидности нет, нет знаний! — со стоном повторил Теймураз.

— А сила? Ведь и силы недостает? Два ружья на сотню — да и те дважды в час не выстрелят. А казна, а деньги? Где они? Как же нам выпрямить спины? Удалью нас бог не обидел, сам знаешь, но на одной удали далеко не уедешь.

— Недруга от ближнего отличить не умеем, враг расправляется с нами нашими же руками, ума-разума никак не наберемся, а пора бы; общего языка с соседями не находим.

— Вот здесь кипит ненависть к врагам Грузии! — уда-
рил себя в грудь Эрекле. — И я не успокоюсь до тех пор, по-
ка мы снова не обретем свободу, не станем сами себе хозяе-
вами!

— Так будем же едины!
— Будем! И станем братьями духовными, как братья мы
по плоти и по крови!

— И пожертвуем собой!
— Матерью и отцом!
— Сыном!
— Честью и славой!
— Священной Грузией моей клянусь стоять плечом к
плечу с тобой, брат! Не будет в сердце моем места ни сом-
нению, ни ревности, ни клевете, ни алчности презренной, ни
зависти, ни честолюбию! И ни «моего», ни «твоего» не будет
отныне, а только «наше»! Вместе восстанем против скопища
злонамеренных, разорителей и непокорных.

Мечтой о светлом будущем родины срывались с их
уст пламенные слова. Они давали клятву братской любви,
которая жила в них с детства, корни ее брали начало в свя-
зывающем их двойном родстве. В них пело торжество —
отныне и навек их мысли и планы едины. Они были счастливы,
ибо отныне они во всем и всегда будут вместе. Их осенял нега-
симый луч надежды...

«Как это отрадно — верить и доверять!» — теперь пре-
исполненные благодарности один к другому, они как никогда
раньше ощутили силу этой истины! Да, счастье — лишь в без-
заветной любви к родине, и путь к нему через борьбу и само-
отречение!

Они говорили. Говорили о многом, много юношеских меч-
таний поведали друг другу, много планов построили — самых
невероятных и фантастических.

Опустилось солнце, дальние террасы тонули в туманном
сумраке. Прислонившись к стене, Чонопортэ шумно посасывал
чубук. Он смотрел на царевичей и довольно причмокивал:

«Экие вы какие! Где еще встретишь такое царственное
достоинство, такую гармонию! Оба величественны, спокойны,
степенны, и в каждом — сердце орла! Оба рубили неверных,
будто то хрупкие жердочки». С минуту царский советник
вглядывался в лицо царевича Картли: «Глаз не отвести! — по-
думал он. — А я-то, старый осел, не верил, когда говорили,
как братья единоутробные привязаны они друг к другу. Оба
знатны, и нет обом равных, но увя, — не будет в Грузии ме-
ста царскому величию обом — во благо страны ей нужен
один! Мы жаждем единства, а оно — оно в единовластии, и
царя должны окружать верные слуги и верные друзья, но —
одного царя, второму быть не дано! Сегодняшняя победа пред-
вещает великие перемены. Чует мое сердце — господь всевыш-
ний и всемогущий ниспослал нам надежду и славу нашу, средь
храбрых он явил нам чудо — маленького каха, сына царя Ка-
хети и внука царя Картли! Душа народа жива в моем вос-
питаннике!».

Чонопортэ все смотрел на претендента на трон Картли и в нем копошились сомнения, но гордая и величественная поступь царевича успокаивала.

«Во взоре царевича я вижу желание повелевать. Он никому не спустит обиды — отомстит мечом. Такую гордость, пожалуй, не простят даже самому царю. Однако он многому учился, сумеет достойной речью увлечь народ, но легкомысленный поступок его, которому дивится весь Тбилиси, вряд ли сулит добро. Не мешает подумать и о том, что настали иные времена и сыну чалмоносного государя не так-то легко будет сесть царем в Грузии — страну ведь погубили его предки. К счастью, трон нынче свободен, и его не займет ни этот иззяцтый юноша, ни его мусульмане-братья. Их притязания встретят противодействие, вот когда поднимется переполох. Тут-то и настанет черед Кахети. Держи ухо остро, Чонопортэ! Царь слушает тебя, вот и поговори с ним! Разумеется, племянника он так легко не предаст, но я призову на помощь все свое искусство, начну издали... издали... чтоб ни о чем не догадались. Борьба за трон в глазах народа все обернет чистым дельцем. Осторожнее, Чонопортэ, загляни-ка подалее да поглубже... Для воцарения в Картли нам весьма и весьма выгодно породниться с Амилахвари! Ну и глупые же мысли вертятся в моей голове, — отмахнулся Чонопортэ. — И все-таки посмотрим, на все воля господня!».

А в это время из Сакобо спешил Шно Сидамонидзе — он ненадолго отпросился у царевича, чтобы утрясти свои дела. В пути он подсчитывал доходы и расходы, распределял прибыльность урожая в тех или иных местностях. «Паату пошло в Гавази переселять детей Китесы. Откупил имение Сакобо, у Шепинашвили возьму по десять шаури за туман. Эти деревни умный человек не выпустит из рук. С божьей помощью Кахети теперь достанется нашему царевичу, оба царства будут принадлежать потомку Шах-Наваза и тогда мои поместья дадут десятикратный доход...».

Царевичи в сопровождении свиты поднимались по крутой скалистой тропе — перед возвращением в Телави они пожелали полюбоваться с холма, напоминавшего огромный вздыбленный над землей гриб, волшебным видом на Алазанскую долину. Кони с трудом одолевали подъем и наконец оказались на вершине.

Внезапно, откуда ни возьмись, напоззли с юга тучи, вмиг обволокли они холм, — теперь он оказался в окаймлении лохматых и грозных облачных ключев. Небо потемнело. Зигзагом юркнула в небе молния, загрохотал гром, и тотчас посыпались градины величиной с орех. О возвращении в такое ненастье нечего было и думать. Чтобы лошади не понесли, их выстроили в ряд. Укрывшись бурками, всадники подставили спину ураганным потокам. Породистые скакуны тревожно вытянули шею. Град хлестал и хлестал. И разверзлись хлеба небесные — вокруг гремело, грохотало, сверкало ослепительно-пронзительным блеском, казалось, небеса вот-вот рухнут под неистовым натиском стихии... Снова гул и снова молния... И вдруг в бурлящем, клокочущем алом месиве, в этой полымени и грохоте

царевичу почудился лик возлюбленной — с разметавшимися волосами, покорной и скорбной.

Сопровождавшие царевича всадники стояли у самого края бездны и при каждом взрыве грома, при каждой вспышке молнии хохотали... хохотали... Теймуразу доставляла удовольствие эта дикая свистопляска, затеянная природой. В полыхающих облаках мелькала Анино — и туманился взор, сжималось сладкой мукой сердце.

Так же внезапно, как и нахлынули, облака упали вниз, заволокли соседние хребты, обрушились на них громами и молниями — словно ястреб, терзающий зазевавшуюся несущую. А на холме прояснилось, распогодилось — ни облачка, в умытых небесах озорно похохатывало солнце. На нижних хребтах все еще кипели облака и извивались над ними молнии, и потрескивали громовые разряды. Это было страшно. Это было великолепно. Размашистым шагом прошел по хребтам дождь, он хлестал, отгоняя грозное чудовище, собравшееся поглотить все вокруг, на восток...

Еще немного, и на холмы и горы мягко опустилась тишь — ни грома, ни молнии. Ни звука... И тут благоговейное спокойствие нарушила песнь — широкая, вольная...

Что же еще было делать сердцу, как иначе сбросить с себя скорбь, что делать ему, если гложет его, вечно страждущее, неизбывная печаль...

Теймураз, дав шпоры жеребцу, взял с места так быстро, что Эрекле и ахнуть не успел. Под трепетным спокойствием примолкнувшего неба, пославшего ему безграничное умиротворение, юноша мчался, не щадя коня, чтоб в эту же ночь предстать перед любимой. Верный конь нес его через горы, он исчезал на спусках и показывался вновь. Легкая шелковая грива и пышный хвост белоснежной мантией развевались в пространстве.

Эрекле был потрясен — побратим умчался от него, позабыв проститься. «Наверное, затосковал по матушке», — улыбнулся он, уже с трудом различая коня, белым облаком уносившего его брата.

Именно в тот день, когда Тбилиси встречал кызылбашского повелителя, в семьях жениха и невесты шли последние приготовления к свадьбе:

Свадьба Анино и Теймураза была назначена на седьмое число винного месяца задолго до появления в Тбилиси Надиршаха, и теперь о том, чтобы отложить ее, нечего было и думать — при создавшихся обстоятельствах Амилахвари считал это бракосочетание, быть может, безрассудно смелым, однако необходимым шагом.

Планы царицы Эленэ вполне совпадали с планами самого Амилахвари. Она уже давно приказала начать приготовления к венчанию сына. Еще весной был обновлен дворец, принадлежавший ранее царю Иесе, все дворцовые покои обставили заново, в саду зацвели новые насаждения. Все говори-

ли — супруга Иесе собирается со всей приличествующей роскошью отпраздновать коронавание царевича Теймураза.

Подружки повели невесту в Сионские бани, искужали расчесали косы, умастили тело благовониями, насурьмили орови, покрыли, по обычаю, ногти хной.

Царевичем, у которого не было сестер, занялись двоюродные братья и сестры. Развлекая жениха шутками и песнями, они покрасили его едва пробивавшиеся усы и бороду, примерили праздничные одежды.

Ко двору Амилахвари съезжались бесчисленные родственники. Кроились для невесты платья, в шуме и гаме, под немолкающую «Макрули» — пока выкраивалось каждое, ее поворачивали троекратно.

Настал день свадьбы.

На Анино сверкал ослепительный подвенечный наряд; лицо ее покрыли белилами, на шею и груди переливались драгоценные камни и жемчуга, на голове сиял венец. Невесту усадили на богато убранную тахту. Вокруг суетились, порхая мотыльками, прекрасные девы, курили мускусом и амброй, ее тормошили, обнимали, осыпали ласками.

Дворец заполнили гости — Родам и Гиви созвали всех знатных вельмож Картли и Кахети со всеми их семьями. Царь Теймураз и царица Тамар прибыли в сопровождении высокой знати, которая накануне оказала такую пышную встречу Надир-шаху.

Ждали появления жениха и друзей. Непредвиденные события нарушили заранее намеченный порядок церемонии — жених выходил не из отцовского дворца, — там расположился Надир-шах со свитой, а из караван-сарая одного из своих родичей, Эрасти Орбелиани. За час до захода солнца под звуки свадебной песни в комнате, отведенной жениху, одевали в свадебный наряд Теймураза.

Показался царевич в сопровождении стройных, как на подбор, юношей, и загремел многоголосый хор, полился сладкозвучный стих Руставели, вспыхнули факелы.

Жених вихрем взлетел в золотое седло, тронул с места белого жеребца. За ним следовал эскорт. По правую сторону от царевича ехал Эрекле на скакуне цвета соломы — побратимы гарцевали на конях, которые совсем недавно мчали своих всадников по Нейшневскому полю, усеянному трупами врагов.

Захмелевшие дружки затагнули «Мравалажамнэр».

Вестник радости в мгновение ока очутился перед домом невесты, принял из рук эджиба чашу с вином. Кинул эджиб вестнику индийскую пиалу, набросил на плечи тяжелый халат, а когда тот ступил на порог дарбази — окутал привезенным индийскими купцами широким покрывалом.

Анино, скрытая под вуалью, притихшая, все еще сидела на тахте рядом с посаженной матерью и главной подружкой; у ног — разнаряженные служанки, которых родители невесты давали в приданое дочери, по обеим сторонам подружки детских забав Анино, юные и нежные.

Когда жених, а за ним родичи, князья, дворяне и прочая знать, вошли в дарбазы, все вскочили, с новой силой загремела «Макрули», — казалось, еще немного, и рухнут дворцовые своды — и царевич посадили на отведенное ему место, рядом с невестой.

В наступившей на какой-то миг торжественной тишине поднялся величаво князь Амилахвари, полный юношеского задора, преклонил перед дочерью колени. благоговейно взял ее руку и вложил в открытую ладонь царевича. Теймураз благодарно склонил голову.

Широко разливаясь, звучала «Макрули»...

Амилахвари решил, что венчание и коронация состоятся в Сиони и Светицховели, но теперь нужно было соблюдать осторожность, и Гиви остановил свой выбор на Анчисхати.

С рукава невесты спускалась шелковая лента, усыпанная драгоценными камнями и жемчугом. Царевич, взявшись за конец ленты, повел Анино в храм. За ними торжественной поступью шли мужчины, шурша шелками, выступали дамы. Шествие открывал Эстатэ Орбелиани с парчовой перевязью через плечо, рядом важно вышагивал Парна Бараташвили.

Храмовые ворота были заперты. Царевич высыпал в ладонь хранителя монастыря горсть серебра, упрасывая отворить ворота.

Настоятель монастыря, которому предстояло свершить таинство венчания, протянул жениху с невестой запаленные факелы. Орбелиани разостлал перед Анино шелковый подножник, Бараташвили бросил к ногам царевича золотой меч.

«Господи, боже наш, славою и честью венчай их!»...

Когда Теймураз и Анино обменялись кольцами, настоятель вознес над головой жениха, а потом невесты венцы и передал их казначею. Царевич сыпал горсть серебра на поднос, но этого хранителю показалось мало — и он крепче зажал в руке венцы. Под смех и озорные подзадоривающие возгласы царевич сыпал и сыпал монеты, пока поднос не наполнился доверху. Венцы были выкуплены, монастырский староста надел их на молодых и замер, завороженный красотой Теймураза и Анино.

Царевич снова взялся за конец шелковой ленты и повел Анино обратно, к дому.

«Не сердись на меня?» — дрогнувшим голосом шепнул он, выходя из храма, — после того, что случилось вчера у Сигни, он Анино не видел.

Ответа он не расслышал — эджиб приставил острие меча к воротам храма и новобрачных провели под мечом.

Перед входом во дворец паличник преградил дорогу друзьям, требуя вознаграждения.

— Грабят дружек, грабят средь бела дня! — смеялись юноши.

— Что поделаешь — обычай, извольте подчиниться, тем живем, — весело отпарировал паличник, пересчитывая монеты.

Откупившись, дружки со смехом и песнями вошли в распахнувшиеся врата дворца Амилахвари.

Увидев зятя и дочь, Родам величественно поднялась на встречу и, приблизившись к ним, поднесла к губам молодых по куску сахара, потом обняла и крепко расцеловала.

Царевич взволнованно поблагодарил ее и направился к тахте, но на него выжидательно смотрел эджиб — выкуп требовался и тут. Снова жениху пришлось раскошелиться. Когда жених и невеста сели, знатные вельможи и дамы попарно приблизились к ним. Дамы, поднося подарки, желали долголетия и счастья, мужчины, опустившись на одно колено и высоко подняв заздравную чашу, поздравляли царевича и Анино с бракосочетанием.

Зал сверкал множеством огней. В самом Эдеме не сыскать было бы столько невиданных, столько прекрасных и нежных гурий, целому каравану не поднять было бы украшавших их драгоценностей.

Виночерпии наполнили чаши вином, слуги вносили одно блюдо за другим, столы ломились под тяжестью яств.

Помянув имя господне, осушили чаши и кубки за здоровье жениха и невесты, за почтенных родителей их. Эджиб вручал царевичу полный сосуд, опустошив, царевич возвращал его и приказывал: «А теперь ты, за этого, и за того тоже!».

В разгар пиршества перед Анино предстали эджиб и секретарь:

— Несравненная, царевич изволит преподнести вам это! — И секретарь зачитал список деревень и поместий, которые молодой супруг преподносил в дар Анино.

Под возгласы одобрения эджиб склонился в поклоне, остриями двух обнаженных сабель приподнял фату невесты; опустил и снова приподнял, теперь уже приоткрыв ясное чело девушки; в третий раз откинул он фату совсем, явив взорам гостей прекрасное, сияющее счастьем лицо.

Хор голосов грянул «Открытие лика». Анино сконфузилась, зарделась. Подружка ласково обратилась к ней, успокоила.

Царевича, словно он только теперь увидел ее впервые, ошеломила красота супруги. Он замер, полный восторга и преклонения — перед ним было существо неземное, его Анино, преисполненная целомудрия и любви. Ее длинные шелковистые волосы, венцом поднятые над изящной головкой, обнажили беломраморную шею до самых плеч. Лицо ее излучало божественное сияние. Все умолкло. Наступившую тишину нарушил царь Теймураз:

— Перед красой невесты смутилось солнце!

Из внутренних покоев вышел секретарь Амилахвари в алом одеянии, с книгой приданого в руках. Сев на приготовленное для него на возвышении место, украшенное золотой парчой, стал читать:

«Мы отдали в супруги вам дочь нашу возлюбленную Анино, отраду и свет очей наших, прекрасную, подобную гуриирая, и определили в приданое села и деревни: Каспи, Нигозети, Метехи, Хандаки. Одежды: объяр кумачовый, с соболем и жемчугами, с золотым позументом и бахромой. Объяр белый, шелковый, с соболем и жемчугами мелкими, с коралловой ба-

хромой и серебряными подвесками, платье фиолетовое дорогого шелка. Украшения: шапочку, усаженную пятнадцатью тысячами мелких жемчугов и изумрудом бесценным, с тремя тысячами золоченых пластинок, с рубинами и сапфиром поменьше... Икону святой Троицы в футляре кожаном и с покровом. Часослов в переплете из золотой ткани. Книгу «Витязь в тигровой шкуре» в переплете с золотыми застежками, усеянными жемчугами. Из предметов стола: кубков вызолоченных сорок, каждый в шестьдесят монет. Принадлежности письменные: перо пишущее из заморского рыбьего зуба с золотым концом, ножницы. Зеркала, оправленные в золото. Воспитательницу добропорядочную с сундуком со всеми кольцами с бирюзой и жемчугом. Служанку честную с мафрашем, сундуком. Казначей честного. Горничную, служанку воспитательницы Мерикине Гурдзишвили, Мтеришвили Георгия...».

Секретарь все читал и читал нарастаев нескончаемый список. Его слушали, затаив дыхание, то была не просто «книга приданого», а документ, демонстрирующий величие и щедрость Гиви Амилахвари.

Но вот секретарь умолк, потонула в возгласах неподдельного восторга «Макрули», гости поднялись и стоя осушили чаши.

Веселье разгорелось с новой силой. После каждой очередной чаши дружки осыпали друг друга поцелуями, запевали песни, стараясь перещеголять один другого: слагали, состязаясь, шаири.

Шестую чашу осушили, преклонив колена. Мачабели поставил в ряд перед Химшиашвили три сосуда:

— Пей себе на здоровье! — воскликнул он и обнял соотрапезника.

Когда Цицишвили опрокинул подряд два кубка, Джавахишвили с притворным испугом вскрикнул:

— Смотрите-ка, чего доброго этот безумец выпьет следующий тост из бассейна!

Пазухи приглашенных певцов топырились монетами, после каждой чаши они снова и снова затягивали «Пеструю».

В перерывах между тостами женщины плавно начинали танец «Самайю». С обнаженными мечами вступали в танец мужчины.

Самозабвеннее остальных предавался веселью царь Теймураз. Всей душой радовался он счастьем племянника, наконец-то бедняжка его сестра воспрянет духом.

Девушки на выданье тараторили без умолку, заливаясь смехом, вспоминали смешные истории.

Царевич не сводил глаз с невесты и молчал, не в силах выразить охватившего его чувства. Он готов был пасть перед любимой ниц и шептать, шептать слова клятвы верности навек.

Как того требовал обряд, новобрачный в сопровождении дружек вышел в дворцовый сад. Стояла темная, благоуханная осенняя ночь. Царевичу хотелось побыть одному. Амилахвари в это время прошел к уединившейся в своей комнате Анино, он опустился перед ней на колени:

— Царица всея Грузии! Будь благословенно и безоблачно царствование твое!

Надеждой родителей, надеждой Картли, надеждой всей страны грузинской называл он дочь, расспрашивал шутливо и ласково, что изволит приказать его царица, и ничем было все — султан, хан, завистники и соперники — князь Амилахвари, потому что был он сейчас счастливейшим из смертных. Он был силен, он был могуч, он мог перевернуть мир, и все — во имя сохранения трона.

Когда царевич вернулся в дарбази, дружки выстроили у его ног искрящиеся вином кубки и прильнули к ним, не вставая с колен.

Гиви Амилахвари потребовал внимания. И тотчас рядом с ним встали князья Бараташвили, Мухранбатони, Ксанские и Арагвские Эристави.

— Да здравствует царь Картли! — в один голос возгласили они...

— Да здравствует царь Теймураз, сын нашего Иесе! — сказал Амилахвари.

— Аминь!

Изрядно подвыпившие гости не сразу поняли, что означает все это — признание за Теймуразом царских прав или провозглашение его царем.

— Нет у нас законного наследника, кроме царевича Картли Теймураза, он царь наш! — голосом, не терпящим возражений, произнес Гиви.

— Слава достойному Теймуразу! — Поднялись все, сидевшие за столом.

Первым бросился к Теймуразу царевич Эрекле, обнял, расцеловал. Царь Кахети Теймураз мгновенно протрезвел, он тоже не все еще понимал, однако встал, поздравил племянника, царицу — Анино, и сестру, едва сдерживающую слезы радости — в этот час сбылась сокровенная, единственная ее мечта, — она исполнила клятву, которую дала мужу.

Этот неожиданный для всех поворот ускорил завершение свадебного пира. Гостей еще дважды обнесли вином, да на том и остановились.

Молодой супруг, сопровождаемый эджибом и дружками, под оглушительную «Макрули» направился к спальным покоям. Те, кто не разошлись, сели за нарды.

Уже приготовили брачное ложе, и постельничий ждал молодого супруга у дверей. Увидев его, Теймураз остановился, глянул просительно, за что получил в дар великолепный матрац. Только он собрался сбросить с себя дорогие одежды, кинуться в альков и замереть в трепетном и сладостном ожидании, когда приведут Анино, как распахнулись двери и с чашами в руках в опочивальню гурьбой вошли друзья царевича — погоди, не спеши, повеселись еще немного с нами!

Готова Анино к восшествию на брачное ложе, подруги тщетно упрашивали, молили ее — отдавай хоть что-нибудь, весь день ведь маковой росинки во рту не было. Но из глаз невесты ручьем лились слезы, что очень забавляло хлопотавших вокруг нее женщин. Они рассказывали ей притчи, перебарывались шутками и, смеясь, осторожно сняли венец. Родам держала наготове легкий покров. Сейчас жениху доложат: «На-

стало время новобрачной сбросить одежды», и тогда он подойдет к любимой, опустится на одно колено, отстегнет, снимет с ее рук манжеты, спустит с ее плеча рукав, потом женщины помогут ей сбросить платье, он снимет с ее ног шелковые чулки и перебросит через спину. Потом поблагодарит Родам. Поднимет молодую жену на руки, подойдет со своей драгоценной ношей к ложу, опустит справа от себя.

Женщины покинут спальню, а Анино, застенчивая и ласковая, доверчиво склонит голову на его правую руку. Он будет спокоен, он заговорит с ней совсем спокойно...

Когда царь Теймураз оставил дворец, он заметил среди своей свиты Чонопортэ. Карлик вызвал в нем такое чувство омерзения, что он едва удержался, чтоб не вонзить в него меч. Чонопортэ перехватил полный ненависти взгляд царя и с горечью сглотнул подступившие слезы.

Вдруг на лестнице появились кызылбаши. Впереди, кося взглядом, взбегал рябой гонец — он нес знак абсолютного полномочия. Гонец бесцеремонно вступил в свадебный дарбазэ, сквозь зубы процедил приветствие и спросил, кто здесь хозяин.

Появление кызылбашского гонца повергло присутствующих в замешательство, их охватило мрачное предчувствие. Гиви Амилахвари выступил вперед и молча замер.

— Владыка Ирана и всего Востока, посланник аллаха на земле, благословенный свыше Надир-шах повелевает немедленно доставить в его лагерь дочь твою Анино, о красоте которой он насышан немало. Шах желает сам убедиться, так ли прекрасна княжна Амилахвари, как гласит о том людская молва.

Амилахвари побагровел. Словно окаменев, застыли недвижно юноши. Жених, которого друзья уговорили-таки сыграть партию в нарды, сорвался с места. Служанки, готовившие новобрачную к восшествию на брачное ложе, замерли, охваченные ужасом.

Анино притихла. Несмотря на сметливость и живой ум, она так и не поняла, что произошло.

Гонец громко и строго повторил повеление шаха.

Наяву это все или снится ему страшный сон? Теймураз обвел недоумевающим взглядом застывшие лица, потом с тревогой перевел взгляд на молодую жену и почувствовал, как бросилась в голову кровь.

Анино в ужасе спрятала в ладонях лицо и рухнула без чувств.

— Помогите! — выкрикнула Родам.

Люди опомнились. Дружки обнажили мечи. Теймураз, которому не исполнилось и шестнадцати, пошел на гонца.

— Остановись, государь! — раздался повелительный голос Амилахвари. Он испугался, как бы юный царь, ослепленный гневом, не наделал глупостей. Стараясь скрыть волнение, стиснув рукоять кинжала, он призвал на помощь всю свою выдержку и самообладание — одно лишнее слово, и его обвинят в малодушии и непочтении к шаху. И тогда всему конец.

Что делать? В глазах темнело, он чувствовал, как подкашиваются колени. Единственную дочь свою, царицу христианской Грузии, он не уступит без боя, лучше смерти! Отвратительная, бесчеловечная жестокость! Ради своей Анино он готов бросить вызов целой вселенной, ни шах, ни султан ему не страшны. Нет. Нет... И тут его обожгла мысль: Тамаз-хан и не помышляет о возрождении Картлийского царства!

Он делал над собой невероятные усилия, пытаясь справиться с мыслями, и вдруг, в знак отказа, протестующе взмахнул рукой:

— В чем моя вина перед вами, вы, кызылбаши? Что вы хотите от меня? Жестокостью и коварством вы погубите нашу страну! Царей силой обратили в свою веру, а теперь отнимаете у меня мое дитя?!

Лицо его покрыла мертвенная бледность, на скулах заходили желваки. Он был недоволен собой — все-таки не сдержался, не смог...

— Передай своему господину, дочь моя обвенчана, она — царица Грузии!

Кызылбаши равнодушно, однако не без замешательства, вперили взгляды в князя. Они отказывались верить своим ушам — Тамазу, непобедимому Тамазу, перед которым содрогается мир, посмел перечить какой-то князек! О аллах, он осмеливается поносить всемогущего шаха!

Гонец насмешливо вздохнул и стал спускаться по лестнице.

— Чтоб у тебя язык отсох!

— Господи, до чего довелось дожить!

— Да поглотит вас преисподняя! — в отчаянии запричитали женщины.

Дворец огласился стонами.

Пылающий гневом Теймураз обеспокоенно смотрел на тень — тот в бешенстве метался по дарбази, высккивая единственно верное решение — действовать надо было незамедлительно.

— Военачальника! — с ледяным спокойствием произнес он уже минуты через две. — Царицу — в Цхвало! Я буду там утром. Дигомские ворота еще не закрыты. Государь, ждите нас в Ананури! Через ущелье, что идет вдоль сада Тбилели, выйдем к Окроканской скале. Послезавтра явлюсь к тебе с войском. Женщин и детей — в укрытие!

Под плач и причитания он отдавал приказания, отбирал тех, кто пойдет с ним.

Видно было, как покрылись под белилами бледностью ланиты Анино. Когда ее отвели в дарбази, в пламени свечей лицо ее выглядело испуганным и беспомощным. В спешке с нее позабыли снять свадебное одеяние. Полными слез, кроткими и ясными глазами она о чем-то молила мать, которая дрожащей рукой часто-часто осеняла себя крестным знаменем. С ними должна была ехать и Эленэ.

Обезумевший Теймураз, готовый кинуться вслед за Анино, смотрел и смотрел на нее. Еще каких-нибудь полчаса назад во всей вселенной не было человека счастливее его. Серд-

05035940
2025.01.03 10:33

це его билось радостью — никто никогда еще так не любит, и тревогой — никто никогда не терпел таких мук расставания. Тысячи противоречивых планов завертелись в его голове, опережая друг друга: можно скрыться в Имерети у родственников! Но как же тогда трон, его страна?! Минуты тянулись мучительно медленно. Он готов был порывисто и нежно заключить Анино в объятия, оградить от беды, но усилием воли сдержался. Теймураз распрощался со всеми и, сопровождаемый свитой, вышел в заднюю дверь. Амилахвари проводил зятя к потайному ходу и дал последние наставления.

Повеяло холодом. Анино переодели в платье, обшитое черными соболями, закутали в златотканую накидку.

— Они ничего мне не сделают! — подбадривал Гиви жену и дочь, уезжавших в Цхвало. — Я пробуду здесь часок-другой и тоже уеду.

Он был уверен, что пока гонец доскачет до Тамаз-хана и тот вышлет боевые отряды, он успеет отдать необходимые распоряжения и связаться с верноподданными.

Так печально завершилась эта свадьба. Во дворце не смолкали стенания слуг и гостей, причитали женщины, причитали и мужчины.

— Не ведаешь, сленец несчастный, какая беда нависла над нами?! — негодуяще набрасывались на слуг, которые входили, ничего еще не ведая. — Шах потребовал у нашего господина дочь!

— Черный день настал для нас! Горе нам!
— Чтоб ослепли нечестивые его глаза! — Прикрывая лица платками, слуги старались приглушить рыдания.

Гиви приказал загасить все огни и накрепко запереть дворцовые ворота. У ворот он выставил надежную стражу.

Когда Тамаз-хану доложили, что повеление его осталось невыполненным, он оторопел от неожиданности. Смерив гонца недовольным взглядом, приказал выколоть ему за дурную весть оба глаза, и немедленно.

...Не успел шах вступить в Тбилиси, как ему передали записку. Это был донос: «Великий из великих! Гиви Амилахвари, не явившийся встретить тебя, укрывает от твоих очей дочь свою, прекрасную Анино, равной которой не найти в целом свете». Этого было достаточно для развратника-шаха — он легко поддавался искушению. В часы сомнений и грусти он проводил дни и ночи в гаремных палатках. «Сколько себя помню — постоянно в боях, — оправдывал он себя, — почему бы иногда и не позволить себе небольшую роскошь?». Помимо того, что он не собирался обуздывать бушевавшие в нем страсти, шаха возмутила наглость «презренного Амилахвари»: «Быть по-моему! — решил он, и его тонкие губы дрогнули в недоброй усмешке. — Забыл, кто я? Слишком я с ним цацкаюсь! Да и нужна ли такая осторожность! Похоже, меня путают с Сулейман-шахом! Прошли те времена, когда нам приходилось вилять хвостом перед грузинами. В конце концов, это только одно из наших ханств!». Тут и раздумывать нечего! Ему предстоит захватить Кандагар, потом выйти походом на Индию, он призван стать властелином вселенной! Шах

разволновался — война несет с собой расходы, и средства он должен добыть тут, да, тут, на этой вот земле! Его терзали сомнения: «Я слишком мягкосердечен, это может привести к заговору!.. Хм! Заговор!.. Это было бы неплохо! Разве не всегда наберутся ума-разума, постигнут мой нрав и денег не пожалуют! А если нет?!». На губах шаха выступила пена. Собрать сведения о политических деятелях Грузии он начал еще в Тебризе, когда ходил в разбойниках, и Гиви Амилахвари он считал опаснейшим интриганом. «Князь понесет примерное наказание», — заключил он и вскочил в ярости.

Шах указал кызылбашу на гонца, которому только что приказал выколоть глаза — тот вернулся несолоно хлебавши — и отдал новый приказ: во что бы то ни стало доставить сюда Гиви Амилахвари, с девчонкой ли, одного — все равно.

— Вреда не причиню, только взгляну на его дочь и тотчас отпущу.

Не прошло и получаса, как вооруженный отряд окружил княжеский дворец, и Гиви, едва успевшему отослать людей, было предложено немедленно явиться к Тамаз-хану.

Сопротивляться шахскому приказу было бессмысленно. Именем своего повелителя толчюаш гарантировал Гиви неприкосновенность.

С наступлением утра Тамаз-хан отправился в Сеидабад, где стояло лагерем его войско.

У просторного шатра, убранного с царской роскошью, Амилахвари заставили ждать: «Недоброе предзнаменование, — подумал князь, — и начальник телохранителей что-то слишком уж предупредителен». Но ничем не выдал он охватившей его тревоги.

Представ перед шахом, Амилахвари отвесил низкий поклон и, опустившись на колени, заверил его в своей преданности.

Тамаз-хан не спеша допил свой кофе. На Амилахвари он и не взглянул — не понравилась ему гордость, прозвучавшая в голосе князя. Прошло еще несколько томительных минут, наконец повелитель нарушил молчание:

— Скажи, любезный князь, чем я провинился перед тобой, чем вызвал твое недоверие? Я просил тебя представить мне дочь, а ты не пожелал. Почему?

На лице Тамаз-хана играла загадочная улыбка.

— Ну, что воды в рот набрал? Отвечай — где спрятал дочь! — Он грозно сверкнул глазами.

— Дочь моя замужем, великий!

Тамаз-хан поморщился, — кажется, князек смеет пренебрегать им и даже не пытается завоевать его расположение.

— А кто тебе разрешил выдавать дочь замуж?! — Губы шаха скривились в усмешке. — Ты обязан был поставить меня в известность о таком событии!

Растерявшись, Амилахвари впервые взглянул на повелителя Ирана — тупое лицо, злобные узкие глазки. Князь содрогнулся.

«Буду молчать. Каждое слово может оказаться губительным для меня!» — решил князь.

— Так где же все-таки твоя дочь? Веди ее сюда, пожалуйста — ступайте себе оба с миром!

— Моя дочь находится рядом со своим супругом, повелитель.

— Супругом, значит? — И снова его губы исказила улыбка. — А кто он?

— Царевич Теймураз.

— Которого нарекли царем в то время, когда я уже находился здесь?

— Он.

— Мы считаем его достойным наследником трона. Говорят, он разумен и весел. Прекрасно! Однако можно ли признать всерьез поступок шестнадцатилетнего юнца, если поступок этот противоречит взятым обязательствам? Я поражен твоей непредусмотрительностью, князь! Ты почему-то забыл, что есть и другие наследники трона. Абдул-бек, например, брат твоего зятя — вчера он изволил пожаловать ко мне. Или вот Вахтаг и его сыновья, — в любой момент я могу вызвать их из России. Лишь потому, что зять твой царских кровей, не приказал я взять его под стражу!

Амилахвари был подавлен — шах отлично осведомлен об обстановке в стране. Требования его невыносимы. Вездесущие враги князя уже успели донести на него — шах повторяет услышанное от них. Конечно же, Теймураза они выставили перед шахом размазней, книжным червем, а Тамаз-хан пуще чумы страшится просвещения.

— Не знаю, что проповедует ваша вера, но знаю, что нет на свете такой женщины, которая стоит того, чтобы друзья стали врагами.

— Эта женщина замужем, и мне неизвестно, где она сейчас.

— И это-то почтение к повелителю! — скривился Тамаз-хан. — Верное служение ему! Покажи мне дочь, другого я у тебя не прошу. Взгляну, познакомлюсь и отпущу.

— Невозможно, — твердо повторил Гиви.

— Даже если этого желаю я? Надир-шах? — Тамаз-хан отбросил чубук.

— Невозможно.

— А мне-то говорили, что ты умен, князь! Где там! Ты глупее грязной свиньи и упрямее осла! Будучи другом Исака-паши, ты воевал с верной нам Кахети, вел торговлю с лезгианами! Я нахожусь здесь, а ты без моего ведома, не испросив на то моего соизволения, подыскал царя, дочку сделал царицей! Благодаря османам ты возвысился и разбогател!

Гиви простить себе не мог, что не взял с собой оружия. Теперь надо терпеть, как можно спокойнее выслушать все, не дать почувствовать проклятому шаху, как оскорблен и унижен князь, не противоречить: «Молчать, одно молчание может спасти меня. Только бы мне вырваться отсюда!»

— Убрать! — заорал Тамаз-хан.

Стража с бранью набросилась на Амилахвари, — ему скрутили руки, надели наручники.

Тамаз-хан не допустил расправы над князем в своем шатре — повелел бросить мятежника в темницу.

— Держать под замком, пока не облагоразумится, не выпросит у меня прощенья, пока сам не приведет ко мне, — прошипел он и повернулся к князю спиной.

И поволокли Гиви, подталкивая и награждая тумакami, в темницу, где продержали двенадцать дней.

Двери темницы на крепком замке и так пригнаны к стене, что их не сразу заметишь. Снаружи хлещет дождь. Узнику не дают уснуть хотя бы ненадолго, стоит ему задремать, как начинают колотить в дверь. Гиви терзался горем и неизвестностью. Что случилось с его семьей? Что ждет его страну? Ему не давали ни хлеба, ни воды. Тамаз-хан знал — жажда и голод рано или поздно сломят князя.

Того, что стряслось с ним, Гиви не пожелал бы и кровному врагу. Но он мужественно терпел все.

Заклучив под стражу князя, шах послал в его владения свои войска. Воины Тамаз-хана беспощадно разоряли Ксанское и Арагвское эриставства и другие княжества, владельцы которых не явились встретить его или поддерживали Гиви и его зятя.

Настал одиннадцатый день. Кура несла изуродованные трупы детей, женщин, стариков; несла колыбели, постели, домашнюю утварь. Кызылбашы сгоняли тбилисцев смотреть на все это. Те, кому чудом удалось спастись, приносили страшные вести: за малейшее сопротивление провозглашалось «катами» — что означало полное истребление населения, — всех до единого.

Сам Тамаз-хан все эти дни пребывал в Сеидабаде, раздавал покоренные ханства, особенно благоволил к тем, кто пресмыкался перед ним и раболепно просил сохранения своих привилегий. Угрюмо и молча он выслушивал любую клевету, любой донос, внимательно приглядывался к каждому из подданных, ни на минуту не забывая, что завоевать власть еще ничего не значит, куда труднее удержать ее, а для этого необходим тщательно продуманный и отработанный механизм. Ему доставляло удовольствие утверждать в наследственных правах князей, проявивших покорность, выслушивать их клятву на кресте, подписывать и вручать им дарственные грамоты. Раз уж он решил, что Картлийскому царству никогда не быть возрожденным, надо оградить себя от возможных случайностей, создавать сильные, верные ему княжества, на которые он мог бы положиться. Надо обещать покровительство тем, кто по достоинству оценил его мудрость, кто первым явился к нему и выразил готовность всегда служить солнцу ликому. Шах обещал покорным, что скоро будет объявлена свобода вероисповедания, и он заставит султана освободить католика Доментия.

Чем больше запутывались дела Картли, тем старательнее приближал к себе Тамаз-хан царя Кахети Теймураза. В то же самое время в Нижней Картли шах энергично приступил к созданию мусульманских поселений. Но где бы он ни был, чем бы ни был занят, он не переставал думать о дочери Амила

хвари, и еще больше о самом князе. Шах доходил до иступления: подумать только -- дочь взбунтовавшегося слуги идо-
ступна для него! Его, могущественнейшего из могуществен-
ных, ни во что не ставит какой-то Амилахвари, жалкий гру-
зинский вельможа! Снова и снова мысли его возвращались к
Анино. Для него это была уже не просто прихоть, а дело че-
сти, восстановления погнанного честолюбия. Дурное распо-
ложение духа все чаще посещало его: не сегодня—завтра шаху
предстояло отбыть из Тбилиси, намечался поход в Кандагар —
он должен был получить все, что ему полагалось, а также по-
полнить войско.

За два дня до отъезда повелитель приказал привести пре-
вратившегося в получеловека узника в помещение, где палачи
вершили свой кровавый суд -- там плавали в крови только
что отрубленные головы непокорных, а палачи, скаля зубы,
взмахивали обогранными кровью мечами.

— Ну, какой совет дал тебе твой всеильный бог — при-
вести ко мне дочь или сложить голову на плахе?

Амилахвари понял, что не жить ему ни дня, если сорвет-
ся с его уст хотя бы одно горделивое словечко, но уклоняться
от ответа тоже нельзя. Как быть? Как избежать расправы?
Как спасти Анино и себя от шахского гнева?

— Государь, пощадите несчастного отца! — Он не узнал
своего голоса, противно звякнули на руках кандалы. А может
быть, он так ничего и не сказал и его воспаленные губы ни-
чего не произнесли и это ему только почудилось, — во вся-
ком случае Тамаз-хан или пропустил его слова мимо ушей, или
вовсе ничего не расслышал.

— Полно упрямитесь, князь, приведи дочку, взгляну на
нее разок и отпущу. И тебя отпущу. Не потребуешь же ты
с меня клятвы!

Гиви делал усилия заговорить. Доказывать, умолять бес-
полезно. Его никто не обвинит в трусости, но жизненный опыт
подтверждал, что самопожертвование порой граничит с глу-
постью, и он никогда не стыдился признаться, если им овладе-
вал страх. «Разве ты в ответе только за дочь? Вся Картли смот-
рит на тебя. Взоры всей Картли обращены на тебя, на тебя
одного надеются! Тиран ждет не дождется, только бы найти
повод сравнять с землей твои владенья и с корнем уничтожить
семью. Что ты собой представляешь в стенах этой темницы,
что можешь предпринять, какую пользу принести близким и
стране твоей? Надо решаться...»

Жизнь преподала князю не один урок дальновидности и
предусмотрительности, в любых обстоятельствах надо суметь,
хладнокровно поразмыслив, переступить через личное, но сей-
час Амилахвари лихорадочно искал и не находил выхода. Что
даст стране его самопожертвование? Спасет ли он такой це-
ной свою Анино? Но если суждено ему вырваться отсюда, бе-
регись, шах, не будет тебе пощады за твои злодеяния! Для
мести все средства хороши. Амилахвари не отступится, какой
бы жертвы ни потребовал от него жестокий рок!

От противоречивых и страшных мыслей мутилось созна-
ние. «Господь милосердный, не дай погибнуть моей стране и
семье моей!».

Что, если сменит шах гнев на милость? Гиви собрался было сказать что-то, но Тамаз-хан, никого не миловавший, терял терпение. Он окинул Амилахвари взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, и прошипел палачу: «Прикончить!». Секунда, и мелькнул бы в воздухе меч, и скатилась бы с плеч голова мятежного князя, но Амилахвари в знак полной покорности пал к ногам Тамаз-хана.

В наступившем молчании раздался ледяной голос Надир-шаха:

— Давно бы так!

— Я повинуюсь, великий шах! Тотчас вызову и приведу к тебе мою дочь!

— Вот и хорошо. Взгляну, так ли она прекрасна, как говорят, и можешь забирать обратно.

Семью Гиви озадачила записка, которую в ту же ночь доставил в Цхвало гонец. Все и без того были переполошены бесчинствами и разгулом, творимыми кызылбашами, а теперь рушилась единственная надежда. «Не горюйте, утешьтесь», — писал Гиви, но какое тут могло быть утешение? В княжеском дворце поселилось отчаяние.

Анино, день и ночь горевавшая о супруге, терялась в догадках, — почему отец вызывает ее в Тбилиси? Но слово Гиви всегда было непререкаемым, и Анино приготовили в дорогу. На прощание Родам спрятала на груди дочери талисман — перламутровую икону «источник жизни».

...Когда Амилахвари, невероятным усилием воли скрыв свою муку, простился с Анино и, взяв за руку, ввел свою дочь в шатер Тамаз-хана, тот так и застыл, пораженный красотой девушки.

— Поистине, она царица! — с непритворным восхищением воскликнул он.

Шах с изысканной вежливостью заговорил с дочерью князя, не переставая дивиться — уж не видение ли перед ним — лицо Анино скорбь сделала еще прекраснее. «Нежданная награда за столько дней дум и тревог! Благоуханная, целомудренная, нежная! Она создана для любви и наслаждения! И она сегодня же станет моею!».

Шах представил, как он приблизится к ней, как прильнет, впивая аромат, к пунцовым ее губам, и похотливо ухмыльнулся.

Анино в ужасе отшатнулась под помутившимся взором кызылбаша, губы ее дрогнули; трепеща, девушка замерла в страхе.

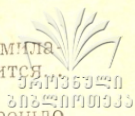
Когда Амилахвари вывели из шатра, Тамаз-хан медленно и благоговейно приблизился к княжне, взял ее хрупкие руки в свои, осыпал поцелуями.

Из глаз Анино хлынули слезы.

— Господи, пусть сгинет этот проклятый мир! — метался Амилахвари. — Покарай злодея, покарай и меня, чтоб не жгли мое сердце позор и бациллы!

Надир-шах, честолюбие которого было удовлетворено,

сдержал слово — через личного стража он передал Амглахвари, что он свободен, может идти куда заблагорассудится.

Наступила полночь. Легкое дуновение ветерка перешло в мощные порывы — бушующий ветер хлестал в лица ледяными каплями ноябрьского дождя. А вокруг — ни души.

Неужели его обманули? Или непредвиденная причина сорвала планы кызылбашей? Теймураз был близок к безумию, и неизвестно, что бы произошло, если б эта невыносимая тишина продлилась еще хотя бы минуту, но именно в эту минуту во мраке ночи возникли четыре мчащихся с запада всадника. Вдруг они резко повернули коней назад. Раздался едва слышный посвист. И тотчас медленно, приглушая цокот лошадиных копыт, проследовал верховой конвой. В бледном мерцании фонаря обрисовался закрытый паланкин, окруженный кызылбашами, чуть дальше — еще несколько паланкинов, охраняемых верховыми юзбашами, за ним коляски, арбы, воинские отряды... Первый паланкин приблизился к мосту, в ста шагах от него всадники ненадолго приостановили коней. Когда юзбаша ступила на мост, до Теймураза донеслись ружейные выстрелы. Все должно было решить это мгновение. У него перехватило дыхание и, едва кызылбаша миновали мост, Теймураз с помутившимся взором очутился у паланкина.

В наступившей вдруг пронзительной тишине он остервенело размахивал мечом, чтобы не дать страже возможности выстрелить прежде, чем он увидит ту, чья судьба была для него дороже жизни.

Внезапно паланкин качнулся, врезавшись в выступ скалы, нависшей над расщелиной. Царевич одним прыжком бросился к паланкину, подхватил на руки упавшую с ложа женщину, прижал свою ношу к груди. Под его утрашающим взором стража отступила... Задыхаясь от волнения, он смотрел на свою Аннино, в страхе прильнувшую к его груди. Слились в один гул грохот ружей, звон мечей, свист пролетающих стрел. Царевич вскочил в седло, вонзил шпоры в бока жеребца.

Так мчались они долго, очень долго. Царевич, не щадя, прищипоривал белого коня. Они мчались то вверх, то вниз, снова вверх, и снова вниз, перелетали с одной горы на другую, с равнины на равнину, и снова — в гору... Над ними мерцали то солнце, то луна, а порой они оказывались в непроглядной мгле. Они были одни в этом бесконечном пространстве. Наклонясь, он шептал ласковые слова приникшей к его груди Аннино и слышал в ответ: «Бог милостив, он не оставит нас».

Прояснялись и вновь затуманивались небеса. Трепетало измученное сердце. И было так, пока на высокой вершине, холмистой и неприступной, не поскользнулся усталый конь. Сквозь скалы и ущелья пронесся душераздирающий рев...

Ее поглотила бездна...

Сефи-хан совсем отчаялся — вот уже четвертое поражение наносят ему мятежники. Войско его тает на глазах, на помощь рассчитывать не приходится, и выхода он не видит. Уг-

роза шаха повергла его в трепет, и у него не хватало духа сообщить повелителю правду. Да, ему удалось унести ноги, и вражеское копьё не пропороло ему брюхо, но неизвестно, как расправится с ним разъяренный Тамаз-хан. Уж кто-кто, а Сефи-хан знал, как изобретателен Надир-шах на пытки. Допустим, случится чудо и шах не прикажет снести в наказание с плеч повинную его голову, что ждёт его тогда? Прикажет выколоть глаза или оскотить? Расправа, равносильная смерти!

Сефи-хан готов был зарыдать от жалости к себе... Погибнуть так нелепо, так глупо... Бежать... скрыться... сгинуть... Однако жизненные невзгоды, неизбежно выпадавшие на его долю придворного, закалили хана. Да, войско его разбито, но это еще не повод для отчаяния и безнадежности... И вдруг Сефи-хана осенило.

В последних числах июля он отослал письма чрезвычайной важности предводителям восстания, в которых от имени Надир-хана предлагал мирные переговоры по всем спорным вопросам, заверяя, что все претензии и требования мятежников будут удовлетворены, урегулируется и вопрос налогов. «Если вы, — писал Сефи-хан, — проявите уважение к нашему повелителю, мы придем к обоюдному соглашению, в противном же случае непобедимый Надир-шах велел мне передать вам, что его поход на Индию будет временно отложен и все военные силы брошены на подавление восстания».

Послание Сефи-хана было встречено дружным смехом: коварный хан считает их тупоголовыми недоумками, неужели он и впрямь думает, что они клонут на эту хитрую приманку! Им, победителям, хозяевам положения, снизойти до переговоров! Нет уж, пусть достопочтенный хан сматывает удочки! Угодливого придворного, оставленного Надир-шахом бдительно стоять на страже внутренних порядков Картли, они называли не иначе, как «пронырливой лисой», в руках у них документ, лишний раз подтверждающий лисью его изворотливость. Все это предводители восстания высказали посланцам хана. «Нет, — категорически заключили они, — недостойно чести карталинцев водить дружбу с вашим ханом, которого и человеком-то назвать нельзя».

Столь резкий отказ ничуть не обескуражил поднаторевшего в делах политики Сефи-хана.

Еще и еще раз появлялись в стане мятежников его посланцы со все новыми посулами и даже с дарами, якобы посланными самим Надир-шахом. Но всякий раз встречали решительный отпор. Сефи-хан не унывал. Поняв, что так в его западню никто не пожелает, он предпринял дьявольский ход — и как это он не додумался раньше! — хан разослал новые послания, на этот раз наследникам и князьям. Им предписывалось явиться к Сефи-хану, которому предстояло именем Надир-шаха утвердить каждого в соответствующих правах. Права тех, кто явиться не пожелает, получит другой.

Поначалу и это вызвало недоверие, однако кое-кого заставило призадуматься и даже нагнало страху — что, если в случае отказа трон и титул и впрямь достанутся сопернику, уплывут из рук? И завязалась переписка. Когда о ней стало известно другим князьям, поднялся переполох: того и гляди

161935940
8112 1110333

окажемся под пятой правителя нежеланного — и те в свою очередь принялись думать да размышлять.

Царю Кахети Теймуразу Сефи-хан писал: «До возвращения аллахом Надир-шаха дошел слух, что не так давно ты обратился с письмом к императрице российской Анне Иоанновне и просил ее о помощи. Великий шах удивлен, иль тебе неизвестно, что Персию и Россию связывают узы дружбы? Но несмотря на это, всепрощающий шах Тамаз-хан не изволит гневаться, напротив, он отправит для усмирения Дагестана дядю своего Ибраим-хана с большим войском и обещает пожаловать тебе Чар-Белакан».

Царский двор заволновался — в случае послушания Надир-шаху ничего не стоит отстранить Теймураза от власти, вернуть Али-Мирзу и подвергнуть страну опустошению. Не целесообразнее ли все-таки царю Теймуразу принять участие в переговорах? Так и порешили. После длительного совещания к Сефи-хану послали своих представителей. Наместник Надир-шаха повторил свои обещания, публично поклявшись на кожане...

Сефи-хан довольно потирал руки.

В один из августовских дней участники переговоров собрались в назначенное время в Цхвениси. Тут ради такого события были раскинута богато убранная шатры.

Прибыли: царь Кахети Теймураз, Гиви Амилахвари, Тархан-Моурави, Несе Мачабели со своими советниками и личной свитой. Под предлогом болезни отсутствовал лишь царевич Теймураз — мать и Гиви Амилахвари запретили ему появляться здесь; вести переговоры от его имени вызвался тесть.

Сефи-хан встретил прибывших с распростертыми объятиями. В пышном гостевом шатре царило такое дружелюбие, что грузины, как требовал того обычай гостеприимства, без опаски сняли оружие. Не теряя времени приступили к переговорам, стремясь как можно скорее мирно разрешить все набравшие вопросы. Сефи-хан расстилался перед вельможами Кахети и Картли, витиевато и торжественно выражая благодарность за согласие вступить в переговоры о перемирии. Веско, но не без остроумия, он говорил, что Надир-шах вернул Персии утраченную славу и ничто уже не препятствует сегодня мирному его сосуществованию с вассальными странами. Нечего грех таить, пока не все ладно между ними, но это печальное недоразумение и только.

Большие споры вызвал финансовый вопрос, грузины требовали уменьшения налогов в десять раз, но Сефи-хан твердо стоял на своем. Увидев же, что грузины на уступки не пойдут, он ловко ушел в сторону, заявив, что столь щекотливый вопрос не в его власти, этим займется сам Надир-шах.

Повстанцы выказали недовольство постоянными набегами. Войска Персии, говорили они, не должны обладать правом входа и выхода из города, незачем, дескать, им встревать в наши внутренние дела.

Сефи-хан зорко наблюдал за присутствующими, ему казалось, что царь Кахети не в меру напыщен, и он осуждающе хмыкнул в ус. Его немало забавляла вся эта затея. Он

объявил собравшимся, что представит шаху ходатайство об их помиловании, и прежде чем перейти к следующему вопросу, приказал офицерам личной охраны распорядиться, чтобы в гостях кофе. Тут он тяжело вздохнул, зло сузил глазки и несколько минут безмолвно потягивал дымящийся напиток. И вдруг хан незаметно подал стоявшему рядом начальнику стражи неувидимый условный знак. Тотчас вздернулись вверх полы шатра и, прежде чем грузины успели что-либо сообразить, на каждого из них набросилось по пять-шесть кызылбашей, им скрутили за спину руки — щелкнули на запястьях замки железных браслетов. Еще мгновение, и все они были крепко-накрепко связаны.

Гиви Амилахвари удалось схватить меч, но он не успел даже занести его — стражники прижали князя к земле.

Грузины не сразу поняли, что произошло. Немыслимо было поверить, что хан так вероломно нарушил клятву, отрекся от своего слова. Но стоило им осознать случившееся, как кровь бросилась в голову, и пленники взревели в бессильном отчаянии. То был взрыв протеста и безнадежности, они испытывали ненависть к самим себе — так непростительно угодить в капкан, искусно расставленный ханом, по собственной неосмотрительности в один миг потерять добытое ценой жестоких боев, ценою крови!

Хан преобразился. Еще и сам не веря сиогшибательной удаче, он с восторгом и торжеством разглядывал свои жертвы; и это они так долго держали его в трепете! Хан высокомерно выпрямился во весь свой рост, с насмешливой ухмылкой подошел к каждому, наслаждался видом поверженных, корчащихся в муках отчаяния мятежников, и, потирая руки, сотряс зловещую тишину диким хохотом.

— Так где же твое слово, хан?

— Где клятва?!

— Коран?!

— Это меня, меня-то сочли за глупца! — помолчав, взъярился Сефи-хан.

— Где уговор?!

— Это вы клятвопреступники! Вы! Предатели! Вы отказались служить шаху! Нанесли удар в спину! Грош вам цена — не разглядели простой ловушки! Теперь вы будете простираться ниц перед великим из великих, ползать у его ног! — вошел он, раскачиваясь из стороны в сторону.

Лишь теперь Сефи-хан просил Надир-шаха разрешить переговоры с предводителями восстания, а получив согласие, очень скоро сообщил, что грузины повели себя нагло, они взяты под стражу и предстанут перед могущественным шахом по первому его повелению.

А пока пленников, в том числе царя Теймураза и Гиви Амилахвари, держали под семью замками, морили голодом, и Сефи-хан изобретал новые пытки. Он был спокоен — все мятежники сложат головы в Иране и отомстить за них никто не сможет — некому.

Прошло четыре месяца. Настали холода. Закованных в кандалы, голых и босых, в самом плачевном виде, пленников

погнали к шаху. Следом был послан гонец с письмом, содержание которого исключало всякое помилование.

Когда пленников уже отправляли в путь, к ним неожиданно присоединились Зосиме Харчашнели, Паата Тусишвили, Гиорги Сагинашвили, Шатира Джангирашвили.

— Откуда вы взялись? — удивился Сефи-хан.

— Мы тоже участники восстания, вели наказать нас так же, как наказали наших товарищей! — ответил за всех Харчашнели.

— Вы осмелились скрываться от правосудия шаха! — взревел Сефи-хан. — Плетей им, да побольше! А потом — в кандалы! Гнать в хвосте, да проучить построже!

Февраль... Валит снег... Царевич ступил за городскую черту. Перейдя мост, свернул вправо и пошел куда глаза глядят. Когда осталась позади небольшая речушка, он увидел монастырь. Теймураз стал решительно подниматься по каменным ступеням к вершине, венчающей известковые скалы. Пригнувшись, прошел вдоль боковых алтарей. У длинной, примыкающей к северной стороне главной церкви галереи он замедлил шаг с тем, чтобы через мгновение, отринув трон, власть, царство, уже навсегда скрыться под сенью высеченной в Гелатской скале кельи; с тем чтоб прежде, чем пробьет его смертный час и он, перейдя в мир иной, предстанет перед богом, как подобает то каждому христианину — не сетуя, безгрешным и умиротворенным — приобщиться под монастырским кровом к существованию строгому и смиренному; с тем, чтобы с этой поры отрешиться от всего земного, от сплетен, зависти, интриг, насмешек и презренья... Здесь он обретет покой, мир и то безмятежное счастье, о которых мечтал, которых жаждал тщетно со всей пылкостью юных своих восемнадцати лет.

И когда юноша переступил порог, его заставила приостановиться внезапная мысль — ведь не существует более царевича Теймураза. Есть лишь бедный пустынный, монах Антоний, и, облаченный в черную рясу, он никогда больше не повернет головы, отзываясь на свое прежнее, такое привычное имя.

Из глубокого подземелья поднимался аромат ладана, окутывая все пространство спокойствием. Вдыхая его полной грудью, прислушиваясь к биснию своего греховного еще сердца, царевич предавал себя во власть нового, животворящего мира!..

«... Мы, недостойное чадо царя Грузии, Антоний, покидаем сей мир, устремляясь к вам, — ибо есмь я отныне на грешной земле монах и изгнанник. Не покидай меня, господи, осени своей милостью!..»

Стремился я сюда отовсюду, измученный, отягченный непосильной ношей, чтоб навек поселиться тут. Во имя отца и сына, и святого духа... Амины!».

— Выслушай же, Темура!

— Я — Антоний!

— Антоний?! — Глаза Эрекле подернулись слезами. — Мы с юных лет спаяны воедино! В Картли, Кахети, во всей Во-

сточной Грузии властвуем ныне мы с отцом. Грядут времена, о которых мы с тобой мечтали: близок день — будет спасена и восстанет из пепла наша родина! Сплотимся братски плечом к плечу устремимся вперед, навстречу возрождению Грузии!

— Я — служитель божий! — скорбно проговорил монах.

— Как можешь ты из этой пустыни спокойно смотреть на беды страны твоей? Грузины утратили родной язык, веру, землю, отчизну наконец. Грузины перестают быть грузинами! Османы и кызылбаши мертвой хваткой вцепились нам в горло! А ты?.. Ты!..

— Истинное счастье в спасении души нашей.

Эрекле с сожалением и болью всматривался в побратима, чувствуя, что любит его теперь еще сильнее. Любит и сострадает. За годы, принесшие каждому из них судьбы совершенно разные, это была их первая встреча.

— Я рад видеть тебя!

— Спасибо, брат.

— Взгляни, что делается с нашей страной! Арагвские и Ксанские Эристави, Амилахвари, князья и князьки передрались, проливают потоки крови. Как нам бороться с внешним врагом?! Шанше, призвав лезгин, разорил Саамилахваро и Арагви, Уртрут — Самухрано, Амилахвари обратился к османам, всем скопом губят князья нашу Грузию и каждый из них лицемерно проливает крокодильевы слезы, оплакивая гибель страны, которую сами же разоряют. И ни одному из них нельзя отказать в доблести, пронизательности, знаниях, богатствах. Все у них есть, и все это оборачивается несчастьем для их страны. Сколько государств катится к гибели из-за того, что нет у них государя достаточно смелого, решительного, провидящего, мужественного, у нас же их множество — достойных стать царем, шахом, султаном, императором — и это лишь на погибель нам.

— Я — раб пустыни!

— Ты не вправе! Ты не можешь здесь оставаться! Твой долг — в служении родине, ты нужен своей стране, Антоний! Грузины нуждаются не только в князьях и государях. Служить богу — значит служить и народу.

— Чего от нас хотят, почему терзают, в чем провинились мы?

— Врага не разжалобят наши вздохи и стоны, мы песчинка в бушующем море, наша ладья мала, вот-вот морская пучина захлестнет ее. Если Грузия не соберется с силами, как грести ей хрупким веслом?

— Трудно мне, Эрекле, вернуться в греховный мир, страшусь я.

— Знаю, Антоний, но другого пути нет. Три силы призваны защитить нас: вера, любовь к родине и наше славное прошлое, гордость за него. Сегодня эти силы дремлют, и стране нужна могучая десница, чтоб пробудить их. Ты все еще хочешь пребывать взаперти в мрачной монашеской келье? Нет, брат, ты будешь стоять плечом к плечу со мной, как поклялся когда-то на Нейшневском поле! Мы протянем руку друг другу.

спасем нашу родину, возродим ее величие! Объединившись, вместе изгоним с нашей земли неверных, положим конец братоубийству... Деревни наши разорены, горцы и османы продают наших крепостных, крестьяне переходят в мусульманство, лишь бы избавиться от мучителя-владельца.

Антоний слушал, как четко и убедительно высказывал царь свои взгляды. Его переполняли боль и гнев.

— Уже не найти в Картли надежного укрытия, безопасных крепостей. Кто заселит эти опустевшие места? Пожалуй, никто уже и не припомнит, чьими были эти земли, кто населял их.

— Мне служить Надир-шаху? Ведь он так и пышет враждой к грузинам... — задумчиво произнес Антоний.

— Грузины должны оставаться грузинами, и мы с тобой призваны свыше положить конец нашему рабству.

— Да, надо избавить страну от ненавистных извергов! — воскликнул Антоний.

— Жаль Грузию, брошенную Европой на произвол судьбы.

— И в европейской политике мы, увы, пока не разбираемся. Обладая мы их разумением и размахом, показали бы тогда османам и кызылбашам!

— Когда я сопровождал Надир-шаха в Индию, мне случилось видеть европейцев.

— Страна наша никогда и никому не покорялась рабски. И когда врагу казалось, что она уже сломлена иноземцами, она вновь восставала из пепла.

— Все так, брат мой. Поэтому и прошу — вернем родине утраченную мощь.

— Но дал я обет священный, брат мой Ираклий, что буду служить господу в пустынной обители, уйду от мира.

— Послушай, взгляни действительности в глаза — в беде страна твоя. Что смогу сделать для нее я один, без твоей поддержки? Стране нужен просветитель, вещей пророк, защитник немущих и слабых, покровитель сильный и благородный, имя которого овеяно славой. Обезглавленной православной церкви нашей нужен предводитель, способный возродить Грузию, народу нужен наставник и утешитель. Так поддержим же друг друга, воссоединившись, восстановим храм господний и опустошенное царство. Иначе к чему мы придем, если даже архимандрит продает христианина в Турцию? Разве сюда, в пустыню, не ваш же монах привел врагов, чтоб истребить братьев? Грузины переходят в чуждую веру, забывают язык грузинский. Церковь расколота, как и сама Грузия. В Кахети властвует алавердский епископ, в Картли повелевает митрополит, Имерети во власти своего патриарха. Но страна и церковь должны слиться воедино и способствовать взаимному усилению. Князья пожелали иметь свою церковь. Проповедники веры христовой натравляют братьев друг на друга, то об одном царе пекутся, то о другом — в зависимости от того, с кого можно сорвать побольше, выудить побольше крепостных и поместий.

— Вера нам нужна, вера, — вздохнул Антоний. ^{Без} веры погибнем. Мы должны верить в незыблемость церковного алтаря наших предков, в то, что, отличает нас от ^{других} других, противопоставляет врагу. Ты прав, брат, невежество ^{подлинно} основных причин несчастий, преследующих нашу родину. Грузин не узнать — песни наши уже не похожи на наши песни, танцы — на наши танцы, обычаи — на наши обычаи.

— Грузин смотрит на веру с высоты разума, как на вторичную принадлежность бытия, превыше же всего для него честь, нация, сознание того, что он — грузин.

«Бежать? Оставить тихую келью, трижды спасавшую меня в моем отчаянии?» — Антоний вздрогнул, вспоминая коварство, хитрость, интриги царского двора, подозрительность и сплетни, клевету и зависти. И теперь надо снова столкнуться со всем этим, находиться под одним кровом с кахетинскими царями, кинуть вызов семье самого дорогого его сердцу человека — его Анино, принимать участие в подавлении мятежников, принадлежащую ему по праву Картли укрепить во славу извечных врагов дома Шах-Наваза.

С этим он еще мог смириться — этого требовали интересы страны, но ведь он должен будет возглавить борьбу, он, монах, должен благословить поднятый для пролития крови собратьев меч! Он страшился дорог, перекрещивающихся в этом полном зла, ненависти и невероятных противоречий мира. Он был встревожен в своем предвидении грядущих бурь...

Эрекле видел, каким огнем пылала душа Антония, перед каким тяжким выбором он оказался.

— Верю — вдвоем мы одолеем врага, освободим от ненавистных пришельцев родину нашу, — обратился он к побратиму.

Долго говорили они, тепло и задушевно. Но Антоний все еще колебался, и Эрекле его согласия так и не получил.

— Подведите меня к несчастному моему соседу! — потребовал ослепленный шахом Шанше Эристави, когда, возвращаясь в Грузию, повстречался он с ехавшим оттуда Гиви Амилахвари.

Утром разнеслась весть, что князя Амилахвари везут в Исфahan чапары¹ Надир-шаха. Четыре года находился Шанше в заточении у шаха и в полной мере испытал, что значит попасть в плен к кызылбашам.

Узнав об аресте Амилахвари, Шанше не удивился и не обрадовался, и даже не вспомнил, что князь был виной всем его несчастиям — шах расправился с Шанше при его содействии, и глаза ему выкололи из-за него, — единственное, что его поразило — так это их встреча! Распорядилось ли само небесное провидение, или то были происки сил ада, но в решительную, роковую для обоих минуту они оказались лицом к лицу.

— Гиука, Гиука, идешь ты туда же, и судьба моя найдет повторенье в твоей!

¹ Чапары — стражники.

Когда слова эти сорвались с его уст и отозвались в ушах с той силой, какую его слух приобрел после того, как он лишился глаз, Шанше почувствовал, что сказал то, чего говорить вовсе не собирался.

— Шашуна, Шашуна, нет, не уподобленным тебе возвращушь...

— Уходивших туда я видел много, возвратившихся — никого!

В голосе извечного врага не звучало злорадства, наоборот — Гиви уловил нотки жалости и сострадания, и он вдруг ощутил и в себе непривычное чувство к своему беспокойному соседу — ему показалось странным, что не осталось в них ни ненависти, ни презрения, ни соперничества, во имя которых принесено было столько жертв и которые погубили обоих.

— Может, скалитесь надо мной господь и вернусь я, как ты возвращаешься! — беззлобно и печально произнес после долгого молчания Гиви.

Гордое высокомерие, которого не могли сломить никакие муки, внезапно исчезло. Да, глаза его — зеркало души — погасли, но душевная доброта и благородство отражались теперь в чертах изнуренного и истерзанного лица.

— Напрасно молил я царя с царицей, чтоб в Тбилиси ослепили меня — не вняли они моей просьбе, — сказал Амилахвари.

У Шанше сжалось сердце, в это мгновение он, ослепленный, был счастливее зрячего.

— Не следует падать духом, князь!

— Нарушение клятвы потрясло меня, никогда никого не погубил я коварством и предательством. Я мог бы еще долго продержаться в Сурамской крепости — я ждал подмоги.

— И ты мог довериться!...

— Царице нашей законной.

— Дайте мне время, потерпите до возвращения моих братьев! Так она говорила?

— Поклялась на иконе.

Князь Амилахвари, фактический владетель Картли, которого Эристави всегда считал соседом коварным, хитрым, не знающим пощады, оказался человеком наивным.

«Он намного несчастливее меня. Ему-то припомнят все сразу: когда потребовал шах привести к нему княжну Анино, князь восстал; когда Надир-шах собрался выселить грузин и заселить наши земли тюркскими кочевыми племенами, мы восстали вместе, но потом шах все свалил на Амилахвари — из-за дочки придумал такое, чего и предположить нельзя было. И в третий раз провинился князь — пренебрег должностью шахского наместника, скрылся, не оказал помощи в войне с Дагестаном, призвал себе на помощь османов!».

— Друг друга швырнули в насть дьяволу! — дрогнув слезой голос Эристави — забыл он теперь и то, что правил Ксанским эриставством азнауры, облеченные властью князем Амилахвари.

— Требовало время и были мы такими, настало другое время — и стали мы иными...

Они испытывали друг к другу сострадание, более того — в сердцах их затеплилась братская любовь. Два непримиримых гордеца тревожились теперь о судьбе друг друга. В тосках их звучали слезы. То были слезы сожаления — искренние слезы.

— Тоска меня убивает! — глухо произнес Шанше.

Амилахвари повел долгим взором окрест — казалось, только сейчас осознал он, как мучительно прекрасен этот благословенный мир.

Они стояли один против другого... и слов уже не было...

— Эх! — вырвалось вдруг у обоих, и, рыдая, они заключили друг друга в объятия.

Как только ему доложили, что привели Гиви Амилахвари, Надир-шах приказал немедленно отправить его в Мешхед. «Иначе за себя не ручаюсь».

Снисхождение шаха поразило всех: раз двадцать разбивал князь шахское войско, истребил множество его подданных, трижды бежал, дважды поднимал восстание — злейший враг попался шаху в руки, а он не спешил разорвать его зубами?!

Несколько месяцев просидел князь в мешхедской тюрьме, подобно верблюду сносил голод и жажду. За это время шах получил от царицы Тамар новое письмо: «Занемогла я, нарушенная клятва гложет мое сердце». Умоляла царица помиловать Амилахвари. И Надир-шах освободил Гиви из заточения, определил один туман в месяц на расходы, однако выезжать из Мешхеда запретил.

Всякже говорили в Грузии о князе... Однажды князь Гиви и Онофрэ Макашвили, тоже освобожденный из тюрьмы, бродили по улицам Мешхеда. У дворца верховного судьи толпился народ, паличники, публично оголив кого-то, происхождения благородного, нещадно били по ступням. Оказывается, за промедление уплаты налога шах конфисковал у него миллионное имущество и теперь у оставшегося без гроша сборщики податей требовали свою долю — десять шаури с тумана. Узнав это, Гиви позвал своего моурава Георгия Купатадзе, приехавшего повидать его, и велел все деньги, какие были, отдать в выкуп за несчастного.

— Что ты делаешь, господин мой Гиви?! — удивился Макашвили. — Кызылбаша убивают кызылбаша — тебе-то какое до этого дело?

— Эх, если суждено мне умереть — деньги не помогут, если же останусь жить — не деньги будут властвовать над мной, а я над ними!

Избавленный от позорной расправы поблагодарил своего спасителя и записал его имя. Вскоре он восстановил свое достоинство и щедро наградил содеявшего для него добро.

Иранский главный визирь и главнокомандующий — грузины — близкие друзья Гиви, часто приходили к нему играть в нарды.

— До гостей ли тебе, господин?! — сокрушался Георгий Купатадзе. — Нас окружают паличники, того и гляди жди не сегодня-завтра смерти.

— Разве смерть так уж и страшна? — улыбнулся Гиви. Тебя-то никто не тронет. Послушай-ка, мой Георгий, я просил у главного визиря тысячу туманов в долг, а он прислал ценного мешками с монетами верблюда. Как ты думаешь, сделал бы он это, грози мне смерть?

Однажды Гиви Амилахвари доставили во дворец.

Не понравилось это Гиви — было уже за полночь, и он размышлял, что же могло понадобиться в столь поздний час от него шаху.

Он понуро сидел в приемном зале шаха и ждал, когда шаху доложат о его прибытии. Гиви поднесли кальян.

— Великий шах! Гиви Амилахвари здесь.

— Кто?! — побледнел Надир-шах.

— Гиви Амилахвари.

— Уберите его прочь с моих глаз! — вскочил шах.

Адъютант испуганно воззрился на шаха.

— Болван! Не Гиви Амилахвари, а моего амирахорбаша¹ я приказал привести.

Гонцы и адъютант, согнувшись в три погибели, попятились к выходу.

— Стойте! — крикнул вдруг шах. — Так, говорите, Гиви Амилахвари здесь? В приемном зале?

— Да, великий шах.

— Чтоб глаза мои его не видели, не то... Отведите князю приличествующий его сану дом, внятеро увеличьте жалованье! Сто банных¹ туманов серебром в награду.

Слуги уважительно вытянулись: такая награда — знак высочайшей милости.

Когда ему сообщили о смерти царицы Тамар, Надир-шах расчувствовался. Узнав же о скоропалительной женитьбе Теймураза — разгневался и тотчас же приказал освободить Гиви и дал войско для усмирения восставших провинций.

Гиви написал своему брату Димитрию, стоявшему тогда во главе рода Амилахвари, чтоб тот отобрал ему для личной свиты сотню лучших азнауров, и под предводительством Заала Палавандишвили и Элизбара Тактакишвили выслал их к нему.

По ступеням, сложенным из отсеченных голов, взошел Надир-шах на шахский престол. Жестокость его вошла в историю, в последние годы она не знала предела. Он безжалостно карал за малейшую провинность. То, что посмели сделать Теймураз и Эрекле, не давало ему покоя, терзало по ночам, лишая сна.

«Старость подобралась ко мне, болезнь одолевает, потому и посмели ослушаться меня! Казна моя скудеет, золото убывает, османы набираются сил. Подняли голову и афганцы. Братья и племянники вышли из повиновения. А теперь еще и кахетинцы, клявшиеся мне когда-то в верности, царствующие благодаря мне! Хотя когда и кто платит за добро добром! Но рано, рано возрадовались вы, мои недруги! Затянуть петлю на шею грузин можно с помощью самих грузин. Амилахвари! Мой

¹ Амирахорбаш — главный конюший.

¹ Банные туманы — вид денежного вознаграждения в Иране.

стародавний враг и друг! Когда-то не знавший равных предок мой послал Великого Моурави для наказания общего врага. Доверюсь князю — цари и князь достаточно ненавидят друг друга».

Надир-шах задумался. Стиснул голову руками. Его одолевали воспоминания.

Амилахор! Как много значило для него это имя! Тбилиси. Он был тогда всего лишь Тамаз-ханом, пренеполненным сил, страстей и надежд. Сеидабад! Анино... Каких только женщин не видел он, любой национальности и расы, красивейших и нежнейших — все были у его ног. Но эта... эта не была похожа ни на одну из них.

Двое суток не заговаривал он с ней. Только смотрел, потрясенный. И не мог с собой совладать. Думал — вот успокоюсь, соберусь с духом и тогда окунусь в блаженство. К женой своим своим не приближался.

Удивительную дочку привез к нему отец: кроткую, покорную. Она не волновалась, нет. И страха не испытывала она. Спокойно и прямо глядела на всемогущего повелителя. Ему достаточно было молвить лишь слово, но он сдерживал себя в предвкушении ласк и неземного упоенья.

...Утром он отбывал из Тбилиси. Все было готово. Весь день он провел праздно, в ожидании счастливейшего мига.

Миновала полночь. Нарядную и благоуханную, привели Анино в его спальню. Он приблизился, хотел обнять — сейчас он привлечет ее к своей груди, подхватит на руки, усадит на колени, сбросит одежды. Он развел руки, однако женщина исчезла.

Несколько мгновений стоял он, ошеломленный. Мысли путались. Потом он заметался — кидался туда, кидался сюда. Все перевернули, все переворостили. Звали, обыскивали шатры, искали под окнами, где лежали взятые на цепь тигры и львы, проверили везде. Но ни следа, ни признака, ни капельки крови, ни волоска...

Стараясь прийти в себя, отбросить сумбурные воспоминания, Надир-шах, как и тогда, протер глаза...

— Назначаю тебя правителем Картли и Кахети, — сказал он срочно вызванному Гиви Амилахвари. — Ты отомстишь нашим врагам. Отца и сына его доставишь ко мне в оковах. В моем государстве первый властелин — я, второй — ты! Мне нужно двадцать дымов с людьми и двадцать тысяч хорваров хлеба. Мне нужны девушки и юноши — по тысяче. Сколько войска понадобится тебе?

— Тысяч тридцать-сорок!

«...Налетели в году 1747 стаи саранчи, покрыли горы и доли, взяли люди бороновые доски, но не смогли их уничтожить. Опустошила саранча Кахети и Картли, не осталось клочка земли животворящего...»

Описывая это страшное нашествие саранчи, не ведал Шио Сидамонидзе о событии более потрясающем, случившемся десятого мая того же года в Мешхеде. По наущению племянника Аликули-хана дворцовая стража умертвила Надир-шаха, и на

троне воссел зять Теймураза Аликули-хан, отныне Адиль-шах. Он не замедлил упразднить арбаби¹, за что и прозвали его «Адилем», что значит «Справедливый».

Несся по земле плач радости. Облегченно вздохнули рабощенные народы. В последнее время был одолеваем шах страшным безумием. Раздался как-то во дворце ружейный выстрел, и ему донесли, что это сын пытался стрелять в него. Велел взять под стражу шаха сына и ослепить его. Потом узнал шах, что невиновен сын, и впал во гнев безудержный: «Весь Иран населен врагами моими, иначе неужто не нашлось бы в стране никого, кто мог бы остановить меня?!»

Гиви со своим войском умышленно не торопился. Когда услышал он весть о смерти шаха, прислал Антонию в пожертвованье православной церкви тысячу туманов, католикам — двести туманов. Много еще пожертвований свершил он, много даров роздал. И отправился к новому шаху.

Смерть Надир-шаха повлекла за собой и новые события: передрались его бесчисленные дети, передрались внуки, братья, племянники и, пока не перебили друг друга, не было конца пренеприятностям.

Снова лишились покоя Кахети и Картли, и снова пролилась братская кровь.

— Теймураз убит!

— Нет больше у нас царя!

— Осталась страна без повелителя! — послась весть, сел смятение и тревогу.

Несколькими днями раньше старший брат Антония, сын Несе Абдул-бег, покинул тайно дворец, оставив письмо царю Эрекле: «Нет в Картли царя. По линии царя Шах-Наваза страна эта принадлежит мне, мне ее и оставь, а сам присматривай за своей Кахети».

По настоянию царицы и духовника своего Захария, Теймураз поручил ему Нижнюю Картли, и теперь борчалинцы и род Орбелиани, к которому принадлежала его мать Марнам, были на его стороне. Он считался Алавердским ханом и владетелем Самшвилдэ. Некоторое время он был даже царем Картли. Десять лет назад, магометанин по вероисповеданию, он поддерживал с персами крепкую дружбу. Ханы обещали ему помощь, особенно он надеялся на кызылбашского начальника Тбилисской крепости Дура-хана Казахского и правителя Азербайджана Амираслан-хана. Присоединились к нему крепостные гарнизоны Дура-хана. Двинул Амираслан-хан на Тбилиси сильное войско. Узнав об этом, призвал Абдул-бег княжества Бараташвили и Борчало и предъявил царю Эрекле ультиматум: «Если случится что с царем Теймуразом, Картли не уступлю никому, моя она. Твоя же — Кахети». Но кроме князей Бараташвили, вся остальная Картли поддержала Эрекле. Кахетинцы, тушины, пшавы, хевсуры, все, кто в состоянии был носить оружие, присоединились к нему.

«Не хотим Абдул-бега! — кричали. — Незаконнорожденного сына царя-изменника не признаем царевичем! Долой рож-

¹ Арбаби — вид взыскания.

денного наложницей! Царь Теймураз принес себя в жертву Картли, и мы не отступимся от него!»

В Самшвилдской крепости Абдул-бег соорудил бассейн для питьевой воды, сделал запасов на два года и, полный надежд, двинул войска на Тбилиси.

Навели войска Абдул-бега со стороны Метехи пушки, дали залп по царскому дворцу.

В городе запылхали пожары. Была то середина июня. Улицы раскалились, дома пылали. Грохотали, не смолкая, пушки. Кое-где в знак торжества вспыхивал фейерверк.

Взяты Ганджийские ворота и ворота банных рядов, перекрыты ворота крепостной части города. Люди Абдул-бега из Самшвилдэ снабжали кызылбашей провиантом. Изменил Эрекле и Мелик-ага.

Городу грозило разорение, стране — великая беда. Посовещавшись, Эрекле и Антоний решили просить у Абдул-бега перемирия.

Вышел к нему Антоний в полном облачении.

— Гюрги! — сказал католикос брату, которого звал не Абдул-бегом, а грузинским именем. — Пока не возвратится царь Теймураз из страны Иранской, живите мирно и спокойно.

— Я не делаю ничего противозаконного. Моя Картли!

— Разорена страна, опустошена! Ни одному из вас ничего не достанется. Кызылбаша угонят всех пленниками в Мазандаран, Гилян, все приберут к рукам...

— Скажи об этом ему, я лишь ницу трон моего отца!

— Не допусти этого, брат! Не разорай город! Одумайтесь, наберитесь терпения и разума, обсудите все не спеша!

— Судьба страны требует этого.

— Взгляни, что случилось с Тбилиси! Он полыхает, улицы усыпаны булыжниками, вот-вот рухнет дворец... Ты будешь держать ответ перед господом за этот грех, за попрание Сиони!

— Я магометанин и не верю ни в ваше спасение, ни в гибель души.

У католикоса помутился разум, неслыханным кощунством звучали слова брата, но усилием воли он сдержал себя.

— Я требую свое! — уже значительно мягче проговорил Абдул-бег. — Не приведи аллах, чтоб зарился я на собственность живого владельца.

— Ты временщик! — накинулся на него католикос. — Воспользовался тем, что один остался Эрекле, пустил слух о смерти царя, но на самом деле-то жив Теймураз и здоров.

— Я не разбойник какой и не присваиваю чужие богатства.

— Ты изменил царской воле, принял за прежнее.

— Нам не о чем больше говорить, ты младший брат мой и должен быть со мной. — Антоний уловил в словах брата чьето наущение.

— Помни, что у тебя есть брат, и он желает тебе добра! — спокойно ответил Антоний Абдул-бегу, с волнением взиравшему на пламя пожара, и вернулся в город.

— Что сказал Абдала? — с улыбкой спросил Эрекле.

¹ Здесь игра слов: абдала—глупец.

— Чтоб успокоить царство и подавить смятение, прими должные меры, сделай, что должно сделать, яви врагу свою силу и мощь, устраши! Покажи свою доблесть! Молчание твоё мягкость усиливают врагов твоих. Ты должен нагнать на них ужас, ужасом поразить!

Антоний отслужил в Сиони большой молебен — чтоб послал господь бог победу Эрекле. Он призвал духовенство служить во имя победы молебны во всех церквях, а также благословить всенародно идущих на войну, и сам появился на передовой, благословил Эрекле и его восьмитысячное войско, которому предстояло схватиться с впятеро превосходящим врагом.

— Кто почитает всевышнего и предан мне, пусть сплотится! — воскликнул царь и первым ринулся в бой.

Дура-хан-бег Казахский с татарским крепостным гарнизоном уже ступил за городскую ограду, борчалинцы Абдул-бега и войска Сабаратиано пробрались к Ганджийским воротам, бесчисленная армия Амираслан-хана внезапно заняла Солولاки: городские окрестности и близлежащие деревни подверглись грабительским налетам его же конных отрядов, получивших приказание истреблять всех без разбора. Городское население примкнуло к отрядам Эрекле. Мастеровые, ткачи, торговцы единодушно вступили в схватку. У крепостной площади, от Куры до квартала Клдэ, рыли рвы для засады. Ринулись в атаку против рядов Амираслан-хана отряды ружейников, пеших и конных, а за ними — копыеносцы в кольчугах и ратных доспехах.

Приблизились к врагу пешие отряды — курки на взводе, выпустили из ружей очередь сначала конники, потом защелкали курками пешие, скрестились копья, скрестились мечи...

Налегли на врага, сломили сопротивление, разомкнули его ряды, заставили-таки показать спины... И пошло... Выбивали из седел, рубили...

Несли и несли царю вздетые на копья головы, сбрасывали у его ног на землю, и несли снова...

Нагрянул с правого фланга Мухран-батони. Молниеносно, словно выпущенный из пращи, врубился царь в ряды отступающего врага — то тут, то там мелькала его желтая военная куртка и матово поблескивала прикрепленная к шапке пряжка из жемчугов — награда от Надир-шаха.

Трудно было устоять врагу. Настигли его горожане выше Варданской рощи, на границе Телети-Крцаниси. Ударилась в копья, мечи и ножи острые — что у кого было. Отважно и яростно бились горожане. В преддверии храма, у бань, у Ганджийских ворот Абдул-бег и его союзники попали в положение незавидное — горожане запросто вылавливали изнуренных врагов. Садовник Миха схватил десяток кызылбашей, мастер кожевенных дел Вахтуа — двадцать, керосинщик Арчил — семь, каменщик Саркис — восемь, дегтяр Таримана — пять, водочник Гелиа — шесть...

Гнали растерявшегося врага. Преследовали. Разделились вражьи отряды, распались.

Говорили: сам Амираслан-хан так резво вскочил в седло и так туго натянул удила, что конь его помчался словно ветер, но, задохнувшись, пал.

Абдул-бегу удалось улизнуть от царя в Самшвиде. Верные ему разбежались по крепостям — Марнеульской, Дманиской, Гуческой, Чапальской.

«...Несли и несли головы, и составило их число тысячу семьсот... Отступил опозорившийся враг, и вошел царь в город...»

Эрекле велел освободить всех пленных-чужеземцев, чтоб весть о победе над Абдул-бегом распространить повсюду.

На столе царского духовника Захария лежали труды Антония, в том числе и незавершенный еще «Драгоценный камень». Он их придирчиво и скрупулезно изучал. Человек незаурядных способностей и ясного ума, Захарий довольно сносно разбирался в богословии, однако и он затруднялся понять содержание написанного Антонием, и понадобилось немало дней, чтоб заключил он, наконец, что в них «преминого ереси, мыслей отступнических, отдающих изменой христианской религии и привычным, давно укоренившимся канонам». С тщанием принялся он выискивать в рукописях Антония и в «Готовом слове» места, где речь идет о троице, о природном и личностном, о сущности и ипостасях, о триединстве, и обнаружил вопиющую, по его мнению, ошибочность в суждениях. Получалось, будто единая природа позже разделилась надвое.

Вступление в «Граматику» и «Драгоценный камень» повергли его в полную растерянность. Он читал и перечитывал и, теряя голову, про себя рассуждал: «Получается, что душа возникла из плоти!»

«Ого-го! Подумать только — душа есть происхождение плоти! А мы-то думали, что дух в человеке вдохнул всевышний?!»

«Корень всего духовного кроется в глубинах мозга, который сохраняет тепло свое благодаря частому, непрерывному движению — дыханию!». «Эге! Вот оно что — оказывается, основа основ — мозг! Мозг. Оказывается, все телесно. И значит — не будь плоти, не будет и души!».

«Деятельность духа — результат деятельности плоти!»
«Вот еще одна неоплатоновская ересь! Плоть, оказывается, орудие духа и ничто более!».

«Необходимо отбросить всяческое суеверие и вымысел и следовать по пути разума и опыта, истиной следует признать только то, что непосредственно подтверждается на опыте и анализом разума».

«Чур меня, чур! Господи, спаси и помилуй от козней дьявольских! Неужто же вводит нас в заблуждение священное писание, и истина и впрямь то, к чему приводят наблюдение и опыт?!»

«Свободные науки способны дать ответ на все загадки мира, познавать их, причины их возникновения, человечеству следует идти по этому пути ради своего благоденствия».

«Вот до чего дожили: все, оказывается, — в учении и в науке!».

«Слеп тот, кто не знает физики!»

«Значит, слепы мы, и апостолы тоже слепы, слеп и благословенный богом государь наш!»

«Эти сочинения полны еретического соблазна!» — не без торжества сделал вывод Захарий и снова вспомнил, что «юный католикос» водил дружбу с армянским священником Каитмазашвили, с таким же, как и сам Антоний, еретиком Маданашвили, с еретиком, крещеным евреем настоятелем-протоиереем Иоанном, Алексн Месхишвили, а от него, Захария, от своего духовного настоятеля, все утаил.

С этих самых пор царский духовник глаз не спускал с Антония, выискивал недовольных политикой и действиями католикоса, запоминал, что и как о нем говорят, что собираются против него предпринять.

Счастливейшим для него стал день, когда дьяк Иоанике шепнул ему: католикос посетил дом капуцинов, что на улице Ротинаанов. Прошло еще немало времени, и он узнал, что Антоний поддерживал тайные и дружественные отношения с иеромонахом Иоанном, Николо Франциско, Бонавентурой из Падун.

Теймураз вывез из Ирана новые произведения, стал посвящать поэзии еще больше времени, чаще стали устраиваться «поэтические вечера». Не проходило дня, чтобы царь, царица, Анастасия и Захарий не собирались для чтения стихов.

Участились во дворце обедни и молебны, посты и беседы о высшей, православной морали. Люди стали относиться друг к другу как-то мягче и приветливее. А Ана-ханум и Анастасия и дня не могли прожить, не общаясь с Захарием, старались не пропустить ни одного молебна, ни одной службы. Потому царский духовник каждый раз во время проповеди незаметно и ловко вставлял словцо о невероятном возвышении католикоса и ограничении прав царя, и слово это острым ножом вонзалось в сердце царицы Ана-ханум, заставляя все серьезнее задумываться над возрастающим возвышением своего пасынка Эрекле.

Захарий с мудростью придворного скрывал от всех подлинное свое лицо, чтоб никто не мог обнаружить в нем пристрастия. Шио Сидамонидзе был в его глазах человеком всецело преданным Антонию, и как-то при Анастасии он, опять-таки между прочим, обмолвился, что царский секретарь прикупил в Сабаратиано еще несколько деревень.

В Сабаратиано у Анастасии было несколько деревень, и она посетовала в присутствии сестры и зятя — дескать, если Шио скупает наши земли, что останется тогда моим детям и моим внукам? Скоро Теймураз лишил Шио третьей части секретарства и условно дал четверть.

Не был царский духовник и сторонником открытия семинарий и потому осторожно старался убедить царя и Ана-ханум, что вполне достаточно монастырских школ, добра от широкого распространения образования им не ждать — это лишь развратит страну.

В Иране не утихали смуты, порожденные смертью Надир-шаха. Эрекле и Антоний решили использовать это в интересах безопасности Грузии и занять соседние ханства. Теймураза решено было послать в Россию послов — просить военной и финансовой помощи, а также — пригнать горские племена, чтоб прекратили они свои разбойничьи набеги.

Императрице Елизавете грузинские цари писали: «Столь тяжкие беды и невзгоды никогда еще не выпадали на долю многострадальной страны нашей. Царства наши в окружении чужеродцев, кои каждое лето и зиму каждую совершают на нас нападения, разоряя нас, пленяя и убивая».

Послом в Россию Эрекле отрядил Свимона Макашвили, однако по решительному настоянию Захария и Ана-ханум, несмотря на протесты Эрекле и Теймураза, был послан в Россию и тбилисский митрополит Атанасе Амилахвари. Антония это настораживало еще и потому, что прежний митрополит — Роман похитил, вывез из Грузии и передал Бакару чудотворный образ — крест из лозы, перевитый волосами святой Нино.

— Видишь, что творит эта хитрая лиса? — сказал верно моему своему Иоанке-дьяку Захарий, когда тот шепнул ему о посещении католикосом патеров.

— Еретик он!

— Хорошенько присматривай за ним. А Трифиле у них не появлялся? — Своего приближенного Трифиле Антоний частенько посылал к капуцинам.

— Не встречал.

Отдав распоряжения еще нескольким своим соглядатаям, Захарий отправился благословить царевича Гиорги.

Гиорги, сыну Эрекле от второй его жены — Анны Абашидзе, исполнилось семь лет, и Теймураз приказал с большой пышностью отметить такое событие.

Было приготовлено знамя для царевича — желтого атласа, на котором Анастасия и дочь Роина Амираджиби вышили дорогими нитками лик метехской богоматери. Венчал знамя серебряный шар, ниже лика — преклопивший колена католикос Доментий, воздев руки, возносит к святой Нино мольбу.

Освятив знамя во время церковного молебна, Антоний вручил его царевичу. Совершили и обряд обручения, невестой семилетнего Гиорги была дочь черкесского владетельного князя, которой исполнилось тогда десять месяцев.

Так же горячо любил дед и внука-первенца Вахтанга, мать которого, Кетэван Орбелиани, Эрекле по ему одному известной причине изгнал из дворца, и дни свои закончила Кетэван в монашестве. Скоро осиротел и царевич Гиорги. Послали тогда в Мегрелию Хорешан-царевну, придали в сопровождающие Саба Ниноцминдэли, просить руки дочери Дадиани — княжны Дареджан. Привезли в Сурами Дареджан, приицлась она всем по душе, и сыграли свадьбу — в чертогах, убранных для торжеств, построенных Теймуразом на берегу Куры. Прибыли на свадьбу

ный пир ханы Ганджинский и Ереванский. В том же году родился у Дареджан с Эрекле сын Леон — младенец удивительный, ликом прекрасный.

Враги не унимались, однако страна обретала мощь, и когда Гиви Амилахвари отписал в тайном послании Бакару: «Приезжай, помогу тебе покорить Картли», — Теймураз и Эрекле не дали почувствовать Гиви, что им известно об этом, а после смерти Бакара даже пожаловали Гиви, отныне — куларагасу Ирана Шахкули-хану, должность тбилисского моурава.

Теймураз величал его братом, а Эрекле — отцом, и для скрепления союза родственными узами старшего из сыновей Димитрия, брата Гиви, обручили с годовалой дочерью Теймураза — Элисабед.

Перевод Аллы ПЕРИМ

(Продолжение следует)

Микола БАЖАН

ПОЭТ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

Он оставил нам в драгоценное наследие не только свою поэзию, но и всю свою жизнь, такую трудную и такую поразительную. Она была целеустремлена, как стрела, в неослабевшем за долгую, восьмидесятисемилетнюю жизнь влечении к родине, в вере в народ, в служении ему каждым своим словом, каждым своим действием. Шестьдесят пять лет прожил он, насильственно оторванный от родины и от родного народа, не слыша вокруг родной речи, однако сохранив в памяти все ее богатство, все ее интонации, обороты, идиомы, запечатленные не только в священной для него книге Руставели, но и в удивительной его памяти. Он сохранил в чистоте и красоте родной язык и даже помог его развитию, приумножив его выразительные средства и очистив от чужеродных влияний, сказавшихся на нем от долгих лет угнетения грузинского народа восточными, иранскими и турецкими деспотиями. В то же время поэт чутко воспринимал красоту современной ему речи и литературы русской и украинской, жадно и взволнованно вслушивался в звучащие вокруг него русские и украинские стихи, песни, канты, используя их выразительность, их звучание для обогащения выразительности грузинской речи, стиха и песни. Более тридцати лет прожил он в одиночестве своей миргородской хаты, редко когда нарушавшемся съездами в недалекой Ахтырке побратимов—грузинских гусар или встречами, часто не слишком дружественными, с украинскими и русскими помещичками в Миргороде и Сорочинцах. Какую волю и веру надо было пронести через всю жизнь, чтобы на закате дней дрожащей, искалеченной рукой старца переписывать грозные и вопиющие четверостишия поэмы о бедах Грузии, легкие и улыбочные строфы буколички о пастухе Кацвия, ироничные и дерзкие канты о судьбе и смерти, о любви и изменчивости мира! Он упорно вписывал строки, десятками лет трепавшие в его памяти, в те синеватые и желтоватые листы шершавой бумаги, которые чудом уцелели и дошли до нас и на которые мы теперь с волнением и благоговением глядим сквозь стекло витрины национального музея в Тбилиси.

Да, я волнуюсь, глядя на них. Да, я волнуюсь, думая о написавшем эти строки. Я пытаюсь представить себе его реальный образ, пронесенный милостью истории сквозь больше, чем два столетия скорбей и радостей, бурь и войн, разрушений и несбываемых возрождений. До конца испивший горькую чашу жизни, он не стал озлобленным анахоретом. Он яростно ненавидел угнетателей, он с убийственным презрением относился к предателям, он утешался думами о добрых простых людях Грузии, Украины, России, он умел шутить даже над самим собой. Мотивы иронии и самоиронии звучат в его поэзии, и их диссонансы сливаются в гармонии его богатой и многоцветной поэзии. Они слышны и в его стихотворном завещании, и в любовных признаниях девушке из Зубовки, и даже в том небрежно набросанном рисунке на полях его рукописи, который мы вправе считать автопортретом — вернее автошаржем поэта. Поэт не был ни анахоретом, ни аскетом, ни мизантропом. Он не отворачивался от жизни, какой бы жестокой она к нему ни была. Если бы он отрешился от жизнелюбия, он не смог бы быть автором такой жизнерадостной, даже игривой поэмы, как «Веселая весна». Пасторальная поэзия тогда процветала и в мировой, и в русской поэзии, сливаясь с сентиментализмом, как то, например, в поэме Богдановича. Гурамишвили был чужд сентиментальности. Слишком хорошо он знал горькие уроки жизни и не пытался подсластить их, однако и не отворачивался от жизни, был жизнелюбив и внимателен и к ее великим проявлениям, и к ее мелким подробностям. Это внимание к жизни вызвало тот реализм поэзии Гурамишвили, который постоянно проявляется даже в стихах, посвященных религиозным медитациям. Гурамишвили сумел, преодолев склонность современной ему литературы к выпренности и безудержной идеализации изображаемых героев, как, например, это делали Херасков и Сумароков в своих исторических эпопеях, увидеть правду жизни, хоть и была она очень горька. Он увидел и проглядел внутренние феодальные распри, терзавшие народ и помогавшие иноземным угнетателям в его разделении и порабощении.

Реально описывая беды Грузии, он знал, что может вызвать осуждение со стороны квазипатриотов.

Поэт не побоялся этих обвинений. Он и по отношению к своему покровителю и любимому герою — картлийскому царю Вахтангу остался верен принципу: «говорить я буду правду, не глашатай я химере». И речь о недостатках и ошибках в политике и характере Вахтанга поэт смело вводит в скорбный рассказ. Вот так, служа правде, стремясь к реалистичности своей поэзии, Гурамишвили последовательно рисует и исторические события, процессы, действия и насыщает стихи реалистически, точно увиденными и помогающими ощутить реальность описываемого события, подробностями. Как живо передан поэтом разговор кахетинских посллов, направленных к Вахтангу, — мелочность, тупость, пошлость этих монахов обрисована в двух строках, но обрисована выразительно и четко. Поэт не боится вспоминать житейские детали рядом с проникновенными, из глубины души идущими и возвышенными стихами плача о

родине. По своему вдохновению и патристическому звучанию эти стихи являются небывалыми в современной для Гурамшвили мировой литературе, не утратившими волнующей силы и в наше время. Обращаясь к светоносной родине, в Грузии, он из мрака темницы, куда его заточили лезгинские разбойники, взывает к ней:

Так пробей же дверь в темницу,
Освети мое жилье,
Чтобы я бежал из плена
И узрел лицо твое!

И тут же говорит о таких житейских вещах, как лапти для его босых ног. Бежав из плена и в странствии по горным краям изнывая от голода, он подробно рассказывает о случайно найденных огурцах, уплывших из его рук в водовороте горного ручья. Спасительную сцену встречи с русскими поселенцами на берегу Терека, сцену знаменательную и трогательную, Давид не без скрытого юмора рисует, вспоминая, что завязанные на головах русских женщины кончики платков он, измученный и суеверный беглец, принял было за дьявольские рожки. И такое совмещение высокого и низкого, трагического и иронического, пафоса и бытовой интонации можно проследить во всем творчестве Гурамшвили. Ярко звучит сплетение этих мотивов и в поэме «Веселая весна», чья пасторальность почти что нарушена вполне реалистическими сценами, образами людей, описанием их поведения, бытовыми интонациями их речи.

Говоря о Гурамшвили, о богатстве его поэзии, о его новаторском значении для истории литературы, думаешь о сложной простоте его творчества. В жестоком огне испытаний и страданий закалялась творческая сила поэта, не давшая ему погибнуть в одиночестве, в безнадежности, в безверии. Славят человечество такие поразительные и не слишком уж частые примеры духовной стойкости и веры в народ, в его будущее. Бурная, тревожная жизнь воина, изгнанника, поэта слилась с жизнью трех народов — грузинского, русского, украинского, и это триединство Давида сделало его и для дальнейших веков неповторным образом, полным глубокого исторического смысла, особенно значительным для многонационального социалистического общества. Человек, сквозь мрак своего времени видевший сияние солнца, не может быть безразличен, незамечен людьми, разрушившими социальные темницы и уже озаренными солнцем. Вот почему мы так благодарно и любовно отдаем должное ставшему для всех наших народов родным великому поэту Грузии. Великолепными стихами почтили своего учителя поэты Грузии — Симон Чиковани, Георгий Леонидзе, Карло Каладзе, Ираклий Абашидзе, Григорий Абашидзе, драматург Шалва Даднани, прозаик И. Хундадзе. Прекрасный мастер русского стиха Николай Заболоцкий много таланта вложил в свой перевод большей части поэтического наследия Давида. Благодаря его переводу в круг чтения советских народов вошло яркое, на протяжении двух веков не померкшее творчество Гурамшвили. Для поэтов Украины имя, жизнь, стихи грузин-

ского поэта, русского воина, украинского ратая — тема актуальная и поныне. В украинской прессе первое известие об удивительном грузинском писателе появилось еще в конце XIX века, но глубоко интересоваться, изучать и вдохновляться жизнью и творчеством начал наш славный советский поэт Павло Тычина. В тридцатых годах нашего века незыблемо вошли в украинскую литературу стихотворения Тычины, рисующие облик поэта, его общение с Григорием Сковородой. Дорогая для советского поэта-интернационалиста тема Давида, жизнь и творчество которого являются как бы праобразом грузино-русско-украинского единения, развита в стихах Максима Рыльского, Платона Воронька, Виталия Коротича, Ивана Драча, Олексы Новицкого, Олексы Ющенко. Много ценного для изучения жизни Гурамишвили сделал украинский литературовед Дмитро Косарик, чьи труды очень помогли таким внимательным исследователям, как академик А. Барамидзе, профессор О. Баканидзе и другие.

Целый ряд советских писателей — поэтов, прозаиков, литературоведов — писали о Гурамишвили, и все же тема эта не исчерпана. В биографии Давида много мест, событий, фактов осталось пока неосвещенными. Кропотливое изучение архивных материалов и в дальнейшем может очень обогатить исследователей, хотя важные источники — архивы Украины, земли, на которой Давид постоянно жил с 1760 года до дня своей смерти (1792 год), — были разграблены и частично уничтожены гитлеровскими оккупантами. Внимание со стороны советских литераторов к своеобразной, полной и сейчас глубокого значения, фигуре Гурамишвили не слабнет, а его творчество привлекает все более широкие массы читателей. Длинные очереди посетителей выстраиваются у дверей миргородского музея Гурамишвили, где стараниями и грузин, и русских, и украинцев собраны книги, статьи, картины, памятные вещи, связанные с личностью поэта, начиная с холмов Зедзени, где стояла колыбель маленького Датики, и кончая его последним убежищем на берегах тихого зеленого Хорола. Цветы всегда лежат у подножия памятника, воздвигнутого перед музеем. Скульптор А. Нименко, прочувствовав всю сложность своей задачи, изваял образ поэта скорбного, задумчивого и мужественного. Школа и библиотека в Миргороде носят славное имя великого грузина. Ученики школы заботливо следят за могилой Гурамишвили, над которой уже неоднократно звучали взволнованные слова советских людей, говоривших о бессмертии поэта. Торжественно звучат они и в дни 275-летия со дня его рождения, празднуемого и в Грузии, и на Украине, и в Москве. Сотни тысяч благодарных читателей книг Давида будут вновь и вновь славить имя человека, воплотившего в своей жизни и своем слове великую идею братства народов. Эта идея — могучая и светлая — вдохновляет, объединяет, укрепляет советские народы. Она — их знамя, вещающее миру справедливость и счастье.

ПЕВЕЦ ВЕЛИКОЙ ПРАВДЫ

Давид Гурамишвили, как поэт и мыслитель, представляет собой одно из сложнейших явлений в истории грузинской литературы. Разнообразная поэзия Гурамишвили полна душевных исканий и выражает глубокую боль и страдания его эпохи. Мировоззренческие противоречия для него характерны в той же мере, в какой еще неясны были дальнейшие перспективы его родины.

Лирический персонаж поэзии Гурамишвили — временами одинокий человек, несущий на себе непомерно тяжелый груз глубоко религиозных переживаний и настроений, иногда же — горько задумавшаяся над «горестями Картли» творческая личность, до глубины души потрясенная великой трагедией своего народа.

Гурамишвили действительно мог сказать: «Я был несчастен потому, что край родной мой был несчастен» (Г. Кикодзе). В его «Давитиани» личное и общественное столь неразрывно связаны между собой, что произведение это воспринимается как цельное, монолитное художественное полотно, хотя в действительности оно состоит из нескольких поэм и сборника стихов, созданных в разное время.

Гурамишвили — величайший продолжатель традиций Шота Руставели в древней Грузии, но вместе с тем он прокладывает пути новой поэзии (здесь, в частности, подразумевается новая грузинская поэзия XIX века, первыми провозвестниками которой были грузинские романтики).

Лучше всего, однако, отношение Гурамишвили к своему великому предшественнику, весь его поэтический профиль определяются характером той эпохи, к которой он принадлежал.

Если Шота Руставели жил в эпоху наивысшего национального расцвета грузинского народа (XII—XIII вв.), то Давид Гурамишвили был поэтом позднего средневековья — периода, когда судьба грузинского народа висела на волоске. В результате многовековой экспансии могущественных государств Востока страна пришла в полный упадок как в политическом, так и в социальном отношениях. Передовые общественные деятели Грузии XVII—XVIII вв. искали выход из создавшегося положения, и в конечном счете поиски эти привели к единой России. Процесс этот оказался весьма болез-

ненным, поскольку чем отчетливее проявлялось стремление грузинского народа связать свою судьбу с великим северным соседом, тем резче становилось сопротивление со стороны мусульманских государств, среди которых своим могуществом и жестокостью особенно выделялись Иран и Османская империя. В этот период Грузия оказалась на распутье. Малейшее послабление было равнозначно национальной катастрофе и грозило полным вырождением грузинскому народу. Но народ нашел в себе достаточно сил для того, чтобы преодолеть все преграды на пути сближения с Россией, а через нее — и с другими передовыми странами, дабы тем самым спасти от окончательной гибели свою древнюю и самобытную культуру.

Давид Гурамишвили был сыном этой бурной эпохи, и в его поэзии, как в призме, отразился несгибаемый дух народа. Несмотря на трагизм обреченности, придававший такую остроту его поэтическому творчеству, он все же с надеждой смотрит в грядущее, ищет в нем «светлый луч» (это его изблюбленный поэтический образ) спасения своей родины.

Ни жизнь вдали от родной Грузии, ни личная трагедия, столь тесно связанная с судьбой грузинского народа, не сломили душу поэта, не смогли подорвать его веру в светлое будущее родины, веру в бессмертие человечества, которую он с такой силой выразил в неувядающих строках своей книги «Давитиани».

Ниже мы попытаемся в самых общих чертах познакомить читателя с бурными страницами биографии поэта и обрисовать некоторые особенности его творчества, снискавшие ему славу одного из талантливейших поэтов средневековья.

* * *

Давид Гурамишвили родился в 1705 г. вблизи от столицы древней Грузии Мцхета на берегу р. Арагви (эта местность прекрасно описана в лермонтовском «Мцыри»). Здесь расположена довольно крупная деревня Сагурамо, которая, по сведениям историка XVIII в., славилась «плодоносными деревьями, виноградниками, зерном..., скотом, зверем и птицею, лесами, долинами и красивыми горами».

На возвышенном месте в Сагурамо, называемом Горис-Убани, и поныне сохранились развалины старинной крепости. По преданию, здесь издревле проживал род Гурамишвили; на это прямо указывают и строки «Давитиани»: «Был и я когда-то князем, жил в селе Горис-Убани».

Гурамишвили поселились в окрестностях Сагурамо в сравнительно позднее время. По свидетельству исторических хроник их предки, принадлежавшие к знатному роду Зедгинидзе, переселились из южной Грузии приблизительно на рубеже XV—XVI вв., когда в южных провинциях Грузии — Месхет-Джавахети — резко усилилась турецкая экспансия.

После переселения в Картли и Кахети род Зедгинидзе разделился на несколько ветвей. В одной из хроник XV в. («Мцхетская грамота») упоминается князь Гурам Зедгинидзе, который, как видно, кладет начало новому роду; его потомки, Гурамишвили, поселились на границе между Картли и Кахети,

именно в окрестностях Сагурамо (и название села «Сагурамо» произведено от их фамилии).

Детство Давида прошло в Гурамиант-кари (такие горы называли Сагурамо), точнее на его окраине, т. е. в Боржне-Мави. По древнему грузинскому обычаю, детей из высшего сословия отдавали на воспитание в крестьянские семьи. Это была твердо укоренившаяся традиция, положительное значение которой признавалось всегда. И Давид, как об этом свидетельствует он сам, был отдан на воспитание кормилице, — в семью, видимо, настолько бедную, что и ему неоднократно привелось испытать беды и невзгоды трудового люда. Не может быть никаких сомнений в том, что именно в это время усвоил Давид богатую народную словесность, сочную народную речь, которую сохранил до глубокой старости, несмотря на то, что практически всю жизнь был оторван от родины, и которая оказала столь плодотворное влияние на его творчество (это заметно не только в языке, но и в тематике его разнообразных стихотворений). Здесь же, вероятно, познакомился поэт с жизнью грузинского крестьянина, которой позднее в «Давитиани» посвятил немало незабываемых строк.

Предки Давида занимали видное место при дворе царей Картли и Кахети, и у будущего поэта, несомненно, имелись все условия для беспечального детства и получения соответствующего образования, чтобы во всеоружии полученных знаний достойно послужить родине, своему народу.

Судьба, однако, готовила ему горькую участь... Именно на его глазах разыгралась страшная национальная трагедия, одной из непосредственных жертв которой стал сам Давид Гурамишвили.

* * *

После XI—XII вв., когда грузинское государство, одно из наиболее могущественных на всем Ближнем Востоке, было сокрушено волной монгольского нашествия, ему уже не удалось хотя бы недолго пожить в мирных условиях. По фигуральному выражению древних летописцев, Грузия уподобилась кровавой молотилке, на току которой вместо пшеницы молотили человеческое мясо и кости. Иран и Турция, а также подстрекаемые ими восточные ханства не давали стране передышки. Цель же у них была одна: окончательно подчинить или полностью истребить христианские народы Кавказа, чтобы не оставалось никаких шансов на то, что какая-либо из стран Западной Европы через Кавказ сумеет утвердиться на Востоке. Особый страх ближневосточным магометанским странам внушало вступившее на путь подъема русское государство, в качестве первого союзника рассчитывавшее именно на грузинские царства (Грузия к тому времени распалась на несколько царств и княжеств).

Еще более обострилась политическая ситуация в XVII—XVIII вв. Достаточно вспомнить хотя бы кровавую эпоху шах-Аббаса, который не только подверг неоднократным набегам и превратил в руины царства Картли и Кахети, но и оторвал от

родной земли тысячи грузин, силой заставив их переселиться в Иран (их потомки, известные под названием «ферейданские грузины», и поныне стремятся вернуться в родную Грузию). В большинстве случаев грузины, стремясь избежать полного истребления, укрывались во время вражеских набегов в горах. Иран и Турция изыскивали средство и против этого. По их наущению на Грузию стали совершать набеги северокавказские племена, которые, собираясь в отряды, нападали на грузин, укрывавшихся в горах и ущельях от иранских и турецких войск. Более того, восточные политиче- ские раздоры и вражду между самими грузинскими племенами, еще более усиливавшие внутренние неурядицы феодального государства, ставшего на путь разложения и упадка. Братоубийственная резня становилась все более частым явлением в Грузии... Не было никаких элементарных условий даже для сколько-нибудь нормальной человеческой жизни.

В этом отношении можно считать типичными слова одного иностранного путешественника, описывавшего Восточную Грузию XVIII века: «Современная Картли уже не представляет собой ту низменную часть Иберии, где Страбон описывал многочисленные города, видел прекрасные каменные здания и форумы, где имелось все нужное для человека, чтобы сделать жизнь его приятной. Турки и дагестанцы настолько разорили этот благословенный край, что он превратился в пустыню, и теперь большинство населения даже не представляет себе, что значит благоустроенная жизнь. Люди укрывались в землянках и ищут только средств к спасению, но большей частью безрезультатно. Разбойничающие лезгины и здесь их находят».

Однако грузинский народ даже в самые тяжелые годы не складывал оружия. Передовые общественные деятели постоянно искали путь к спасению. Одной из выдающихся личностей в истории Грузии был поэт и ученый, царь Вахтанг VI, еще раз попытавшийся осуществить политическое и культурное возрождение страны.

Первые годы его царствования совпадают с годами детства и отрочества Давида Гурамишвили.

* * *

Царствование Вахтанга VI приходится на первую четверть XVIII в. Правда, он правил только в Картли, но его заботливая рука достигала и других грузинских царств.

Он с самого же начала решил попытаться сделать определенные шаги как во внутренних, так и во внешних делах. Известны его заслуги в хозяйственно-экономической области — следует в первую очередь отметить приведение в порядок системы дорог и ирригационных сооружений, которые в результате бесконечных войн пришли в почти полное расстройство. Вахтанг восстановил или заново отстроил целый ряд важных сооружений, крепостей и церквей. Он проделал огромную работу по нормализации социальных сил в своей стране, составил уникальный свод законов, известный под названием «Законы Вахтанга» и долгое время после него считавшийся основой феодальной организации Грузии.

Особенно важными оказались заслуги Вахтанга в области культуры. Об огромных национальных масштабах его деятельности говорит, например, основание в Грузии первой типографии (1707 г.). Возможно, не всем известно, что на всем Ближнем Востоке (в том числе в такой большой стране, как Иран) это была в то время первая типография, что само по себе определяет характер заботы Вахтанга о развитии грузинской культуры.

В типографии Вахтанга было напечатано немало уникальных книг, большая часть которых имела учебно-воспитательное назначение. Неизмеримо возрастает значение первой грузинской типографии вследствие того, что здесь в 1712 г. было осуществлено первое печатное издание венца грузинской поэтической культуры, бессмертного «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели.

Вахтанг прекрасно осознавал все значение этого факта и огромную ответственность, которую он возложил на себя, взявшись за осуществление этого издания (до того, как известно, произведение Руставели распространялось только в рукописях), и принял все меры к тому, чтобы книга вышла на соответствующем уровне — как с художественной, так и с научной точки зрения. Он снабдил это издание собственным исследованием историко-филологического характера, заложив тем самым основу научной руставелологии.

Работа, сделанная небольшой группой ученых, которых Вахтанг объединил вокруг себя для осуществления этой задачи, была действительно образцовой. Несмотря на кратковременность его царствования, результаты оказались поразительными. Помимо вышеперечисленных фактов, о высоком уровне научных знаний того времени говорит и то, что именно в это время был приведен в систему уникальный памятник грузинской историографии «Картлис цховреба». Были составлены новые летописи. В основу историографии легла национальная концепция.

При поддержке Вахтанга именно в это время был создан первый словарь грузинского языка, составленный воспитателем Вахтанга, блестящим писателем и ученым Сулханом-Саба Орбелиани (1658—1724).

Сын Вахтанга Вахушти Багратиони взялся за изучение истории и географии Грузии. Огромный труд его, «Описание Грузинского царства», вместе со словарем Сулхана-Саба Орбелиани явился высшим достижением грузинской научной мысли того времени.

Вахтанг не только поощрял развитие грузинской литературы, и особенно — расширение переводческой практики, но и своими произведениями способствовал ему. В то время было переведено немало памятников восточной литературы. Углубились и обрели новое содержание русско-грузинские литературные взаимосвязи. Один за другим было переведено несколько важных литературных памятников с русского языка. Эта работа стала еще более плодотворной, когда впоследствии Вахтанг VI возглавил грузинскую колонию в России.

Вся эта просветительская деятельность, осуществлявшаяся в столь широких масштабах, ставила своей целью культурное возрождение Грузии, без которого невозможно дальнейшее развитие страны. Просветительские тенденции характерны для всех работ, выполнявшихся в то время; явное влияние просветительских идей испытывал и Давид Гурамишвили, ставший впоследствии одним из самых активных членов литературной школы Вахтанга.

Принципиальную позицию занимал Вахтанг и в вопросе политической ориентации. Он прекрасно понимал, что магометанское окружение, в частности удушающее влияние Ирана и Турции (которые, со своей стороны, находились в политическом и культурном тупике), грозило Грузии гибелью. Вахтанг взял курс на страны новой цивилизации, хотя путь этот был тяжелым и тернистым.

Поиски реального союза с Западной Европой оказались в то время преждевременными (известно, что с такой дипломатической миссией по инициативе Вахтанга совершил путешествие в Европу Сулхан-Саба Орбелиани, хотя и эта очередная попытка потерпела неудачу), но подобные шаги все же следовало предпринять, и Вахтанг их предпринял. Если в политическом отношении они были обречены на неудачу, то с культурной точки зрения все же принесли известные плоды и сказались на дальнейшей культурно-просветительской деятельности Вахтанга и его соратников.

Совершенно естественно, что после этого Вахтанг, подобно его непосредственным предшественникам, в частности Теймуразу I и царю Арчилу (XVII в.), в конце концов признал единственным реальным союзником опять-таки единоверную Россию, и, как известно, после этого все политические шаги его были направлены на дальнейшее сближение с великим северным соседом.

Конечно же, каждое новое начинание связано всегда с известным риском, но Вахтанг смело пошел на этот риск. В результате этого он, пользуясь метафорическим выражением Давида Гурамишвили, подобно святому Георгию, оказался лицом к лицу с разъяренными драконами (подразумеваются Иран и Турция).

Непосредственным поводом для конфликта стал новый военный союз Вахтанга с Петром Первым. С десятых годов XVIII в. в политике России вновь со всей актуальностью встал вопрос Закавказья и Ближнего Востока. Россия стремилась опередить Турцию и завладеть северными провинциями ослабшего в то время Иранского государства (в частности, прикаспийскими районами). Важнейшими союзниками в этом деле она считала грузинских царей и, в частности, царя Картли Вахтанга VI.

В свою очередь, Вахтанг возлагал на этот союз большие надежды. С помощью русских он хотел окончательно освободиться от «покровительства» Ирана и вместе с тем вернуть захваченные турками южные провинции Грузии.

Это была исключительно опасная акция. Вахтанг таким образом решительно отмежевывался от Ирана и Турции, ко-

торые, конечно же, в случае неудачи картлийского царя жестоко его наказали бы. Следует отметить, что и часть грузинских государственных деятелей (в том числе — наследник Вахтанга царевич Бакар) критически относилась к этой затее.

Русский дипломат Волконский в докладе Петру Первому (1721 г.) именно так представлял создавшееся положение. Он писал, что Вахтанг «видит в Грузии несогласие между шляхетством, а ежели де войска Ваши введены будут в Грузию, то уже и поневоле принуждены будут многие его партии взять и с ним согласны быть».

Как уже говорилось, Давид Гурамишвили в своем «Давитиани» так же объективно описывал этот роковой шаг, сделанный Вахтангом.

3 августа 1722 г. Петр Первый приступил к оккупации побережья Каспия. Вахтанг VI, согласно договоренности, направился к нему навстречу со своими войсками и, расположившись лагерем в окрестностях Ганджи, ожидал прибытия русских войск, чтобы объединенными силами начать решающее наступление.

Однако эта экспедиция, на которую Вахтанг возлагал такие надежды, не состоялась. Петр отозвал обратно в Астрахань русские войска, подступившие уже к Дербенту. Конкретной причиной была недостача провианта, а также неудовлетворительное состояние конницы; более же глубокая и скрытая причина состояла в нежелании Петра вступать в открытый конфликт с Турцией, которая сама претендовала на Восточное Закавказье: по мнению Петра, этот конфликт на данном этапе мог повредить международной политике России.

Вахтанг оказался в тяжелом положении. Он уже полностью разоблачил свою позицию, расположившись лагерем у Ганджи для помощи русским войскам. Шах решил примерно наказать Вахтанга и передал Картли кахетинскому царю, принявшему магометанство Константину. Восточную Грузию охватило пламя братоубийственной войны. Этим не преминула воспользоваться Турция, и Картли была захвачена турецкими сераскирами. Возрожденный трудами Вахтанга Тбилиси турки сравнивали с землей. С севера на страну, и без того обессилившую, нахлынули отряды дагестанских разбойников.

В 1724 г. Вахтанг был вынужден покинуть Картли. Со свитой, состоявшей из 1200 человек, он переходит в Россию в надежде, что скоро вместе с русскими войсками вновь вернется на родину.

Однако дальнейшие политические события вконец сорвали все планы Вахтанга. Это было его последнее прощание с родиной, горечь которого он позднее выразил в поэтических строках. Главное, однако, в том, что несмотря на его личную трагедию, избранная им политическая ориентация была совершенно правильной, как это подтвердила дальнейшая историческая жизнь грузинского народа.

* * *

Давид Гурамишвили стал не только очевидцем, но и участником этих трагических событий. Пройдут годы — и он с поразительной точностью и объективностью (писать прав-

ство — это было главным принципом всей его поэзии) опишет в своем «Давитиани» ужасающие эпизоды «Бедствий Картли». Проследим, однако, неожиданные перипетии, которыми была полна жизнь поэта.

В поэтических строках «Давитиани» Гурамишвили рассказывает о своей деревне, Сагурамо, где жили его родители, многочисленные родственники, и где прошло его отрочество. Он рассказывает не только о бедствиях, но и о том, как его односельчане справляли традиционные праздники, какие песни они пели, в какие праздничные одежды наряжались в эти дни девушки его родного села.

Юный поэт, как видно, уже принимал участие в боях, которые с первым криком петуха на рассвете чуть ли не каждый день ожидали его соотечественников. Как непосредственный участник, рассказывает он об одной крупной битве на равнине близ Гори, называемой Зедавела. Это была одна из братоубийственных стычек, в которой участвовали такие внешние силы: турки и лезгины. Победа в этой битве была равноценна поражению, поскольку фактически здесь сражались друг с другом различные грузинские племена. С болью вспоминает поэт о зедавельской трагедии, когда войско его любимого царя Вахтанга, в рядах которого, как видно, сражался и молодой поэт, потерпело еще одно поражение:

От рассказов этих горьких
И в гортани горько стало!
Зедавельская долина
Ополчений не вмещала.
Атакуя, войско турок
Одолели мы сначала,
Но потом разбиты были:
Нас измена доконала.
Страшный день! Отряды турок
Проливали кровь невинных,
Обезглавливали женщин,
Чернецов, простолюдинов.
Нани головы возили
На арбах в больших корзинах.
Мертвецов не хоронили, —
Грызли волки их в долинах.

Это произошло 14 октября 1723 г. За этими событиями, как мы видели, последовала эмиграция Вахтанга и его приближенных. Восточную Грузию охватила анархия.

Почти во всех важных крепостях османы установили свои гарнизоны. Они обложили непосильной податью и постоянно грабили мирное население Картли и Кахети.

Вскоре сам Гурамишвили и его семья стали жертвой этой страшной смуты. Это произошло в 1727 г. Давиду было в то время 22 года; он, как видно, незадолго до того женился. Жена его, из дворянской семьи Гараканидзе, жила в селе Ламискана, в нескольких десятках километров.

Читателю следует запомнить название этого села, ибо именно там разыгралась трагедия, в результате которой поэт

оказался навеки оторванным от родной земли (жители этого села и поныне свято хранят память о поэте и ежегодно вместе с многочисленными гостями справляют посвященный ему праздник, носящий название «Гурамишвилоба»).

В то время, опять-таки из страха перед лезгинами, семья Гурамишвили перебралась к своим новым родственникам в Ламискана. Оказалось, однако, что и туда свободно добрались лезгинские хищники. В один июльский день на Давида здесь напали лезгины. Почти с кинематографической точностью описывает поэт историю своего пленения.

Жатва и уборка урожая в Грузии, как и в других странах древней культуры, издавнеле составляли целый ритуал. В соответствии с развитыми здесь различными отраслями хозяйства особое значение приобрели те дни, когда начинался сенокос, жатва или сбор винограда. В назначенный день каждая семья приглашала соседей (или наемных работников) в помощь. Каждое такое приглашение, разумеется, завершалось ритуальным пиршеством (обычай этот называется «мамитади»).

В это время и родичи Гурамишвили, Гараканидзе готовились к жатве. Подготовка «мамитади» была поручена Давиду, который с утра приступил к ней вместе с двумя подручными. На берегу реки Ксани, где находилось поле Гараканидзе, и поныне бьет прозрачный ключ. В ожидании работников Давид снял с себя оружие, приставил его там же у корней дуба и пошел к источнику умыться.

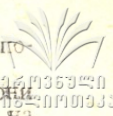
Именно этого и ждал притаившийся в кустах отряд вооруженных до зубов лезгин (как рассказывает поэт, их было человек пятнадцать). Нападение было настолько быстрым и не ожидаемым, что оказать сопротивление никто и не успел. Мы не знаем, какая судьба постигла спутников поэта: перебили ли их там же или вместе с ним увели по тяжелой и опасной дороге. В своей биографии поэт о них ничего не говорит. Связанного по рукам поэта сразу же увели из Ламискана по направлению к Дагестану. В жизни Давида Гурамишвили началась совершенно новая эпоха, доставившая поэту бесчисленные муки и страдания.

* * *

Кто былал в горных районах Грузии или переходил пещком через Тушети, Пшавию и Хевсуретию в Дагестан, может хорошо себе представить, сколько мучений перенес связанный пленник на этом пути, тем более, что, опасаясь преследователей, лезгины шли по бездорожью. С адскими муками сравнивал поэт свои ужасные страдания:

Тут они меня схватили,
Руки-ноги мне связали,
По тропинкам, по трупобам
За сто гор меня угнали.
Проливал я слез потоки,
Изнывал я от печали...

Его пригнали в аул, расположенный на Главном Кавказском хребте и носящий название Унцукуль. Эта деревня, как

Один из опорных пунктов, стала более известной в связи с эпопеей Шамиля.

Беря поэта в плен, лезгины преследовали одну цель: хотели обменять Давида, как и других пленных грузин, на скот, или же продать его крымским купцам, часто посещавшим дагестанские рынки, на которых торговали пленными.

С этой точки зрения интересна одна докладная записка, хранящаяся в фондах российской комиссии по иностранным делам. Автор записки сообщает: «Лезгины берут в плен огромное количество грузин, коих за бедностью содержать не могут, как и селить на своей земле по скудности оной. Связав как овец, гонят их к господам своим и продают крымским татарам. К господам же их и в их владения приезжают из Крыма и с Кубани татары и завозят полотно, хлопчатые ткани, ситец, бумагу, материи, а также сабли, пули, порох, кремни и др., а также коней, кои им очень нужны. Поэтому пленных обменивают на вышеозначенные товары за бесценок, татары же уводят этих пленных, связанными и закованными, в Крым, на Кубань, где причиняют им тиранические мучения».

Каждый, кто читал популярную книгу Е. Вердеревского «Плен у Шамиля» или автобиографическую повесть француженки Анны Пронсе «Пленицы Шамиля», ясно представит себе, в каких тяжелых условиях пришлось Давиду жить в плену. По его словам, лезгины несколько раз пытались его продать, и если бы не упрямое стремление поэта к свободе, кто знает, на какой восточный рынок попал бы он, где затерялся бы, подобно многим тысячам угнанных в рабство грузин, где угас бы его высокий дар.

Как известно, дагестанскому пленению поэт посвятил несколько лирических шедевров. Они отличаются поразительной конкретностью видения и высокопоэтическим обобщением. Перед глазами читателя разворачиваются ужасающие картины физических и моральных страданий. Это было огромным испытанием духовных сил поэта. Он гордо переносил всевозможные унижения и постоянно думал о родине, о близких:

**Но судьбою был заброшен
Я на север от Кубани.
Горе мне! О, кто б со мною
Разделил мои стenanья!**

В одном из стихотворений, посвященных этим дням, измученный поэт слагает возвышенные гимны, в которых с верой и надеждой обращается к небесным силам, призывая их помочь ему в ужасном плену:

**О пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могила!**

Гурамишвили недолго терпел такую жизнь и не предавался одним только молитвам. Он принял непоколебимое решение

и попытался бежать. Его поймали и жестоко избили, но эта неудача не сломила его твердую волю.

Гурамишвили снова бежит от своих насильников. Ценою колоссального душевного напряжения он преодолевает тысячи препятствий и на этот раз избавляется от плена. 11 дней он прокладывает себе дорогу в горах и, как сам же рассказывает, изголодавшись и дойдя до грани физического изнеможения, лишь на одиннадцатый день достиг «русской окраины», что уже означало, что он — в безопасности. Описывая это в «Давитиани», поэт рисует яркие картины переменчивости своей судьбы, своих душевных переживаний — это высокое свойство его поэтического дара. Красноречивые, пластически написанные картины сменяют друг друга, и все это блестяще увенчивается сценой встречи с русскими казаками, которые протянули ему руку помощи и впервые предложили измученному поэту хлеба:

Слово «хлеб» я знал по-русски,
Слышал я его и ране.
Услыхав его, я понял,
Что на русской я окраине.
И душа, забыв о муке,
Погрузилась в ликование,
И, как сноп, я там на землю
Повалился без сознания.
Был казак в селенье этом,
Мне ниспосланный судьбою.
Как родной отец за сыном,
Он ухаживал за мною.
Обнял он меня с любовью,
Оросил мне грудь слезою...

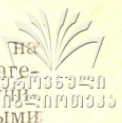
Так впервые вошел в грузинскую поэзию образ простого и великодушного русского труженика. Однако в этом конкретном факте можно увидеть и нечто большее. Он приобретает известное символическое значение на пути будущей русско-грузинской дружбы, первыми предвестниками которой были Вахтанг VI, Давид Гурамишвили и передовые государственные деятели Грузии.

* * *

Маршрут своего бегства поэт, видимо, продумал еще в плену. Об этом говорят следующие строки его известного стихотворения «Побег Давида из плена»:

Путь на север по светилам
Находил я неустанно;
Семь планет проводниками
Мне служили постоянно.

Преодолеть Кавказский хребет и вернуться в Грузию было фактически неосуществимой мечтой, причем Давиду хорошо было известно, какая анархия царила тогда в Восточной Грузии.

Единственным путем к спасению Давида был «путь на север». Русские поселения уже вплотную примыкали к Дагестану, а в Москве, как он знал, находился его великий уполномоченный Вахтанг VI со многими грузинскими общественными и государственными деятелями.

При поддержке своих новых русских друзей и покровителей поэт, покинув Терек, через Астрахань, уже к 1729 г. прибыл в Москву, ко двору Вахтанга.

В Москве поэт нашел, если можно так выразиться, «маленькую Грузию». Здесь были Вахтанг со своими высокообразованными сыновьями Вахушти и Бакаром, многочисленная свита Вахтанга — выходцы из лучших грузинских семейств, и, главное, здесь поэт встретил своего брата Христофора (также весьма образованного человека), дядю Мераба Гурамишвили и других близких людей.

В Москве, при дворе царя Вахтанга, поэта встретили с радостью и почетом. Ему была пожалована довольно высокая должность начальника арсенала и под его начало передали склады оружия, необходимого для будущих боев за освобождение Грузии, надежды на которое Вахтанг еще не утратил.

Правда, великого покровителя и друга Вахтанга, Петра Первого, уже не было в живых (он, как известно, скончался в 1725 г., когда Вахтанг еще находился на пути в Россию), но вес Вахтанга в восточных делах был еще велик. Наследники Петра с большим уважением относились к нему и к его многочисленной свите; русское правительство выделяло крупные средства для поддержания бывшего блеска при дворе грузинского царя.

Годы, проведенные в Москве при дворе царя Вахтанга, не прошли для Давида Гурамишвили бесследно. Двор грузинского царя стал важным центром культурно-просветительской деятельности.

Основы русско-грузинских культурно-литературных связей были заложены задолго до того. Особенно важным периодом в этом отношении был конец XVII в., когда в Москве навсегда поселился царь Арчил, руководивший развернувшейся здесь культурно-просветительской работой. Как известно, Петр Первый находился в близких отношениях с Арчилом и его семьей. Он пожаловал грузинам поместья под Москвой, заложив тем самым прочную основу московской грузинской колонии. Еще Арчил избрал своей резиденцией село Всехсвятское (располагавшееся приблизительно в районе нынешнего Сокола).

Широкая культурная деятельность Арчила и его сына Александра (ближайшего соратника Петра Первого, назначенного им первым фельдцейхмейстером артиллерии) общеизвестна. Здесь, в Москве, они основали грузинскую типографию, печатали грузинские книги, переводили необходимую литературу по различным отраслям знания. Так, например, Арчил перевел с русского «Православное вероисповедание» Петра Могила, сын его перевел сочинение известного русского просветителя Симеона Полоцкого и т. д. Посредством переводов с русского грузины знакомились также с западноевропейской литературой того времени.

Как и следовало ожидать, эта работа приобрела еще более широкий масштаб с 1725 г., когда в Москву прибыла многочисленная свита Вахтанга VI. Справедливо отмечается в научной литературе, что «грузины, направлявшиеся в надежде на лучшее будущее, помимо военно-политических, преследовали также учебно-культурные цели, — ознакомление на месте с достижениями русской культуры и их освоение. Без этого путешествие столь большого числа образованных людей в такую даль было бы непонятно»¹.

В особом почете при дворе Вахтанга была поэзия, художественная литература. Проводились поэтические турниры. На одном из них Давид Гурамишвили, как он вспоминает, нанес жестокое поражение поэту Джавахишвили. Здесь, в московской грузинской колонии, снискал он славу поэта (хотя из его ранних стихов дошло до нас немногое). Просветительская струя поэзии Давида Гурамишвили берет свое начало в годах, проведенных здесь (стихи «Давитиани» дидактического характера и др.); здесь же познакомился он ближе с достижениями русской литературы и науки, полюбил и усвоил богатый русский фольклор, плодотворное влияние которого так ясно видно в некоторых его лирических стихах (иногда он даже указывает на соответствующие источники). Мы имеем, таким образом, все основания сказать, что наряду с грузинским народным творчеством, с которым он непосредственно и основательно ознакомился в молодости, подлинно демократический характер его поэзии в значительной мере определило и его глубокое знание русской народной словесности.

К сожалению, однако, такой подъем в жизни вахтанговской колонии продолжался недолго. Уже с 1734 года русские войска снова начали отступать с Северного Кавказа в результате перераспределения политических сил на мировой арене (обострение русско-турецких отношений, конфликты с Швецией и Пруссией и т. д.). Поэтому вопрос о Ближнем Востоке (и соответственно — Закавказье) временно отошел на задний план, и надежды Вахтанга VI на освобождение Грузии с помощью русских войск не сбылись. Он отошел от политической деятельности и на правах простого смертного избрал местом жительства г. Астрахань, где и скончался в 1737 г. (во впечатляющей траурной оде оплакал Давид Гурамишвили великого сына Грузии — см. стихотворение «Кончина царя Вахтанга»).

Обезглавленная грузинская эмиграция оказалась перед дилеммой — вернуться на родину или же согласиться на предложение русского правительства остаться в России, принять русское подданство и поступить на государственную службу. За это правительство предлагало им крепостных и поместья в разных губерниях России (князьям по сорок, а дворянам — по двадцать дымов крепостных крестьян).

Для Давида Гурамишвили мысль о возвращении на родину была беспочвенной мечтой. У него были точные сведе-

¹ История грузинской литературы, т. II, Тб., 1966, с. 523 (на груз. яз.).

ния о том, что в Грузии царил такая же смута, как и ранее. Поместья его были разорены, а в Картли и Кахети правила враждебная Вахтангу ветвь царской фамилии.

Вместе с большинством членов грузинской колонии Давид решил перейти в русское подданство. После принятия присяги ему было назначено жалование, а поместья ему, вместе с частью его соотечественников, достались на Украине, в частности в Миргороде и Зубовке (по архивным сведениям — примерно 30 дымов крепостных крестьян).

С этого дня жизнь его была навсегда связана с Россией и его второй родиной, Украиной.

В то же время из оставшихся в России грузин была сформирована «грузинская гусарская рота», которая быстро выросла и была переименована в гусарский полк. Давид Гурамишвили вначале служил рядовым, но вскоре достиг чина поручика (следует заметить, что вместе с ним в гусарском полку в качестве добровольца находился его престарелый дядя Мераб Гурамишвили).

Поселение грузин на Украине шло не так уж быстро (ему препятствовало враждебное отношение местных помещиков, а также незаконные действия некоторых русских чиновников). Так или иначе, но к 1741 году распределение поместий завершилось. По точным сведениям, Давиду достались поместья в Миргороде и в расположенной в 8 км, деревне Зубовке, — всего, как мы уже говорили, до 30 семей крепостных.

Однако у Давида первое время все же не было условий для мирной жизни и, разумеется, для литературного творчества. Жизнь еще готовила ему суровые испытания. С 30-х годов XVIII века быстро развивающееся русское государство вступало в острые политические конфликты с соседними странами, активно пытавшимися остановить Россию. В непрерывно сменявшихся друг друга войнах грузинские гусары, в рядах которых находился и Давид Гурамишвили, самоотверженно сражались под рускими знаменами, закладывая основу для дальнейшего укрепления русско-грузинского содружества. Отважный воин Давид Гурамишвили, получивший боевое крещение еще на родине, в течение ряда лет с честью носил звание бесстрашного гусара.

Полк грузинских гусар с 1739 г. участвовал в так наз. Крымской войне, целью которой было обуздание турецкой экспансии в Причерноморье и на Балканах.

Это была тяжелая, изнуряющая и длительная война против многочисленной турецкой армии (достаточно сказать, что русские войска совершили гигантский марш-бросок, без отдыха пройдя почти тысячу километров). Она закончилась блистательной победой русского оружия. Под Ставучанами и Хотинном (Западная Украина) русская армия нанесла жестокое поражение огромной армии Османской империи, которой командовали лучшие турецкие полководцы.

Главнокомандующий русскими войсками фельдмаршал Христофор Миних, восхищенный мужеством грузин, писал в докладной записке Высшей военной коллегии: «...Грузинская гусарская рота... чрез всю кампанию находилась, и той роты

офицеры и рядовые противу неприятеля поступали так, как надлежит весьма храбрым и надежным людям, каковыя три армии весьма быть потребны» (ЦГВИА, фонд 10, д. № 2, л. 76—77).

Известно также, что в этой войне, завершившейся блестящей победой русского воинства, вместе с другими своими соотечественниками прославился и Давид Гурамишвили. Из рядовых гусар он был произведен сперва в чин капрала, а затем — квартирмейстера роты; параллельно с наградами в 1740 же году он получил чин вахмистра.

Вскоре грузинские воины были переброшены на север, и в 1741 — 1742 гг. они сражаются со шведами по левую сторону Финляндии (Швеция требовала, чтобы Россия отказалась от территорий, завоеванных Петром Первым). В этой войне грузинские гусары также отличились.

Только после этой кампании вернулись грузины на Украину. Гурамишвили приступил к приведению в порядок своих поместий, которые, как мы знаем из его же поэмы, находились в запущенном состоянии, а хозяйство пришло в полное расстройство. Поэт, видимо, еще не успел закончить своих хозяйственных дел, как грузинский гусарский полк был снова призван на войну. Возможно, этими превратностями полной неожиданностей жизни поэта навеяны его строки:

Много проса получил я,
Да не смог стведать мчади:
Мне в другое ехать место
Было велено без клади.

Вместе с другими государствами Европы против экспансионистской политики Фридриха II активно выступает и Россия. В 1757 г. началась семилетняя Русско-Прусская война.

В этой жестокой и кровопролитной войне поэта ждала новая опасность. В знаменитой битве под Кюстрином, когда чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, после первого вынужденного отступления русская и грузинская конница с молниеносной быстротой атаковала врага. Отряды пруссаков дрогнули и в беспорядке стали отступать. Бежавшего врага преследовал и Давид, но лошадь его внезапно увязла в болоте, а всадник, надея, повредил плечо. Здесь на него неожиданно наткнулся оторвавшийся от основных сил отряд пруссаков и взял его, находившегося почти без сознания, в плен. Это произошло 15 августа 1758 г. Вместе с другими пленными его увели и заключили в Магдебургскую крепость.

Сколько времени Давид провел в плену? Когда вернулся он на Украину? Полагали, что он был освобожден только после окончания Семилетней войны, т. е. в 1763 г. Однако материалы, обнаруженные за последнее время в русском военном архиве, документально подтверждают, что Гурамишвили вернулся на Украину раньше¹. 4 октября между Россией и Пруссией был заключен договор об обмене военнопленными. Ви-

¹ См. С. Кубанейшвили, Давид Гурамишвили в грузинском гусарском полку. Тб., 1956 (на груз. языке).

димо, именно в силу этого договора Гурамишвили был освобожден 7 декабря 1759 г.

Поэт вернулся из плена большим. Поврежденное плечо вылечить уже не удалось, и он был отчислен из родного полка, находившегося тогда еще на военном положении.

Как выясняется из тех же документов, высшие власти соответственно оценили его военные заслуги. Ему была оказана материальная помощь, и в 1760 г. в чине поручика он вышел в отставку (ценные материалы для военной биографии поэта содержат его челобитная на имя российской императрицы Елизаветы и другие документы, хранящиеся в Центральном военном архиве).

Вернувшись на Украину, поэт нашел свое имение полностью разоренным, что произвело на него весьма тягостное впечатление. В одном своем стихотворении, озаглавленном: «Плач о том, как Давид Гурамишвили попал в плен в Пруссии и потерял даже то, что имел для своего пропитания», поэт рассказывает о своем отчаянном настроении и душевной бесприютности.

Однако Давид, по-видимому, вновь собрался с силами и вместе со своей молодой супругой, Татьяной Васильевной, на которой он женился в России, стал восстанавливать разоренную усадьбу, приводить в порядок хозяйство.

Проходят десятки лет, проведенные поэтом на своей второй родине, Украине, но, как видно из его же творчества, он немало ночей провел в мыслях о родине, о Сагурамо и Зедзени, где находились могилы его предков.

Мы не располагаем точными сведениями о его деятельности в это время. Видимо, Давид был активным членом нового поселения грузин на Украине и пользовался большим авторитетом (потомки грузинских поселенцев и ныне живут в этом районе).

Однако яснее всего свидетельствует о деятельности Давида Гурамишвили его книга «Давитиани» — самое ценное, что мог он оставить после себя в дар своему народу. В эти годы поэт окончательно обрабатывал то, что пережила за всю жизнь его многострадальная душа. Каждая строка «Давитиани» — искренняя исповедь души великого поэта, выражение его огромного жизненного опыта. Он ждал только подходящего случая, чтобы переслать свою книгу, свое любимое детище на родину, и случай этот наконец представился. В 1787 г., когда на Украине (в Кременчуге) при дворе Потемкина находилось грузинское посольство во главе с сыном Ираклия II царевичем Миряном, Гурамишвили с упованием и надеждой передает ему свой сборник стихов. Именно благодаря этому счастливому случаю книга «Давитиани», проделав огромный путь, прибыла на родину поэта.

С удивительной трогательностью относился поэт к тому народу, среди которого провел большую часть своей жизни. Он сблизился с тружениками Украины, изучил их быт и духовную культуру. В его лирических стихах звучат русско-украинские фольклорные мотивы, а в поэме «Веселая весна» (или «Пастух Кацвия») гармонично сливаются воедино украинские

и грузинские народные обычаи, бытовые и фольклорные элементы. Исследователи грузинской и украинской литературы справедливо отмечают, что в своем лирическом шедевре «Зубовка» Гурамишвили одним из первых воспел красоту Украины.

Он искренне стремился облегчить тяжелые материальные условия украинского крестьянина, постоянно размышляя об ирригационной системе, необходимой для орошения нив Полтавины, страдавшей от засухи. Он разработал собственный вариант проекта ирригационной системы, пытался также внедрить на Украине водяные мельницы грузинского типа и даже составил необходимые чертежи, добиваясь практического осуществления своей идеи.

До сравнительно недавнего времени мы не располагали точными сведениями о том, сколько лет прожил Давид Гурамишвили, и где был предан земле прах поэта, оторванного от родины. В настоящее время оба эти вопроса решены: украинский исследователь Дмитрий Косарик обнаружил материалы, из которых видно, что поэт дожил до глубокой старости. Он скончался 24 июня (по старому стилю) 1792 г. Была найдена и могила поэта. Прах его похоронен в Миргороде, в храме Успения богородицы.

Светлую память о Давиде Гурамишвили, вместе с грузинским народом, свято хранит и братский украинский народ. Свидетельство тому — памятник Гурамишвили в Миргороде и мемориальный музей. Имя его — еще один незабвенный пример бескорыстной дружбы народов.

* * *

В каждом истинном поэте национальный дух неразрывно связан с его личной судьбой. Чаяния и страдания народа, к которому принадлежит поэт, обретают огромную силу художественного воздействия, когда весь его поэтический мир пронизан ими и они озарены внутренним видением поэта. Тогда мы верим ему и смело входим в этот таинственный мир; без этого невозможно говорить о высокой поэзии. Для осуществления такого идеала требуется, однако, огромный поэтический героизм. Только поэзия, идущая по пути такой правды, сохраняет то вечное очарование, перед которым оказываются бессильными века.

На первый взгляд может показаться, будто только личные переживания выражены в известных строках Давида Гурамишвили:

Я болезнь свою скрываю,
Но она не хочет скрыться.
Замирает в муках сердце,
Беспокоит вояница.
Хорошо ли, если пахарь
С илугом в гору громоздится?
Грех тому, кто нас заставил
С налей родины проститься.

В целом, однако, слова эти воспринимаются как горькая исповедь человека, задумавшегося о судьбе родины, о жестоких испытаниях, выпавших на ее долю. Здесь личная скорбь перекликается с гигантской национальной трагедией, приобретающая ту силу обобщения, которая только и может служить главным критерием оценки всякого художественного произведения.

Поэтому поэзия Гурамишвили — не только взволнованная летопись одной из самых трагических эпох в истории Грузии, но и его собственная, личная биография, так тесно переплетающаяся на определенном отрезке истории с судьбой его родины, его соотечественников.

Прежде чем коснуться особенностей поэзии Давида Гурамишвили, следует сказать несколько слов о том культурно-историческом окружении, в котором вырос и сформировался он как поэт и мыслитель. Это тем более необходимо, поскольку в истории мировой культуры эпоха, пришедшая на смену античности, считалась одно время эпохой мрака и невежества. Одними из первых отвергли эту точку зрения классики марксизма, хотя об этом иногда забывали даже в нашем литературоведении.

Руководящим в этой связи должно стать для нас высказывание Фридриха Энгельса о том, что глубоко заблуждаются те, кто считает средневековье всего лишь перерывом в истории человечества, вызванным тысячелетним засилием варваров; при этом никто не уделял внимания тем качественно новым чертам, которые внесло в историю человеческой культуры средневековье.

Известный французский медиевист Густав Лансон в своей «Истории французской литературы», резюмируя успехи, достигнутые средневековьем в области духовных ценностей, подчеркивает, что этот отрезок истории человечества был не только сам по себе плодотворен, но и подготавливал будущее. И правда, средние века, развивавшиеся в основном под знаком христианской культуры, отмечены выдающимися достижениями почти во всех областях художественного творчества.

Достаточно вспомнить здесь о христианской духовной литературе с ее многочисленными отраслями, которая сама по себе — явление, знаменующее определенный этап духовной жизни человечества (богатейшие материалы в этом отношении содержит духовная литература народов христианского мира — греков, славян, грузин, армян и др.). По сравнению с античностью, — и это сегодня ни у кого не должно вызывать сомнений, — христианская культура сразу же выдвинула на передний план проблемы личного совершенствования человека и выявила новые нравственные категории. Развиваясь по этому пути, духовная литература закладывала основы для возникновения качественно нового эстетического идеала.

Это в равной мере касается не только нравственных, этических категорий, но и достижений в области художественного мышления. Взять хотя бы такой фундаментальный момент художественного мышления, как символизация реальных явлений. В своей известной книге, посвященной Андрею Руб-

леву, Д. С. Лихачев совершенно справедливо замечал, что при художественном освоении действительности, свойственном Рублеву, вскрываются не только конкретные признаки явления, а его вечная сущность, и эпитеты подчеркивают по преимуществу идеальный признак предмета, составляющий его «вечный», «духовный» смысл. Огромный опыт, накопленный развитием художественной мысли, в значительной части обусловлен именно достижениями христианской культуры (здесь, конечно, наряду с духовной литературой подразумеваются различные отрасли пластического искусства и т. п.).

Все вышесказанное касается не только вообще грузинской духовной культуры, но и поэзии одного из представителей последнего периода грузинской средневековой литературы, Давида Гурамишвили, в творчестве которого в известной степени проявляются определенные черты духовной литературы, придающие своеобразный стилиевой оттенок его поэзии.

Христианская культура в широком понимании (а не как конкретная религия, основанная на узких догматах) была определенным шагом вперед на пути развития человеческой мысли и дала определенный толчок духовной деятельности человека. Кроме того, христианство сыграло конкретную роль, в исторической жизни таких стран, как Грузия. Действительно, именно благодаря христианству противостояла она экспансии восточных народов, носителей зороастризма (V—VII вв.), а затем — магометанского фанатизма (см. выше). С этой точки зрения христианство в Грузии выполнило миссию определенной национальной идеологии.

Принципиально ошибаются, однако, те исследователи, которые ищут полную аналгию между религиозной идеологией (в данном случае — христианской) и мировоззрением того или иного автора. Чем крупнее художник, тем меньше коэффициент такого совпадения, соответствия.

Здесь достаточно было бы сослаться на двух художников мирового значения, величайших представителей средневековой литературы — Данте Алигьери и Шота Руставели.

Несмотря на глубоко христианскую настроенность и на религиозную модель изображаемого мира, автор «Божественной комедии» стоит на собственной мировоззренческой позиции и формулирует новый идеал человека. Именно за поиски новых путей мышления назвал его Энгельс последним поэтом средневековья и первым поэтом нового времени.

В то же время несомненно, что мировоззрение автора «Витязя в барсовою икюре» возникло на основе христианской религии, и поэтому именно идеологическое исследование Шота Руставели окончательно связано с национально-исторической почвой (несмотря на то, что внешне сюжет поэмы разворачивается в странах магометанского вероисповедания).

Главное, однако, состоит в том, что как бы ни зависел Шота Руставели от христианского мировоззрения, в какой бы дозе ни сказывались в его мышлении следы христианских или вообще средневековых учений, остается фактом, что гениальный поэт идет своим путем и предлагает нам собственное понимание жизни, собственное мировоззрение.

Наряду с художественным отображением нового, руставелевского идеала человека, его художественное видение в первую очередь направлено в сторону земного, реального мира. Это само по себе сразу же исключает важнейшее положение христианства об иллюзорности мира сего. На вопрос о том, какими факторами обусловлена явно ренессансная струя в творчестве Руставели, современная руставелология дает вполне определенный ответ. Но рассуждения об этом завели бы нас далеко от нашей темы.

Было бы также насилием над фактами (да к тому же — никому не нужным насилием на современном этапе развития науки) полностью отрывать Давида Гурамишвили от христианской культуры. Правда, здесь христианская идеология преломляется сквозь иную призму, но подобно своему великому предшественнику Шота Руставели, и, надо сказать, в гораздо более мистических красках (это обуславливалось обостренными противоречиями эпохи Гурамишвили), он в своем творчестве зачастую использует этически-нравственные начала, характерные для христианского мышления, или отдельные художественные мотивы, истоки которых лежат в библейских книгах. Ниже мы увидим, как своеобразно трансформирует Гурамишвили такой, например, жанр христианской литературы, как духовная поэзия (гимнография), но и здесь мы становимся свидетелями той же диалектики приятия и преодоления христианской культуры, о которой было упомянуто выше в связи с мировоззрением Данте Алигьери и Шота Руставели.

Гурамишвили в им же самим модернизированные, можно сказать, духовные гимны внес земную, светскую струю, да иначе и не могло быть. Давид Гурамишвили прежде всего — великий поэт и сын своего народа. Его поэтическое чутье окончательно преодолело глубокие душевные противоречия; вместо христианско-мистического созерцания и спокойного ожидания вечного блаженства он горит жизненным огнем, страдает болью своей родины и создает песни, которые для него дороги и любимы, как собственные дети, — песни, которые, он верит в это всей душой, станут друзьями каждого грузина и в горе, и в радости.

* * *

«Давитиани» — художественная летопись Грузии XVIII века. Особенно важна в этом отношении первая часть книги, известная под названием «Бедствия Грузии». Гурамишвили, как уже говорилось, избрал совершенно своеобразный способ изложения и в волнующей форме поведал о злоключениях своей родины. Своеобразие повествования обусловлено в первую очередь тем, что, создавая историческую картину Грузии, он одновременно рассказывает и о своих собственных приключениях. Это придает строкам «Бедствий Грузии» удивительную непосредственность. Здесь эпос и лирика постоянно сменяют друг друга; и по форме своей это — уникальное произведение (в этом отношении поэма «Бедствия Грузии» предвосхищает поэмы того типа, интереснейшие образцы которого были созданы в грузинской литературе XIX века, — например, «Судь-

ба Грузии» Н. Бараташвили, поэмы И. Чавчавадзе и А. Церетели и др.).

Автор «Бедствий Грузии» — беспристрастный летописец. Нужно смело смотреть в глаза правде, какой бы горькой она ни была. Измена правде есть измена родине и народу. У Гурамишвили культ правды возведен, если можно так сказать, до уровня веры. Вместе с тем говорить правду — и трудно, и опасно (старая грузинская пословица гласит: «Говорящий правду должен держать коня оседланным»), но без большой смелости, требующейся для того, чтобы сказать правду, нечего и думать об исцелении родной страны. Своеобразным девизом для всей поэмы «Бедствия Грузии» могли бы послужить замечательные слова Гурамишвили:

Говорить я буду правду,
Не глашатай я химере.
Недостойных не прославлю,
Не унижусь в лицемерье.
Пусть хоть голову снимают
С плеч монах — по крайней мере
Не сравню кого попало
С достославным Кахабери.

Такая принципиальная позиция автора придает «Бедствиям Грузии» возвышенное звучание — как в социальном, так и в национальном плане. Здесь беспощадно вскрываются общественные пороки, обличаются и внутренние, и внешние враги грузинского народа — все те, кто виновен в его страданиях.

Вопрос о том, быть или не быть Грузии, стоял в то время действительно с небывалой остротой; судьба страны висела на волоске. Феодалные противоречия раздирали ее изнутри. Грузинскому крестьянину негде было укрыться. Притесняемое жестокими помещиками трудовое население перебегало из одного уголка Грузии в другой (это явление в XVIII в. приняло массовый характер), но и это тоже не помогало делу: одного помещика просто сменял другой. Именно в эту эпоху распространилась эпидемия и другой, еще более страшной социальной болезни, — так наз. «пленопродавство» или торговля пленными. Она постепенно привела к тому, что феодалы, стремясь восполнить ущерб, причиняемый им расстройством сельского хозяйства, продавали своих крепостных работникам, прибывавшим с невольничьих рынков Востока.

Участились братоубийственные войны, возникавшие на почве феодалных распрей. Ослабевшая центральная власть была бессильна обуздать феодалов, прекратить их постоянные стычки. Крупные князья, жаждавшие власти, поочередно вступали в союз с чужеземными силами и сами же способствовали их вторжению в Грузию.

Выше уже говорилось о том, как обострилась международная обстановка. Несколько крупных государств оспаривали друг у друга право окончательно завладеть ослабевшей Грузией. Страна превратилась в объект самого дикого разгула чужеземных захватчиков (особенно иранцев и турок); все

это довершали непрерывные набеги дагестанских разбойников.

Как плач Иеремии, звучат слова Давида Гурамишвили.

Перечислить беды Картли
Только мудрому по силам.
Стала плевелом пшеница —
Был огонь ей молотилом.
Десять душ один неверный
Убивал с великим пылом,
Там, где двое появлялись, —
Сто повертывались тылом!

В описании бедствий Грузин беспристрастный летописец и взволнованный очевидец дополняют друг друга. Удивительная точность в изложении фактов и способность к их всестороннему анализу позволяют поэту выявить глубинные социальные и политические причины, которые привели страну на край гибели. Но все же это — далеко не летопись, написанная «холодным» рассудком. Здесь доминирует чувство художника, огромная эмоциональная напряженность. В пластически нарисованных картинах каждый эпизод, описанный с потрясающей жизненной правдой, украшен обобщенными художественными образами, смелыми метафорами. Именно Гурамишвили принадлежит фигуральное выражение — Грузия его эпохи похожа на неправильно вспаханное поле: в другом месте поэт изображает пахаря, идущего за сохой в гору, тогда как другой с кривой бороною спускается вниз, ему навстречу. За этим художественным сравнением следует суровый вывод:

Тот, кто действовать способен
С безрассудством столь нелепым,
Пусть меня не угощает
Дурно выращенным хлебом.

А затем прямо указаю, кого подразумевает поэт:

Что вспахали кахетинцы,
В гору двигаясь с сохой, —
Заравняли карталинды
Кривобоким бороною.

С такой же точностью и смелостью уподобляет поэт бра-тоубийственную резню в Грузии драке петухов, в пылу ссоры забывших о главном враге, который хватает их обоих без труда.

Смелое обличение недостатков, прямое и нелицеприятное выявление общественного порока и правильность выводов — вот в чем состоит главный социальный пафос поэмы «Бедствия Грузии», говорящий о большом художественном чутье ее автора и правильном осознании исторической перспективы.

Культурное движение эпохи Давида Гурамишвили, как уже говорилось выше, ставило перед собой просветительские цели. Грузинские ученые и писатели, не щадя сил, трудились для того, чтобы страна, стставшая в культурном отношении из-

за превратностей исторической судьбы, смогла идти в ногу с современной цивилизацией.

Цель грузинских просветителей была совершенно ясной. Вероятно, ни в чем так не нуждалась разоренная и притесняемая внутренними и внешними врагами Грузия, как в образованных и просвещенных людях, способных самоотверженной борьбой и трудом принести народу обновление.

В силу понятных причин Давид Гурамишвили отводит этой теме большое место в своем произведении. Первые главы «Давитиани» фактически касаются вопросов обучения и воспитания («Наставления для обучающихся») и свидетельствуют о гуманизме и демократическом духе автора. Здесь изложен целый нравственный кодекс, назначение которого — пробудить у молодого читателя стремление к учебе. Совершенно ясна и метафора поэта, говорящего, что ученье — свет, что подобно тому как всякое творение природы устремляется к солнцу, и человек обязан всем существом своим стремиться к просвещению. Ученье — самое драгоценное и вечное сокровище, острое оружие в борьбе против незримых и зримых врагов. Поэт сравнивает необразованного человека со слоном без хобота, с барсом без когтей, и первейшим критерием человечности считает уровень образования. Ставший в средние века аксиомой библейский мотив — человек приходит в этот мир для страданий — модифицирован здесь в положение о том, что «высшее благо — стремление к учебе и просвещению». Однако Давид Гурамишвили, как это вообще для него характерно, ни на йоту не скрывает от читателя тех трудностей, с которыми связано получение образования. Путь, ведущий к вершине знания, не устлан розами, — учит он. — Только труд — надежная поддержка на этом пути, но пусть «корень учения горек, плоды же сладки», — заключает поэт.

Автор «Наставлений для обучающихся» хорошо знает, что голая моралистика не дойдет до читателя по-настоящему глубоко, не запомнится ему; он позаботился о соответствующей художественной форме и представил свои жизненные наблюдения в неожиданных метафорах, крылатых выражениях. Поэтому на родине поэта редко встретишь человека, незнакомого с мудрыми поучениями Гурамишвили, не знающего наизусть его лапидарных сентенций. Прошли века, но они не забыты в повседневной жизни грузина, — именно в этом и состоит сила подлинной поэзии.

Так же оценивали «Наставления для обучающихся» выдающиеся грузинские общественные деятели последующих эпох. Говоря словами великого грузинского поэта и мыслителя Ильи Чавчавадзе, «дидактическую поэзию Давида Гурамишвили смело можно поставить в один ряд с творениями Лукреция, Вергилия и Горация».

«Давитиани», как мы уже говорили, по своей поэтической форме стоит на грани эпоса и лирики. Рисуя историческую панораму Грузии, поэт попутно дополняет отдельные эпизоды лирическими переходами, придавая тем самым глубоко интимный оттенок поэтическим строкам «Давитиани».

Здесь поэт прямо, непосредственно делится с нами собственными переживаниями, душевными страданиями, вызван-

ными борьбой против несправедливости. Это, однако, не чувства замкнутого в себе индивида. Герой лирических стихов олицетворяет личность, размышляющую о судьбе своего народа, о тяжелой участи родины. Именно благодаря этому поэзия Гурамишвили выходит за узкие рамки камерной лирики:

**Был во мне источник жизни —
Полный влаги желобок.
Ныне там, где был источник,
Хлынул слез моих поток.**

Уже не личная, а национальная боль, глубокая тоска, вызванная утратой родины, звучит в словах поэта:

**А теперь оставим притчи.
Сядьте, люди, к очагу.
Всем, кто дома, кто за дверью,
Место и нашем есть кругу.
Вспомним мы родную землю —
У нее мы все в долгу:
В плен мы отдали отчизну
Ценавистному врагу.**

При этом Гурамишвили смело обращается к общечеловеческим темам, касаясь вопроса о долге человека перед своей землей, морально-нравственных проблем. Его идеал — нравственно чистый, гуманный человек, всей душой сочувствующий чужому страданию. Он часто возвращается к теме жизни и смерти, возводя ее до уровня философского суждения (ведь в древности философия подразумевала размышления о смерти). Конечно, при разработке таких тем поэту христианского вероисповедания отнюдь не чужды религиозно-мистические мотивы, в процессе своеобразной модификации которых он вторгается в фантастические глубины. Медитационный характер его стиха при этом обретает чарующую непосредственность, а в постановке проблемы взаимоотношения человека и божества он напоминает величайших средневековых гимнографов (к сожалению, некоторые из этих шедевров поэта остались непереуслеленными ни на один язык, в том числе и на русский).

Это, однако, только на первый взгляд. В его стихах человек часто одинок; покинутый богом, он стойко переносит тяжелейшие удары судьбы. Именно на этой почве возникает окончательный отход идейного мира Гурамишвили от древней духовной поэзии, гимнографии. В гимнах Гурамишвили мы уже не видим одномерности отношения, одной направленности, тогда как универсальная цель типичного гимнографа состоит в молчаливом мистическом созерцании всевышнего.

В гимны Гурамишвили просачивается горький яд сомнения, и хотя автор обращается к брэнному миру, но это — только внешне. Он строит свое обращение на контрастах и создает строки огромной художественной силы, в которых нам видится скрытый, но по сути своей мятежный дух:

**Если ты есть бденье, что есть сновиденье?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!**

Коль ты — жизнь земная, что есть смерть людская?
О, коварный мир! О, мгновенный мир!
Избери ж любое, то или другое,
О, коварный мир! О, мгновенный мир!

Суетность и коварство преходящего мира действительно потрясающе изображены в одном его стихотворении, в котором, опираясь на народные представления, он создает художественную картину, выражающую глубоко религиозное настроение:

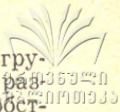
Мир, как море в непогоду,
Переменчив с давних пор,
По его основе время
Вышивает свой узор.
Кто там острою косою
Косит нас, костляв и хвор?
Бреши́й мир и в блеске молний
Тёмен, им наперекор!

Здесь с удивительной остротой выражены общечеловеческие страдания, и строки эти можно отнести к числу лучших творений певцов мировой скорби. Поэзия Гурамишвили выражает земные переживания и ощущения человека, хотя по своей художественной окраске стихи его напоминают творения духовных гимнографов.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание еще на один признак, резко отличающий гимны Гурамишвили от поэзии чисто духовного характера. Как подлинно одаренного поэта, Гурамишвили характеризует — и это мы уже отмечали — восприятие действительности в живых, конкретных образах. Примерами этого могут послужить хотя бы поразительно реалистичные эпизоды «Бедствий Грузии». В этом — проявление его поэтической природы, и он блестяще использует этот действительно свыше ниспосланный дар в гимнах духовного свойства, возводя его до высоты поэтического приема.

В этом смысле он несомненно модернизирует гимнографию — не только по форме (Гурамишвили первым в грузинской поэзии внес народные интонации в песнопения и гимны духовного типа), но и по другим, гораздо более существенным признакам. Вместо поэтических абстракций (преимущественно — образов, в готовом виде взятых из Библии), составляющих основное отличительное свойство духовных гимнов, Гурамишвили обогащает свои гимны конкретными впечатлениями, взятыми из живой действительности. Здесь реальный и мистический аспекты сплетаются воедино. Так строятся его лирические шедевры, например, «Зубовка», «О том, как Давид Гурамишвили в битве под Кюстрином с лошадьё увяз в болоте...», и т. д.

Огромное большинство гимнов создано с использованием подобных поэтических приемов (как в тексте, так и в подтексте, в реальном и мистическом плане) и, как уже было сказано, это — одна из весьма важных стиливых черт его поэзии (к сожалению, в переводах такое чередование различных планов часто полностью игнорируется).

* * *

Давид Гурамишвили — представитель многовековой грузинской литературы, поэт, порожденный всем ходом ее развития, и как всякий великий художник, он вносит свой собственный вклад в это развитие.

Грузинская литература еще до XVIII века, до появления Давида Гурамишвили и его современников, прошла долгий и сложный путь. В соответствии с развитием исторической жизни у нее были периоды подъема и упадка. Было даже время, когда грузинская поэтическая лира как будто совершенно умолкла. Как писал выдающийся грузинский историк И. Джавахишвили, создалось впечатление, что в великом очаге грузинской поэзии творческий огонь в то время навсегда погас. Но пеплом (имеется в виду эпоха после вторжения монголов, XIV — XVI вв.).

Но несмотря на неблагоприятные условия (как видел читатель, и XVII—XVIII вв. не были для Грузии веками благоденствия), все же началась борьба за возрождение, которую возглавили грузинские писатели XVII в. (Теймураз I, Арчил, Иосеб Тбилели и др.), и особенно — плеяда грузинских просветителей (Вахтанг VI, Сулхан-Саба Орбелиани и др.), к числу которых принадлежал и Давид Гурамишвили.

Естественно, что борьба за возрождение опиралась на традиции классической поэзии (XII — XIII веков), и прежде всего — на творчество Шота Руставели, вершину этой поэзии. С целью расширения национального культурного горизонта снова начались попытки восстановления нарушенных контактов с восточной литературой (были переведены многие блестящие образцы персидской поэзии). Прощупывалась почва для укрепления литературных связей с Западной Европой и Россией (как мы видели, большую роль в этом отношении сыграла московская грузинская колония, членом которой одно время был Давид Гурамишвили).

Однако в грузинской поэзии того периода Гурамишвили избрал совершенно особый путь, и это говорит о его несомненной оригинальности как поэта и мыслителя. Что здесь имеется в виду? В грузинской литературе XVI—XVIII веков, ориентировавшейся на классическое наследие, замечается явный уклон в сторону эпигонства. В ряде случаев вместо творческого освоения классических традиций приходится говорить о влиянии и подражательстве. Естественно, объектом подражания в первую очередь был «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Как это обычно для эпигонов, подражали форме, тогда как высокие духовные ценности, содержащиеся в этом произведении, оставались незамеченными.

И для Давида Гурамишвили Шота Руставели служит самым ярким примером истинной поэзии. Он считает Руставели патриархом грузинской поэзии, взрастившим вечно живое «древо стихотворства» в Грузии. Однако в то же время, в противоположность поэтам эпохи Возрождения (так в грузинском литературоведении условно называют литературу XVI — XVIII вв.), именно он сделал наиболее решительные шаги к преодолению непомерно огромного влияния Руставели. В

этом отношении следует учитывать замечание классика грузинской литературы XIX в. Акакия Церетели о том, что Гурамишвили был «первым писателем, пожелавшим избрать свой собственный путь и избавившимся от рабского подражания Руставели». Действительно, Гурамишвили поистине творчески подходит к великому наследию своего гениального предшественника. Он не только испытывает влияние Руставели, но и прокладывает свой путь, создавая совершенно оригинальный поэтический мир. Это — еще один пример того универсального процесса творческого осмысления традиций и смелого новаторства, без которого история мировой литературы была бы всего лишь топтанием на месте.

Давид Гурамишвили стоял перед новыми историческими задачами, и соответственно в его поэзии возникли ранее неизвестные темы, для которых поэт подыскал совершенно новый поэтический ключ. В его творчестве сведена к минимуму некоторая условность, присущая классической поэзии, и центр тяжести перенесен на непосредственное высказывание мысли. Гурамишвили поставил себе задачей создание художественной летописи своей родины, стоявшей на историческом перепутье, и для решения этой задачи на первый план выдвинул конкретные поэтические формы, свободные от излишних украшений. Он смело обратился к грузинскому фольклору и одним из первых в грузинской поэзии широко открыл двери для простой, по-народному прозрачной поэтической речи (даже в специфических духовных гимнах). В этом состоит наиболее важный вклад Давида Гурамишвили в развитие грузинской поэзии, оказавший благотворное влияние на литературу последующих эпох.

Он отверг также чрезмерно цветистый, вычурный стиль восточной поэзии, бывший особенно модным в Грузии XVI — XVIII веков. Гурамишвили в данном случае совершенно справедливо признан одним из предшественников новой грузинской поэзии (подразумевается поэзия XIX в.), взявшей ориентацию на литературные традиции стран новой цивилизации. Илья Чавчавадзе, как известно, назвал это культурное движение «европеизмом», подразумевая под этим в широком смысле, проникновение новых культурных тенденций из Западной Европы и, конечно же, из России (те элементы культуры, которые усвоил Давид Гурамишвили за долгие годы жизни в России, не прошли бесследно).

Давид Гурамишвили, как уже было сказано, открыл широкий доступ в свое творчество фольклорному потоку, сыгравшему едва ли не решающую роль в его поэтике. Ему чужды как всяческая высокопарность, так и увлечение сложными метафорами. Он максимально приблизил язык поэзии к разговорной речи. Стих Д. Гурамишвили прост и прозрачен. Поэт творчески заимствовал из народных источников многообразные ритмы, интонации и различные поэтические приемы.

Гурамишвили окончательно отверг метафорический стиль поэтического языка, в период позднего средневековья (XVII—XVIII вв.) превратившегося в собрание готовых и застывших в своей неподвижности поэтических формул (хрусталь и жемчуг

— зубы, чернильные озера—глаза, гишер и вороново крыло—волосы и т. д.). Разумеется, это отнюдь не означает, что Гурамишвили вообще не пользовался метафорой. Некоторые из его метафор — подлинные открытия, блистающие первозданной прелестью, но главным художественным приемом его поэзии все-таки является сравнение, идущее от непосредственных наблюдений над жизнью. С той же народной поэзией Давида Гурамишвили сближает часто встречающийся в его стихах параллелизм образов, когда на первый взгляд независимые друг от друга поэтические фразы служат передаче единой поэтической мысли.

Хочется особо подчеркнуть следующее: увлечение фольклорными формами у Гурамишвили носило абсолютно осознанный характер (что само по себе является редким исключением в грузинской поэзии той эпохи). Вспомним слова поэта из вступления к «Давитиани», где он прямо сообщает, почему выбирает в своем творчестве именно этот путь:

**Не взрастил я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плоды отведать мог.**

Это была явная попытка демократизации грузинской поэзии. Д. Гурамишвили хорошо знал, что освобожденные от тяжелого книжного стиля, облеченные в простую, доходчивую форму мысли легко найдут дорогу к широкому читателю. Тем самым он пытался заполнить ту пропасть между людьми учеными и неучеными, которая из-за строгого разграничения сословий была так характерна для средних веков. И в этом случае Д. Гурамишвили защищал передовые для своего времени позиции просветительства.

Свои глубокие душевные переживания, раздумья над земной участью человека Д. Гурамишвили, как это уже отмечалось, порой выражал в гимнах духовного характера. В этих стихах он проделывает своеобразную обработку темы, характерной для христианской поэзии и выражающейся в обращении человека к богу. В таких случаях личные духовные искания поэта возвышаются до уровня общечеловеческих переживаний. Поэзия Гурамишвили поднимает глубокие философские вопросы, старается вырваться из тесных рамок человеческого бытия и по примеру христианской поэзии выражает все это в стремлении к вечному свету (вечный свет в сочинениях христианских авторов — неизменный символ божественности).

Однако Д. Гурамишвили и тут не изменяет собственной поэтике. Его речь и тут проста и легко доступна. Гурамишвили опять и опять, с помощью того же фольклорного материала, пытается модифицировать (если можно так выразиться) духовную поэзию. Примечательно, что в таких случаях в качестве фольклорных прототипов он специально использует образы грузинской ритуальной поэзии (поэт сам указывает на это в своей рукописи).

Почему Гурамишвили обратился именно к поэзии ритуального характера — объяснить нетрудно. Грузинская риту-

альная поэзия, которая из-за специфических условий исторического развития страны, до позднейшего периода сохраняла элементы языческих верований, была очень популярна в народе.

Народ привык к такой поэзии (она была неременной спутницей всех народных празднеств и исполнялась в сопровождении музыки и танцев). Поэтому Гурамишвили намеренно выбирал для своих стихов знакомые размеры и метры, в собственных целях используя традиционные формы. По его замыслу, такой прием должен был способствовать более легкому усвоению идей, выраженных в его стихах.

Однако в истории грузинской литературы огромная заслуга Давида Гурамишвили заключается не только в том, что он с такой жадностью приник к национальным истокам народной поэзии и обогатил литературу сокровищами народной словесности, но также и в том, что главным предметом своего творчества он сделал жизнь простых людей. Если мы вспомним основные каноны средневековой мировой литературы, которая косо смотрела на включение «простонародной тематики» в сферу поэзии, то станет очевидной явная демократичность позиции Гурамишвили в этих вопросах.

В этом смысле особенно примечательна брызжущая жизнью и здоровьем поэма «Веселая весна» — блистательный образец истинной простоты и ясности. Несмотря на то, что в поэме часто встречаются сентенции, построенные на основе христианской моралистики, вся она пронизана духом, свободным от догм, сковывающих человека.

«Веселая весна» как по своим отдельным мотивам, так и основной сюжетной линией, относится к жанру бытовой народной поэмы. Ее сюжетную основу составляют народные представления о пробуждении природы. Обновление природы вызывает неудержимое влечение друг к другу всего живого.

Ушла зима с холодными снегами,
Пришла весна с весенними цветами...
И все, что было на земле мужского,
Соединилось с самочками снова,
И хлеб взошел, и травы
Пробились, и дубравы
Листвой покрылись вновь.

Бесхитростные и вольные пастухи и пастушки присоединяются к великому торжеству природы. И вместе с тем, своими идиллическими настроениями поэма «Веселая весна», без сомнения, напоминает нам произведения буколического жанра.

Вместо духовных исканий человека, подавленного «первородным грехом», характерных для средневековой литературы (преимущественно христианской), в поэме ощущается мощное биение античного начала, физическое и духовное здоровье: человек — дитя природы, и он ни на мгновение не должен от нее отрываться. Слияние с природой, жизнь по законам природы делают род человеческий таким же бессмертным, как бессмертна сама природа и весь внешний мир в своем извечном обновлении.

Вот основной пафос поэмы, который самого автора заставляет забыть на миг о глубокой скорби по поводу бесприютности оставшегося в одиночестве, всеми покинутого века.

Исследователю поэзии Д. Гурамишвили открывается большой интерес поэта к русскому и украинскому фольклору. В своей рукописи автор дает в грузинской транскрипции названия произведений, которые, по всей видимости, служили определенным творческим импульсом для выбора новой интонации или песенного мотива его собственных сочинений. (К примеру, он указывает на такие образцы русско-украинского фольклора, как «Улетела зозуленька через дубину», «Не дам покою, пойду с тобою», «Что за причина, всегда кручина», «Полно, полно, не прельщайся» и т. д.).

Многолетнее пребывание в России и на Украине позволило поэту познакомиться не только с книжной культурой, но только наблюдать быт и нравы простых тружеников (что тоже нашло яркое отражение в его творчестве), но и основательно изучить богатейший фольклор этих народов. Гурамишвили не только биографией, но и всем творчеством кровно связан со второй своей родиной, и это оказало весьма плодотворное влияние на богатый и многоцветный мир его поэзии.

Творчество Давида Гурамишвили имеет еще множество аспектов, исследование которых выходит за рамки данной статьи. Нам кажется, что высказанные выше положения создадут у читателя определенное представление о творческом облике поэта, о его месте в истории грузинской литературы.

В заключение же следует отметить, что творчество Давида Гурамишвили завершило огромный отрезок развития грузинской литературы (имеется в виду древняя или средневековая литература), многие качественные особенности которого явно сказываются в его поэзии, носящей своеобразную спиритуалистическую устремленность; в то же время, однако, весьма значительным следует признать тот факт, что именно Давид Гурамишвили своими глубоко новаторскими исканиями одним из первых выявил такие поэтические возможности, которые в дальнейшем направили грузинскую поэзию к овладению совершенно новыми творческими горизонтами.

Н О В Ы Е П Е Р Е В О Д Ы

К 275-летию со дня рождения Давида Гурамишвили киевское издательство «Мистецтво» и тбилисское «Хитловнеба» издают совместно на трех языках (грузинском, украинском и русском) поэму «Давитиани».

Мы предлагаем читателям в переводе Рауля Чичачава главу «Повесть о родословной грузинских владык», не переведенную в свое время Н. Заболоцким.

Давид ГУРАМИШВИЛИ

ПОВЕСТЬ О РОДОСЛОВНОЙ ГРУЗИНСКИХ ВЛАДЫК

Боже, на всемирном троне
Наш покой и мир храня,
Ты влюбленным даришь страсти,
Жажду завтрашнего дня,
Ты даешь сердцам поэтов
Радость песни, жар огня,
Дай и мне добиться цели,
Укрепи в беде меня!
Мудрецов высоким слогом
Я начну повествованье.
Знатоку наук премудрых,
Что меня согрел сияньем,
Знатному судье народа,
Славному благодеяньем,
Войск грузинских полководцу
Честь, хвала и воспеванье!
О властителях грузинских
Поведу я свой рассказ.
Наш творец их род старинный
Из корней взрастил и спас,
Дал плоды, наряд из листьев
И ветвей могучих вязь,
Чтобы пышной кроной древа

Укрывать от зноя нас.
Иесей развил из ветки
Ствол, возросший до высот.
От него и тот, кто людям
Слов святых оставил плод,
Кто повергнул Голиафа, —
Силы вражеской оплот,
От него же разветвился
И владык грузинских род.
Лучше, чем сказать о ветках,
Просто б я его назвал,
И, в тени его укрывшись,
Утешенье обретал,
Ведь огонь, что сердце гложет,
Угасать тогда бы стал,
Но, чтоб вылечить все раны,
Я лекарства не достал.
Не нашел я это древо.
Средь села оно росло,
И сказали поселяне:
«Плохо! Портит все село!»
Люд решил сгубить то древо,
Причинить растенью зло,
И срубил, продал, хоть позже
Продавцам не повезло.
Саженец высокий, стройный! —
В мире не взрастить такого!
Я его плоды земные
Ел и есть хотелось снова.
О корнях скажу вначале,
Ведь известно, ведь не ново:
Лишь тогда возводят стены,
Как заложена основа.
Всеоснова для вселенной
Бог-отец, небесный царь,
Неба и земли держитель,
Милостивый государь,
Добрый, ясный, недоступный,
Щедрый, как бездонный ларь,
Бог, который принял в жертву
Авеля сердечный дар.
Нет сильнее и богаче

Властелина, чем господь!
Сотворил он сушу, воду
И лазурный небосвод.
Лишь ему покорны духи
И бесчисленный народ.
Да пусть примет словно жертву
Он моих раздумий плод.
Есть один владыка в мире,
Словно бог, вершитель чуда.
Учит вере он неверных,
Он кумир простого люда,
Ослабевших возвышает,
Бьет попавших в сети блуда,
А для паствы не жалеет
Кровь свою, отвагу, удаль.
Мудрость сравнивать с безумьем, —
Как с покойником живого.
Даже мудрецы не в силах,
Воспевать владыку словом,
Как же я, невежда, смею,
Суесловить бестолково?
Но Давид сказал всем: «Славьте
Покровителя святого!»
Так со щедрым подношеньем
В рай богатый не войдет,
Как вдова, что богу в жертву
Свой последний грош дает.
Даже крошечная вера
Скалы горные встряхнет,
Потому я, хоть неумный,
Молвлю слово в свой черед.
Даже мудрецы не в силах
Воспевать достойно бога,
В поисках следов господних
Гнется, вьется их дорога,
Ввысь взлетев, обратно ринут,
Не достигнув и порога.
Ах, я славлю властелина
Неумело и убого.
Я заставлю молвить мудрость,
Сколько мне ее досталось,
Сохраню все то, что богом

Для меня предназначалось.
Бог сочтет за дар огромный
Нищего пустую малость.
Все отдам я, лишь бы сердце
В мир познания погружалось.
Тем, кому мои писанья
Не понравятся, быть может,
Я отвечу, коль язык мой
Сердцу быть послушным сможет:
На родителей, бесспорно,
Чадо каждое похоже,
И для них оно любимо,
Пусть и криво, непригоже.
Я волнуюсь, ведь не вижу,
Кто же мой оценит труд.
Горе! Чья молитва вырвет
Дух мой из греховных пут,
Если руки старца юным
Этих роз не подадут?
Мир забыл меня живого, —
Как же мертвого почтут?
Сокол, коршун или зяблик —
Птиц единая семья.
Часто в трелях соловьиных
Слышен голос воробья.
Филин мнит себя павлином,
Красоту свою любя.
Почему же быть поэтом
Недостойн только я?
Шота — славный запевала,
С ним—Арчил и Теймураз.
Царь Вахтанг и Яков дружно
Песнь поют, и мил их глас.
Бегтабег, Нодар, Отари
Внемлют лишь Онани бас,
И Каран поет с Мамукой...
Я б все время слушал вас!
Есть коровы лучше, хуже, —
Всем есть хлев, чтоб разместиться.
Там, на привязи отдельно
Только та, что не доится.
Лучше быть последним в доме,

Чем на улице томиться,
Упрекнут меня ль поэты,
Раз душа к стихам стремится?
Подражать примерам лучшим! —
Не простое это дело.
Обретет тот ум и знанье,
Кто к учебе рвется смело.
Тот неправде подпеваает,
Кто лукавит оголтело,
Для хулителей науки
Время черное пришло.
Тот мое помянет слово,
Кто не жаждал жизнь познать,
Будет ночью он терзаться
И не сможет мирно спать,
Не сумеет себе забаву
И занятие отыскать,
Он отдаст себя проклятью,
Проклянет отца и мать.
Не умея петь о боге,
О быках он запоет,
Для себя же, обозленный,
Утешенья не найдет,
Он родителей припомнит
И проклятье им пошлет.
Нерадивого ребенка
Почему отец не бьет?
Не грусти, коль обучаясь,
Мальчик от удара вскрикнет,
Без лекарств он исцелится,
Скоро боль его утихнет,
Звонким пеньем петушиным
Он окрестности окликнет,
Но ругать его не надо,
Пусть к учтивости привыкнет.
Ты не сыпь напрасно птичке
То, что трудно ей склевать,
Береги, доколе сможешь,
Не давай птенцов случать!
Авраам решился в жертву
Сына господу отдать, —
Не жалея и ты ребенка,

Коль собрался обучать.
Неуч-пес дрожит замерзший,
Лишь поля накроет снег,
Лает, просит подаянья,
Но его напрасен бег,
Пса ученого, лаская,
В дом пускает человек,
Необученного сына
Лучше неуч-пес вовек.
Неуч-пес родному дому
Столько бед не принесет,
Сколько неуч-сын доставит
Близким горя и хлопот, —
Простофиля в сумасбродстве
И безумца превзойдет,
Он раздор посеет в доме,
Опозорит честный род.
Неуч-пес обидит разве
Своего лишь господина,
Стащит хлеб, кусочек мяса,
Выпьет воду из кувшина,
Всем родным вредят поступки
Необученного сына,
Навлекая на их души
Срам и горе воедино.
Неуч-пес хоть на усадьбе
Может сторожем служить,
Он грабителей пугает,
Он умеет грозно выть,
А невежда бьет баклуши,
Лень ему и дом закрыть,
Кто со мною не согласен, —
Век ему несчастным быть.
Сталь в огне, дитя — в науке! —
Закаляться ведь должны.
Для того, кто не учился,
Годы старости грустны.
Вдаль умчатся безвозвратно
Детства радостные дни.
Хоть горьки ученья корни,
Но плоды его вкусны.

Григорий БРЕГАДЗЕ

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ГРУЗИИ

Национальный вопрос — один из самых сложных, болезненных и драматичных вопросов общественной жизни. Впервые в истории человечества он нашел самое полное и всестороннее разрешение в Советском Союзе.

Победа социализма сделала многочисленные народы СССР подлинно свободными, равноправными и суверенными, подняла их экономическое и культурное развитие на небывалую высоту. Ленинская дружба, взаимопомощь, интернациональное сотрудничество народов явились важнейшей движущей силой построения развитого социалистического общества в Советском Союзе.

Успешному осуществлению ленинской национальной политики в нашей стране способствовал огромный опыт, накопленный многонациональным рабочим классом, его ленинской партией еще в дореволюционный период. Большую роль в приобретении такого опыта, в воспитании трудящихся в духе пролетарского интернационализма, сплочения всех национальностей вокруг революционного рабочего класса сыграли ленинско-искровские организации многонациональной Грузии и Закавказья.

Выполняя мудрые указания В. И. Ленина, большевистские организации Грузии и всего Кавказа с момента их возникновения твердо отстаивали испытанные принципы пролетарского интернационализма. В. И. Ленин в 1913 году писал А. М. Горькому: «У нас и на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали **ВМЕСТЕ** в единой с.-д. организации **БОЛЬШЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ**. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение»¹.

Ставя в пример революционную работу большевиков Кавказа, В. И. Ленин подчеркивал: «Мы должны остерегаться всякой национальной борьбы внутри социал-демократии, которая свела бы на нет великую задачу революционной борьбы; в этом отношении национальная борьба в Австрии должна служить нам предостережением.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 48, с. 162.

Образцом для нас должна быть социал-демократия на Кавказе, которая вела пропаганду одновременно на грузинском, армянском, та-
тарском и русском языках»¹.

Под знаменем марксистско-ленинского интернационализма победила Великая Октябрьская социалистическая революция, которая свергла господство помещиков и капиталистов, ликвидировала угнетение одной нации другой, ознаменовала собой коренной поворот в судьбах России и всего человечества.

Придя к власти, рабочий класс, партия большевиков немедленно приступили к проведению в жизнь ленинской национальной политики.

Грузия — одна из наиболее многонациональных советских республик. Здесь бок о бок живут и строят новую жизнь представители почти 80 наций и народностей.

Трудность разрешения национального вопроса в Грузии определялась не только тем, что долгое время она испытывала гнет русского самодержавия и империализма, но и тем, что период господства меньшевиков (в Грузии), мусаватистов (в Азербайджане), дашнаков (в Армении), а также хозяйничания турецких, немецких, английских интервентов в 1918—1920 гг. оставил в наследство Советской власти резкое обострение взаимоотношений между народами Закавказья. Вместе с тем многочисленные буржуазно-националистические партии (меньшевики, национал-демократы, социалисты-федералисты, социал-революционеры) и после победы социалистической революции некоторое время пользовались известным влиянием в Грузии, распространяли шовинистические взгляды, используя с этой целью свои печатные органы, сохранившиеся в стране в первые годы Советской власти.

Кроме того, осуществление ленинской национальной политики осложнялось пребыванием в 1921 году в руководстве КП(б) Грузии группы национал-уклонистов. Однако положение грузинских коммунистов облегчалось тем, что они пользовались богатым опытом РСФСР, ее постоянной бескорыстной помощью. На основе указаний В. И. Ленина и ЦК РКП(б) большевики Грузии полностью учли все своеобразие условий республики и добились правильного разрешения национального вопроса.

Поэтому мы говорим, что с построением развитого, зрелого социалистического общества у нас осуществлено не только юридическое, но и фактическое равенство наций, как один из блестящих результатов экономического и культурного развития за годы Советской власти ранее отсталых народов нашей страны.

Подводя итоги героических свершений строительства социализма, Л. И. Брежнев в докладе о пятидесятилетии СССР указывал: «Мы имеем все основания сказать, что национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, решен окончательно и бесповоротно. Это — достижение, которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция.

В нашей стране родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлеж-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, с. 59.

ности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов. Эта дружба, товарищи, — наше бесценное достояние, одно из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма. И эту дружбу мы, советские люди, будем всегда беречь как зеницу ока!»¹

Несмотря на такое классическое осуществление ленинской национальной политики, КПСС постоянно держит в поле зрения национальные отношения, новые социальные и национальные проблемы, своевременно решает их в интересах всей страны и каждой отдельной республики, в интересах совершенствования развитого социализма и строительства коммунистического общества.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе в статье «Национальная политика КПСС в период развитого социализма» подчеркивает: «Советская Грузия, как и любая советская республика, многонациональна.... После РСФСР Грузия является второй республикой в стране по числу входящих в нее автономных государственных формирований. В состав Грузинской ССР входят Абхазская АССР, Аджарская АССР и Юго-Осетинская автономная область. В каждой из них проживают десятки наций и народностей. Уже одно это говорит о существенном своеобразии и сложности соотношения национального и интернационального в условиях нашей республики»².

Коммунисты Грузии всю работу по претворению в жизнь ленинской национальной политики и интернациональному воспитанию трудящихся осуществляют с учетом как общих закономерностей развития социализма, так и той местной специфики национальных черт и нюансов, которыми характеризуется Советская Грузия. Эти особенности с учетом требований Программы КПСС и Конституции СССР отражены в Конституциях Грузинской ССР, Абхазской АССР, Аджарской АССР, в государственной деятельности Юго-Осетинской АО.

В условиях развитого социализма и строительства коммунизма большую роль в деле укрепления ленинской дружбы народов сыграли исторические для Советской Грузии решения ЦК КПСС об организаторской и политической работе Тбилисского городского Комитета Компартии Грузии, о дальнейшем развитии народного хозяйства Грузинской ССР, о работе грузинской партийной организации, о мерах по увеличению производства южных и субтропических культур и дальнейшему ускоренному развитию сельского хозяйства в Советской Грузии, о дальнейшем развитии народного хозяйства и культуры Абхазской АССР и другие.

На основе этих важнейших постановлений трудящиеся республики под руководством Компартии Грузии ведут решительную борьбу против всех негативных явлений и их последствий, за преодоление отставания в выполнении государственных заданий. Благодаря большой организаторской и политической работе партийных организаций Грузии, самоотверженному труду рабочих, колхозников и трудовой интеллигенции республики, всего советского народа

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4, с. 50.

² Э. А. Шеварднадзе. Национальная политика КПСС в период развитого социализма, Ж. «Проблемы мира и социализма», № 1, 1980, с. 7.

в условиях братской интернациональной дружбы удалось в основном преодолеть то отставание, которое имелось до 1972 года.

Всего за годы Советской власти в Грузии производство сельскохозяйственной продукции увеличилось почти в 8 раз, а объем промышленного производства — в 161 раз.

Экономика Грузинской ССР — органическая составная часть единой экономики Советского Союза. Это имеет решающее значение для все более полного расцвета и тесного сближения грузинской нации с другими социалистическими нациями СССР.

В результате успешного осуществления ленинской национальной политики КПСС с каждым годом растет вклад Грузинской ССР в общее дело строительства коммунизма. Активно участвуя во всесоюзном разделении труда, Грузия во все возрастающем количестве поставляет союзным республикам СССР марганец, ферросплавы, металлорежущие станки, чугун, сталь, прокат, грузовые автомашины, магистральные электровозы, точные приборы, катера, первые в мире чаеуборочные машины, технику для винодельческой промышленности, цемент, мрамор, шерстяные ткани, обувь, всемирно известные минеральные воды и самые разнообразные продукты многогранного сельского хозяйства. Об удельном весе Грузии в общем производстве СССР свидетельствует тот факт, что Грузия дает 96 процентов первичной переработки чайного листа в СССР. Большое место занимают также ее цитрусовое хозяйство, виноградарство и виноделие, получившие в Грузии мощное развитие. Немаловажное место занимает Грузия и в общем экспорте СССР. Она экспортирует в настоящее время свыше 160 различных видов своей продукции более чем в 80 стран мира.

Об успехах, достигнутых в деле осуществления ленинской национальной политики, красноречиво говорит и тот факт, что Советской Грузии за последние годы в седьмой раз подряд вручено переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за наивысшие достижения во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Всенародное социалистическое соревнование стало хорошей школой воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского социалистического интернационализма. Замечательными интернационалистскими традициями славятся, например, социалистическое соревнование и дружба тружеников столиц закавказских советских республик — Тбилиси, Баку и Еревана, а также других городов, районов, промышленных центров и сел союзных республик СССР.

Большие успехи достигнуты в разработке актуальных вопросов теории социалистической культуры. К 800-летию поэта и мыслителя Шота Руставели было подготовлено и издано много научных исследований, посвященных его жизни и творчеству. Грузинская социалистическая нация законно гордится тем, что гениальная поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» переведена на языки почти всех цивилизованных народов мира.

Установление Советской власти в Грузии, ленинское разрешение национального вопроса открыли широкую дорогу развитию грузинской литературы. Богатое литературное наследие классиков Шота Руставели, Сулхана-Саба Орбелиани, Давида Гурамишвили,

Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важа Пшавела и многих других талантливых грузинских писателей способствовало развитию новых литературных побегов. Компартия Грузии и Советская власть по-ленински заботливо относились к дореволюционным писателям, которые стали в ряды строителей социалистической жизни. Утверждению в грузинской литературе принципов социалистического реализма способствовала ее тесная связь с передовой литературой русского и других советских народов. В грузинскую литературу с первых же лет Советской власти влился новый поток литераторов, которые вместе с писателями старшего поколения заложили прочные основы революционной романтики, социалистического гуманизма, правдивого изображения новой жизни, героизма строителей социализма, настоящего и будущего Грузии.

Вклад в советскую литературу грузинской поэзии, прозы и драматургии поистине значителен.

В результате успешного осуществления ленинской национальной политики в Грузии небывалого расцвета достигли культура, наука, литература и искусство. Лучшие произведения грузинских писателей и ученых, а также композиторов, художников, кинематографистов известны во всей нашей стране и за рубежом.

В своей ленинской национальной политике КПСС большое внимание уделяет развитию языков народов СССР. Программа КПСС, Конституция СССР провозглашают и гарантируют их равноправие и полный расцвет. ЦК Компартии и Совет Министров Грузии приняли ряд постановлений об улучшении преподавания грузинского, русского и других языков в школах Грузинской ССР.

В Грузии в настоящее время 4.379 общеобразовательных, 2.829 средних дневных грузинских, 276 русских, 218 армянских, 175 азербайджанских, 94 осетинских, 60 абхазских школ, 227 школ с обучением на двух языках, 67—на трех, 44—на четырех и более языках. Наряду с улучшением преподавания родного языка, в Советской Грузии большое внимание уделяется русскому языку, выполняющему в СССР функцию языка межнационального общения. Вместе с тем овладение русским языком помогает всем людям любой национальности стать высококвалифицированными специалистами, приобщиться к мировым источникам знаний и культуры. В школах и высших учебных заведениях Грузии преподаются также языки многих народов мира — английский, французский, немецкий, испанский, арабский, персидский и др. Все это служит делу интернационального воспитания и укрепления дружбы народов. Грузинская ССР, как и в целом СССР — родной дом многих народов¹.

Благодаря неуклонному осуществлению ленинской национальной политики в Грузии книги, журналы и газеты издаются на грузинском, русском, абхазском, осетинском, азербайджанском, армянском, а также на немецком, английском, французском, испанском, арабском, персидском, турецком и других языках.

На грузинском языке изданы все основополагающие произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина; КПСС в резолюциях

¹ Э. А. Шеварднадзе. Национальная политика КПСС в период развитого социализма. Ж. «Проблемы мира и социализма», № 1, 1980, с. 10.

и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в нескольких томах; издается полное собрание сочинений В. И. Ленина в 55 томах; книги, речи, статьи, приветствия и воспоминания Л. И. Брежнева, выдающихся деятелей КПСС и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения.

Вышли первые тома «Грузинской советской энциклопедии», «Библиотеки мировой литературы» (издающейся в 80 томах в переводе на грузинский язык), произведений национальной классики в 20 томах, началось издание большой серии документов, отражающих историю дружбы русского и грузинского народов, и т. д.

В Грузинской ССР ежегодно печатается 130 наименований учебников на разных языках общим тиражом более 5 млн. экземпляров. В Советской Грузии на абхазском, осетинском, азербайджанском, армянском языках издаются журналы и газеты, ведутся регулярные радио- и телепередачи. В Абхазской АССР, Аджарской АССР, Юго-Осетинской АО действуют творческие Союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, журналистов, театральные общества или их отделения. Существуют национальные секции при Союзе писателей Грузии, издаются альманахи, сборники на армянском, азербайджанском, курдском и других языках народов, живущих на территории Грузинской ССР.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном заседании ЦК КП Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР по поводу 50-летия установления Советской власти в Грузии, подводя итоги осуществления ленинской национальной политики, отметил: «Никогда еще горы Кавказа, убеленные сединами вечных снегов, не видали такого взлета массового социалистического творчества, такого идущего из глубин народной души порыва к свету, к свободе и прогрессу! За исторически короткий срок бывшая полуфеодалная окраина Российской империи превратилась в социалистическое государство с современной промышленностью и высокоразвитым сельским хозяйством, в республику сплошной грамотности, передовой науки и культуры... И здесь, празднуя и радуясь вместе с вами, хочется снова подчеркнуть, что путь, которым шла Грузия, — это путь всего нашего великого содружества народов».

Грузинский народ, представители всех наций и народностей, проживающих в Грузии, хорошо сознают свои задачи по полному преодолению отставания прошлых лет и сделают все, чтобы выйти по всем показателям на передовые рубежи, достойно встретить XXVI съезд КПСС и 60-ю годовщину установления Советской власти в Грузии.

Опыт борьбы за осуществление ленинской национальной политики, за укрепление ленинской дружбы народов вновь и вновь подтверждает, что марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм были и остаются важнейшим фактором революционного обновления общества.

ДВА ПИСЬМА

К. ГАМСАХУРДИА К П. ТЫЧИНЕ

Более полутора веков не знала Грузия подробной биографии своего великого поэта Давида Гурамишвили. Не было известно и место его погребения. Еще в 1837 году акад. Мари Броссе сообщал о своих долгих поисках могилы автора «Давитиани». Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Сопром Мгалоблишвили также тщетно пытались отыскать хоть какие-нибудь следы обожаемого предтечи.

Уже в советское время поисками занялись украинские писатели. Поэт-академик Павло Тычина, работая над поэмой «Конец феодала», очень заинтересовался жизнью и творчеством Давида Гурамишвили. Он даже начертил, по его словам, «первую грубую схему к биографии (Давида Гурамишвили), которой нигде нет». П. Тычина специально перечитывал «Хрестоматию по русской военной истории», книгу К. Осипова «Русские войска в Восточной Пруссии в семилетней войне». Поэт замечает: «Читаешь записки Андрея Болотова и стараешься угадать: именно где-то здесь бился против пруссаков и против Фридриха II и Давид Гурамишвили...»

В 1929 году Павло Тычина вместе с прозаиком Петром Панчем посетил Миргород, но получить дополнительные сведения о Давиде ему не удалось.

Видимо, о попытках П. Тычины разыскать могилу Давида Гурамишвили был информирован Константинэ Гамсахурдиа. В личном архиве украинского поэта хранятся два его письма, датированные 1930 годом. В письме от 14.VII. К. Гамсахурдиа пишет: «Предстоящий мой приезд в Харьков (в 30-е годы Харьков был столицей Украинны. Здесь жил П. Тычина, являвшийся соредактором журнала «Червоний шлях» («Красный путь») — Р. Ч.) имеет следующие цели: ...поехать в Миргород и отыскать могилу нашего великого поэта Давида Гурамишвили и начертать эскиз книги: «На Украине — по стопам Д. Гурамишвили». (Он мой духовный прадед и я обязан это сделать)».

К сожалению, поклониться могиле своего «духовного прадеда» Гамсахурдиа тогда не удалось. Как известно, важные биографические сведения о Гурамишвили и место его вечного покоя перед самой войной установил украинский литературовед Дмитро Коса-

рик, который, кстати, взялся за это дело по поручению П. Тычины и М. Бажана. Однако приезд Константи́не Гамсахурдиа в Харьков не был напрасным: впоследствии он написал замечательный очерк «Фемида Украины».

По свидетельству покойной супруги Павла Тычины Лидии Петровны, К. Гамсахурдиа вел частую переписку с их семьей. В годы Великой Отечественной войны часть архива Павла Григорьевича была уничтожена, видимо, тогда и исчезли многие другие письма.

В библиотеке Тычины немало книг Гамсахурдиа на грузинском и русском языках. Автографы свидетельствуют о том, что грузинский писатель любил и высоко ценил творчество своего собрата. Вот автограф на русском издании романа «Десница великого мастера» (изд-во «Заря Востока», Тбилиси, 1943): «Паоло Тычине с глубоким уважением и братской любовью. Автор. Тбилиси, 1944, 14.IX».

На втором томе своих избранных сочинений К. Гамсахурдиа написал: «Орфеосу Украины П. Г. Тычине с большой любовью и уважением — К. Г. Тбилиси, 1948, 21.IX».

После смерти Павла Тычины Константи́не Гамсахурдиа впервые приехал в Киев в дни Декады грузинской литературы в мае 1969 года. Первое, что он сделал, прибыв в столицу Украины, — посетил могилу друга на Байковом кладбище и засыпал ее красными маками.

Рауль ЧИЛАЧАВА.
Киев.

Тбилиси, 1930, 14.VII.

Глубокоуважаемый товарищ Тычина,

мой читатель и друг Гр. Вашакидзе передавал мне Ваше желание о нашем взаимном сближении. Много, очень много хорошего слышал я от него и от других о Вашем таланте и о Вашей личности. Я давно интересуюсь Вашей прекрасной страной и Вашей культурой. Поэтому я намерен в августе приехать в Харьков, но я хочу заранее знать, застану ли я там Вас и тов. Ялового?

Наверное, тов. В-дзе передавал Вам, что я хочу заняться переводом пока одного из Ваших шедевров.

Предстоящий мой приезд в Харьков имеет следующие цели: 1. Лично познакомиться с Вами, с т. Яловым, 2. При наличии извест. условий остаться хоть два месяца и начать изучение украинского языка. 3. Поехать в Миргород и отыскать могилу нашего великого поэта Давида Гурамишвили и начертать эскиз книги: «На Украине — по стопам Д. Гурамишвили». (Он мой духовный прадед и я обязан это сделать). 4. Переговорить с тамошними издательствами, 5. Передать Вам для Вашего журнала материал.

Тов. Вашакидзе мне принесет наверно завтра Ваши труды. В первый же опыт я вложу ту любовь, которую я давно питаю к Вашему народу и культуре.

Самое главное, мне надо заранее знать, застану ли я Вас в Харькове?

Поэтому я решил Вам написать. Хотя я лично Вас не знаю, но и для нас, поэтов, существует известное интернациональное братство.

Я заранее радуюсь знакомству с Вами, жду Вашего ответа и прошу Вас принять самый искренний привет.

Ваш Константинэ Гамсахурдиа

Тбилиси. 1930. 2.Х.

ძვირფასო პავლო, *

Благодарствие за дружбу, за гостеприимство, за такой радушный прием, за то, что как Вы, так и украинская культура будете в моем лице иметь верного друга и сподвижника. Мы все звенья одной мистической цепи — о, большая мистерия в поэзии, как далеко действует человеческое слово, и сколько сил оно имеет! На днях получите от меня хорошее издание Руставели. К концу ноября я закончу мои впечатления от украинского путешествия. Приступаю к переводу некоторых Ваших вещей.

Дорогой Павло, наверно т. Яловой приехал и прошу Вас передать ему мое сожаление, что мне не удалось его увидеть и с ним познакомиться. Вы и Макс позаботитесь, чтоб договор о романе был подписан и копию мне прислали. Первый договор я уже получил.

Согласно Вашему обещанию, я надеюсь... Вы не откажете и ту пару стихов в романе переведете. Это самое любимое мое детище и Вам поручаю его.

Очерк о путешествии, где и о Вашем творчестве глава будет, пришлю в «Червоний шлях».

Теперь о Вашем приезде. Напишите, когда думаете приехать?

Вы прямо ко мне приедете. И в Мцхете я устрою для Вас все.

Еще раз благодарствие за все.

Примите от меня дружеский, горячий привет.

Ваш Константинэ Гамсахурдиа.

* Дорогой Павло.

СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ВРАЧА

Снова и снова перечитываю удостоенную Ленинской премии повесть Леонида Ильича Брежнева «Малая земля» — гимн стойкости и отваге советских воинов. Как сжато и лаконично и, вместе с тем, необычайно глубоко и выразительно обобщен в ней опыт партии и народа в те огненные годы, раскрыты истоки героизма и мужества советских людей.

Страницами книги говорит сама жизнь. Видимо, поэтому книга находит в сердцах тех, кто сам участвовал в десанте, особенно горячий отклик, пробуждает бурю чувств, множество воспоминаний. Пережитое вновь и вновь проходит перед глазами...

Помню как сейчас холодный сумрачный день 20 февраля 1943 года. Меня вызвал к себе начальник санитарного отдела 18-й армии, военврач I ранга Н. Г. Костев. Я шел к нему под впечатлением разговора с товарищами: в те дни мы могли говорить и думать лишь об одном — о героизме, мужестве и бесстрашии куниковцев и тех, кто вслед за ними высаживался на мыс Мысхако (прозванный впоследствии «Малой землей»), о трудностях, которые они испытывали, о той помощи, которую ждали от нас, с Большой земли.

Приказ начальника санитарного отдела был лаконичен:

— Товарищ военврач второго ранга! Вы назначены представителем Санотдела армии на Мысхако! Вам надлежит объединить и возглавить работу по медицинскому обеспечению и эвакуации раненых и больных. Сегодня же ночью выйдете на Мысхако вместе с хирургическим госпиталем.

— Есть! — твердо, как положено по уставу, ответил я, стараясь не выдать охватившего меня волнения. С одной стороны, я был необычайно горд возложенным на меня поручением, а с другой — испытывал чувство огромного беспокойства от той ответственности, которая ложилась на меня.

Правда, у меня за плечами уже был военный опыт: я, вместе с другими выпускниками Ленинградской Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, выехал на фронт в ночь с 23 на 24 июня 1941 года. За это время служил в танковой и кавалерийской частях, в 9-й гвардейской стрелковой бригаде, и прошел путь от старшего врача полка до помощника начальника полевого эвакуационного пункта. Этот опыт, видимо, и помог мне преодолеть овладевшие мной сомнения, вселил уверенность в

свои силы и, в конечном счете, дал возможность справиться с возложенной на меня задачей.

...На Малую землю я шел той же ночью на небольшом рыболовецком судне «Тракторист» (впоследствии он затонул, подорвавшись на mine). «Тракторист», как и остальные суда и сейнеры, охранялся военными сторожевыми катерами и тральщиками. Когда мы подошли к Мысхако, нас встретил сильный артиллерийский обстрел — противник все время вел огонь по акватории района, куда подходили наши суда.

Обрывистый берег во мраке ночи вырисовывался темной стеной. Корабли к берегу не причалили, а бросили якоря, сосредоточившись на значительном расстоянии друг от друга. Под покровом ночи нас перевезли к берегу на мотоботах. Причала, как такового, не было. Было лишь расчищенное у высокого обрывистого берега место, куда с кораблей перевозили пополнение в войска, а также боеприпасы, оружие, продовольствие, медикаменты и другие грузы.

Сойдя с мотобота, я увидел, что на берегу у причала скопилось множество народу. Здесь были и раненые, и эвакуируемые семьи. Стоял плач детей, плач матросов, разгружавших мотоботы, слышались воедино. Темноту разрывали взрывы вражеских снарядов, авиабомб. Запомнилось, как осколки снарядов, попадая в металлическую обшивку корабля, высекали из нее искры.

В довершение всего одна из бомб попала в склад артиллерийских боеприпасов, расположенный на верху обрывистого берега. Вспыхнул пожар, снаряды рвались один за другим. К счастью, осколки перелетали через берег и падали в море.

На берегу я встретил военврача А. Харченко и вместе с ним с помощью моряков организовал погрузку раненых на суда. В первую очередь грузили на мотоботы тяжелораненых, за ними тех, кто мог передвигаться сам.

Так, в первую же ночь моего пребывания на Малой земле мне пришлось сразу же окупиться в обстановку суровой и напряженной битвы за спасение человеческих жизней на небольшом плацдарме юго-западнее Новороссийска.

Такие ночи повторялись впоследствии очень часто: заниматься организацией эвакуации раненых мне приходилось на протяжении всего пребывания на Малой земле.

Обычно в мотоботы, которые привозили с кораблей людей и грузы, в обратный путь загружали семь носилок с тяжелоранеными — больше в них не помещалось. В море раненых перегружали на корабли. Задача эта была необычайно трудной — ночью, без огней в открытом море передать на корабль носилки с беспомощными людьми. А ведь часто штормило...

Примерно в конце февраля у самого берега была подбита наша канонерская лодка — торпедой у нее оторвало корму. Выброшенная на берег, она села килем на грунт. С нее спустили на берег трап и стали использовать в качестве причала для небольших судов, на которые также грузились раненые. Сюда снаряды при артобстреле не попадали, так как место защищалось высоким обрывистым берегом.

Однако, поскольку грузы перевозились с большинства судов мотоботами, которые причаливали непосредственно к берегу, эвакуация раненых велась по-прежнему.

Мотоботы курсировали всю ночь — от берега к кораблям и обратно. А в это время противник вел артиллерийский обстрел, вражеские ночные бомбардировщики ставили в небо на парашютах светительные ракеты и при их мертвенном свете бомбили причал, корабли, мотоботы. Нередко раненые, подлежащие эвакуации, получали новые ранения, а те, кто переносили их на мотоботы, пытались оказать помощь — погибали сами. Не случайно, как пишет в своей книге «На Малой земле» И. С. Шиян, «солдаты и офицеры, прибывшие на берег из боевых порядков войск в составе погрузочно-разгрузочных команд, говорили, что на берегу значительно труднее и опаснее, чем на передовой, что риск здесь тот же, что и в атакующей цепи».

Жил я на Мысхако в блиндаже, построенном армейскими саперами в расщелине, спускавшейся к морю, вместе с начальником санитарной службы 16-го стрелкового корпуса М. Зарубиным. В блиндаже было сыро и холодно, но когда мы возвращались сюда после тяжелой ночной работы на берегу, промокшие насквозь, нам он казался самым теплым и уютным местом на всей Малой земле. Правда, для двух наших товарищей этот блиндаж оказался роковым. В наше отсутствие госпитальный парикмахер решил постричь в нем одного из врачей. В этот момент у открытого входа разорвалась мина и тяжело ранила обоих. Их пришлось эвакуировать в Геленджик.

На Малой земле для медицинского обеспечения войск десанта находились: хирургический полевой подвижной госпиталь 5199 (в конце июля 1943 г. его сменил 714-й хирургический госпиталь), 128-й головной полевой эвакуационный пункт, 141-й отдельный медико-санитарный батальон 176-й стрелковой дивизии и шесть отдельных медико-санитарных рот стрелковых и морских бригад.

Как представителю санотдела армии мне приходилось координировать работу медицинских служб соединений по эвакуации раненых, проверять организацию противоэпидемических мероприятий по предупреждению инфекционных заболеваний, выяснять потери медицинского состава и вообще знать, в чем нуждаются медицинские службы соединений и частей. Обо всем этом я докладывал в санитарный отдел армии и отсюда направлялось на Малую землю пополнение медицинских работников, присылалось недостающее медицинское имущество и другое.

Ряд вопросов, связанных с медицинским обеспечением десантной группы войск, мы решали совместно с начальниками санслужб корпусов, бригад, дивизии и полков: М. Зарубиным, А. Демидовым, Г. Лесиным, Мурадяном, Бардия, Ф. Долодаренко, В. Спириным, Купатадзе и другими, а также с начальником Санитарного отдела армии Николаем Григорьевичем Костевым, который не раз приезжал на Малую землю (ныне он генерал-майор в отставке).

Впервые я встретился с Н. Г. Костевым еще в ноябре 1942 года. Тогда я был командиром отдельной медико-сани-

тарной роты 9-й гвардейской стрелковой бригады, которая только что вышла из боя в районе горы Каменистой (северо-восточнее Туапсе). Рота вместе с управлением тыла бригады располагалась на станции Кривенковская.

Н. Г. Костев прибыл к нам тогда в три часа ночи. Бригадный врач Люзин погиб в бою и поэтому докладывать о медобеспечении бригады пришлось мне. На рассвете мы выехали вместе с Н. Г. Костевым в село Георгиевское для проверки санобработки личного состава, Николай Григорьевич уехал довольный увиденным.

Волевой, энергичный, имеющий огромный, еще и довоенный опыт организации медобеспечения войск, он был необычайно требователен к себе и подчиненным. Мы, молодые врачи-организаторы, постоянно учились у него четкости в постановке повседневных задач, последовательности и настойчивости в их разрешении. На Малой земле Н. Г. Костев проверял работу госпиталей, полевого эвакуационного пункта, медицинских пунктов бригад. Он проводил совещания начальников санитарных служб соединений, интересовался постановкой хирургической помощи в бригадных и дивизионных медицинских пунктах, в госпитале.

Ночью, в блиндаже, всматриваясь при колеблющемся свете лампы в его сухощавое, бледное и утомленное лицо, я внимательно слушал его указания по тем вопросам, которые мне предстояло решать после его отъезда.

Особенно много трудностей мне пришлось преодолеть, чтобы упорядочить вынос раненых с поля боя. На первых порах некоторые средние и младшие медработники отдельных подразделений по своей наивности думали, что чем быстрее эвакуируется раненый, тем лучше для него. Поэтому раненый, получив только первую медицинскую помощь, в лучшем случае — фельдшерскую, часто доставлялся прямо с передовой на причал, минуя бригадный медпункт. Если раненый попадал на корабль (а он мог и не попасть), то в Геленджик он прибывал только утром следующего дня. Поэтому не получал даже первой врачебной помощи в течение 15-20 часов. К счастью, таких случаев было не так много, но и они не могли быть терпимы, когда в десанте находилась целая группа войск, а бригады и дивизия имели свои медпункты, где оказывалась первая врачебная и неотложная хирургическая помощь. В таких случаях я шел в медсанроты или медсанбат и на месте выяснял причины выноса раненых, разъяснял его недопустимость, настаивал на строгом соблюдении правил эвакуации.

Идти нередко приходилось во время артиллерийского обстрела, к которому, собственно, все мы уже привыкли и даже научились по звуку летящего снаряда определять, куда он упадет. Правда, укрыться от него удавалось не всегда. Помню однажды, в одну из медсанрот я шел по «долине смерти» — так называли малоземельцы русло небольшой высохшей реки восточнее горы Колдун. Этот небольшой участок был весь изрыт снарядами, так как почти со всех сторон простреливался врагом. До передовой было 3—4 километра, шел дождь. И в это время рядом со мной упал снаряд. Я инстинктивно припал к земле, хотя и не надеялся остаться в живых. Но такова бы-

ла воля случая — снаряд не разорвался! Когда я пришел в медсанроту 51-й стрелковой бригады, на меня смотрели с удивлением: вся шинель моя была изрядно выпачкана грязью.

Размещены медсанроты были по-разному. В более нормальном положении находилась медсанрота 51-й стрелковой бригады, развернутая в подвале винного завода, неуязвимой даже для тяжелых артиллерийских снарядов. Раненые размещались в просторных помещениях: все подразделения — приемно-сортировочное, операционно-перевязочное и другие были развернуты свободнее, чем в остальных медсанротам. Поэтому врачи и санитары работали здесь в более или менее нормальных условиях. Командир медсанроты военврач В. Барсукова — молодая, энергичная, — была прекрасным организатором. Раненые получали у нее медицинскую помощь в полном объеме.

Труднее приходилось медикам других медсанрот, в частности — 107-й стрелковой бригады. Эта рота размещалась в подземном винном складе на возвышенности, на самом простреливаемом месте. В тяжелейших условиях командир роты, воспитанник Ленинградской Военно-медицинской академии, военврач В. Зайцев сумел, несмотря на постоянные артиллерийские обстрелы, организовать достаточное укрытие, размещение, необходимое обслуживание и эвакуацию раненых в госпиталь. Эту его деятельность высоко оценил представитель Сануправления Черноморской группы войск военврач I ранга Требко, проверявший работу медслужбы десантной группы войск.

Недалеко от переднего края оказалась медсанрота 255-й морской бригады. Она часто обстреливалась минометным огнем и несла потери. Как-то в перевязочную этой роты, пробив оконную перегородку, влетела мина и, разрушив помещение, убила несколько человек. Об этом я узнал вскоре после случившегося от начальника санслужбы бригады военврача Бардия, который обратился ко мне с просьбой о пополнении личного состава медсанроты. В последующем эта рота была оттянута ближе к берегу, в «тыл», хотя тыла, как такового, на Малой земле не существовало.

У подножия горы Колдун, на ее южных скатах, в блиндажах, отбитых у противника, развернулась медсанрота 83-й морской стрелковой бригады. Командир медсанроты И. Писаренко прошел боевой путь вместе с бригадой. Военный опыт помог ему добиться четкости и оперативности в выполнении поставленных перед ротой задач. До прибытия на Малую землю госпиталя и эвакуационного пункта эта рота выполняла функции эвакуационного пункта, отправляя раненых на Большую землю. Ведущий хирург военврач Золотарев, опытный специалист, которого после возвращения с Малой земли перевели хирургом крупного армейского госпиталя, врач А. Пестряков, операционная сестра В. Кузнецова, санитар П. Новиков и все остальные медики роты, сплоченные опасностями боевой обстановки, беззаветно и самоотверженно боролись за жизнь каждого раненого.

141-й медсанбат располагался в балке, которая тянулась левее причала от берега к переднему краю. Его командиром был врач-коммунист Я. Евнин. В медсанбате было много девушек — врачей, медсестер, санитарок.

Раненых доставляли в медсанбат главным образом ночью. Ранения бывали очень тяжелые — в голову, грудь, живот. Хирургам приходилось делать самые сложные операции. Один из хирургов медсанбата С. И. Любарская вспоминает: «Во время операций, когда боролись за жизнь раненого, мы переставали замечать окружающее: не слышали взрывов, не замечали тусклый свет, не чувствовали усталости. Все наши мысли были сосредоточены на одном: спасти, отстоять от смерти молодую жизнь наших храбрых воинов. И когда оперированного раненого удавалось вывести из тяжелого состояния и эвакуировать на Большую землю — радость и ликование переполняли наши сердца. Это было для нас самой большой наградой!».

О другом хирурге медсанбата коммунисте Вайсмани рассказал в своих воспоминаниях парторг медсанбата А. А. Сокол: «Над нами кружат самолеты, сбрасывают свой смертоносный груз, вьются снаряды, а он спокойно стоит над раненым со скальпелем, ободряет раненого и сестер».

Так же мужественно и храбро держались и остальные врачи.

Очень трудной и опасной была эвакуация раненых из медсанбата в госпиталь — нести их приходилось по простреливаемой местности. К тому же идущих нередко подстрелгали неприятные неожиданности. Медсестра Ева Кочкоян в присланных мне воспоминаниях рассказывает: «Ночью, в свободное от дежурств время, мы переносили раненых в госпиталь... Однажды, только стали подходить к госпиталю, как разорвалась бомба замедленного действия, сброшенная с самолета еще днем. Санитарке, которая вместе со мной несла носилки, осколок попал в голову, раненого убило, а меня изрядно побил комьями глины и контузило».

Были случаи, когда девушки, проявляя поразительную самоотверженность, жертвовали собой ради спасения раненых. Когда санинструктор Таня Поваркова сопровождала раненого в госпиталь, налетели немецкие бомбардировщики. Так как укрыть раненого было негде, Таня прикрыла его своим телом. Разорвавшаяся недалеко бомба убила девушку, но раненый остался жив.

Иногда жизнь раненых висела на волоске из-за потери крови. И в этом случае на помощь приходили девушки, без колебания отдававшие им свою кровь. После переливания крови они оставались на работе, продолжая заниматься тяжелым физическим трудом.

Суровые условия, в которых девушкам приходилось жить, трудиться и воевать, не могли сломить их духа. Ева Кочкоян пишет, например: «И все же мы были счастливы. Счастливы тем, что могли быть полезными здесь, на фронте, где труднее всего, где каждую минуту смотришь в глаза смерти... Если бы можно было прожить вторую жизнь и если бы было надо, опять пошла бы добровольно на фронт, ибо Родина у нас одна».

Хочется отметить, что здесь, на Малой земле, с особой силой выявилось благородство и мужество профессии медицинского работника. Глубокие навыки по специальности сочетает

лись у врачей, санинструкторов, медсестер с лучшими качествами советского человека. Никто из них не думал о себе, о славе или наградах, им были чужды тщеславие, честолюбие, чванство. Медиков объединяло одно — стремление спасти как можно больше человеческих жизней. Единой была и их мечта: победить гитлеровских захватчиков, вновь вернуть советским людям мирную, счастливую и красивую жизнь...

Всегда впереди были на Малой земле медики-комсомольцы. Они проявляли бесстрашие и выдержку, показывали пример мужества и самоотверженности. Выполняя свои непосредственные обязанности, они, когда этого требовала обстановка, вступали в бой с оружием в руках.

С восхищением передавался, например, из уст в уста рассказ о подвиге комсомолки, санинструктора Раисы Демьяненко, которая во время одного из мартовских боев, когда командир взвода получил ранение и боем фактически никто не руководил, взяла руководство на себя. Она подала команду: «Взвод, в атаку! Вперед, гвардейцы!» и бросилась на врага впереди всех. Вражеская пуля ранила девушку, но, перевязав рану, она продолжала руководить боем.

Этот подвиг был отмечен и в донесении политотдела 18-й армии от 28 марта 1943 года. В нем же упоминался и подвиг другой комсомолки, санинструктора В. Кожан, которая за время боев вынесла с поля боя 120 человек.

В условиях непрерывных боев, артиллерийского обстрела мы, комсомольцы, всегда находили время собраться и поговорить о самом важном. Вопросы, которые выносились на комсомольское собрание, заранее и тщательно готовились активом. Помню одно из таких собраний в блиндаже эвакуационного отделения полевого эвакуационного пункта. На нем обсуждался вопрос — как лучше обслуживать и эвакуировать раненых. В это время начался минометный обстрел. Но не обращая внимания на грохот разрывов, уже привыкшие к ним, мы продолжали обсуждение — говорили, предлагали, спорили со всем пылом молодости.

Когда кончилось собрание, выйти оказалось невозможно: блиндаж был вырублен в скале, а по всей территории вокруг рвались мины. Ждать окончания обстрела пришлось довольно долго.

В числе активистов комсомольской организации полевого эвакуационного пункта были К. Гукасова, добровольно поехавшая на Малую землю, А. Братко, И. Максимова. Все они — энергичные, веселые и неутомимые — пользовались особой любовью у раненых. Девушки заботливо ухаживали за ними, своевременно выполняли все назначения врачей, помогали при перевязках, проявляя при всем этом много старания, умения, инициативы. Ксению Гукасову (теперь она Тер-Оганян) раненые ласково прозвали «Чижиком». На Малой земле она была тяжело ранена, эвакуирована, но после выздоровления снова вернулась в эвакуационный пункт.

Активно участвовал в работе той же комсомольской организации и санитар-комсомолец Г. Хачатурян. Храбрый, неутомимый, он отдал на Малой земле Родине самое дорогое — жизнь.

С работниками полевого эвакуационного пункта, так же, как и с медперсоналом хирургического госпиталя 5199, у меня был самый непосредственный и постоянный контакт.

Начальником госпиталя был военврач Северский, прибывший на фронт из аспирантуры Воронежского медицинского института. Это был специалист, хорошо знавший лечебное дело, спокойный, вдумчивый работник. Начальником эвакуационного пункта — военврач С. Арутюнян, кадровый военный с большим опытом организаторской работы. После ранения и эвакуации в Геленджик его сменил военврач Каинов, погибший впоследствии при высадке десанта в Эльтиген под Керчью.

Первая хирургическая группа госпиталя и полевого эвакуационного пункта высадилась на Малой земле 15 февраля 1943 года, вторая несколько позже. Поначалу перевязочная и стационар располагались в винном подвале совхоза Мысхако, однако через день перевязочная была разбита артиллерией противника и группа перешла в помещение медсанроты 83-й морской бригады у южного склона горы Колдун. Когда 21 февраля были высажены основные силы и средства госпиталя и эвакуационного пункта, личный состав их вместе с саперами построили землянки. Однако до переднего края было 3 - 5 километров, в двухстах метрах от оперативно-перевязочной располагался очень «неспокойный» сосед — зенитно-артиллерийская батарея. Госпиталю и эвакуационному пункту часто доставались вражеские бомбы и снаряды, предназначенные для батареи. Землянки часто разрушались. Операционная, например, за месяц отстраивалась дважды.

Тогда, по инициативе начальника санотдела армии Н. Г. Костева, армейскими саперами, которым помогал личный состав госпиталя, на плато высокого берега недалеко от причала были построены подземные сооружения. Строительство их стоило огромного физического напряжения, так как скалистый берег с трудом поддавался лому и кирке.

Отделения развернулись в блиндажах. Операционно-перевязочный блиндаж был сооружен с тремя-четырьмя накатами бревен, между ними шли ходы сообщения почти в рост человека. Стены и потолок обтянули простынями, чтобы при обстреле с них не сыпалась земля. Работали при свете керосиновых ламп; в других блиндажах госпиталя в качестве ламп часто использовались гильзы от снарядов.

Раненые поступали из медсанрот и медсанбата непрерывным потоком. Одних приходилось срочно оперировать, других перевязывать и готовить к отправке на Большую землю. Хирурги М. А. Кирьяков, С. А. Айдинян, Л. М. Кирьякова, Знаменская и другие по несколько суток не отходили от операционного стола.

Однако и подземные сооружения не были надежными укрытиями. Территория госпиталя систематически простреливалась артиллерийско-минометным огнем противника. Личный состав госпиталя нес потери. Не было подразделения, которое не подверглось бы разрушению от артобстрела. Однажды прямым попаданием была разрушена операционная. Три медсестры и санитар погибли, врач М. Кирьяков, оперировавший

раненого, и операционная сестра чудом уцелели, отделавшись контузией. Спустя некоторое время все было восстановлено, и работа продолжалась.

Другой раз снаряд попал в блиндаж с тяжелоранеными и разбил его. Попадания были в аптеку, продовольственный склад госпиталя, кухню (убило двух поваров и санитаров).

Левее госпиталя лежала «долина смерти», о которой я уже упоминал. Через нее доставляли в госпиталь раненых из левобланговых частей. Делалось это обычно, когда начинало темнеть и вражеская артиллерия ненадолго замолкала. Но однажды я был свидетелем того, как четверо моряков днем, рискуя жизнью, принесли в госпиталь через «долину смерти» раненую девушку — санитарку одного из батальонов 83-й морской бригады. Она, пройдя боевой путь с батальоном, спасла многих моряков: выносила раненых с поля боя, оказывала медицинскую помощь под пулями и осколками рвущихся снарядов, утешала добрым и ласковым словом. Девушку очень любили в батальоне.

— Ее надо спасти во что бы то ни стало, — с этой полупросьбой, полутребованием обратились моряки к врачам госпиталя. К сожалению, спасти санитарку оказалось невозможно: рана была смертельной. Мне никогда не забыть, как четверо моряков, не раз смотревших в глаза смерти, не стесняясь окружающих, плакали над умирающей.

Были и другие случаи, когда моряки приносили раненых в госпиталь сами, прямо с поля боя. Сжав в руках бескозырки, они с беспокойством спрашивали о судьбе товарища и не уходили до тех пор, пока раненого не клали на операционный стол.

Тяжелые условия сплотили коллектив госпиталя в единую смелую и дружную семью. «Трудная была обстановка, — вспоминает врач Лидия Михайловна Кирьякова, — но мы к ней приспособивались. Наши молодые медицинские сестры-комсомолки почти всегда улыбались, шутили и подбадривали раненых. Многие из них, получив ранения, отказывались от эвакуации на Большую землю».

Большую радость доставляла девушкам, работавшим в госпитале... коза! Один из санитаров поймал ее где-то и привел в госпиталь. Сразу повеяло чем-то мирным, домашним. Козу стали доить и давать молоко тяжелораненым. Одно из них, по словам Л. М. Кирьяковой, оно буквально спасло. Солдат лежал с ранением в челюсть и повреждением языка. Кормили его при помощи зонда, что было очень мучительно, и раненый часто отказывался от еды. Тогда медсестры стали поить его козьим молоком, которое он принимал гораздо охотнее.

На смену личному составу госпиталя 5199 в конце июля прибыли врачи и медсестры 714 хирургического госпиталя. Они проявили такое же мужество и самоотверженность, как и их предшественники. В числе врачей была Т. П. Готуа, окончившая Тбилисский медицинский институт. В своих воспоминаниях она рассказывает о трудностях, которые пришлось испытать ей, девушке, попавшей сразу со студенческой скамьи на фронт, да еще на Малую землю.

После неоднократных и безуспешных попыток ликвидировать Малую землю в феврале и марте, гитлеровцы 17 апреля приступили к осуществлению операции, названной ими «Атлантун». Ее задачей было разгромить наши десантные войска и сбросить их в море.

Ожесточенные атаки противника при поддержке танков не прекращались на многих участках обороны Малой земли. Атакующих поддерживали удары авиации, артиллерии, минометов. Не осталось, пожалуй, ни одного клочка земли, где не рвались бы снаряды, не жужжали пули. Из-за несмолкаемого гула трудно было услышать друг друга на небольшом расстоянии. Советские воины, не щадя жизни, мужественно отражали все атаки противника.

18 апреля Военный совет 18-й армии обратился к героическим защитникам Малой земли с обращением, в котором содержался призыв: «Боевые товарищи! На Малой земле решаются большие дела во имя освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Левый фланг фронта Великой Отечественной войны есть и будет неприступной крепостью, о которую сокрушатся все попытки врага.

Военный совет выражает уверенность, что там, где сражаетесь вы, — враг не пройдет. Там, где вы контратакуете, — враг не устоит! Сильнее удары по врагу!

Да здравствуют героические защитники Малой земли!
Да здравствует наша великая Родина!

Смерть немецким оккупантам!».

Это обращение вдохновило десантников, придало им еще больше мужества. Любой ценой задержать и обескровить врага — эта цель, владевшая каждым, осуществлялась в беспрецедентном подвиге малоземельцев, сумевших остановить врага, а несколько позже — и самим перейти в наступление.

К исходу 25 апреля противник, имевший громадные преимущества перед малоземельцами, из-за больших потерь перешел к обороне.

В эти решающие дни апрельских боев медики Малой земли глубоко сознавали всю меру лежащей на них ответственности. Обращение Военного совета 18-й армии было воспринято ими как наказ улучшить медобеспечение войск, эвакуацию раненых, с еще большей самоотверженностью бороться за их жизнь. Этот наказ медицинские работники выполняли. Тысячи бомб, десятки тысяч снарядов кромсали землю, от гари и дыма трудно было дышать, но медслужба десанта работала бесперебойно. Об этом свидетельствует донесение политотдела 18-й армии «Об итогах героической обороны Малой земли».

В донесении, подписанном начальником политотдела 18-й армии полковником Л. И. Брежневым, сказано, что «работники медико-санитарной службы показали в бою высокую организованность, дисциплину, мужество, проявили большую заботу о людях».

Особо важное значение в те дни придавалось эвакуации раненых. После хирургической обработки и перевязок раненые доставлялись на берег. Нас, занимавшихся их отправкой в Геленджик, пошатывало от бессонницы, от нервного напряже-

1935920
022 ПР10333

ния, но погрузка и отправка раненых по морю шла бесперебойно. Большую помощь в организации и осуществлении эвакуации нам, медикам, оказывали работники политотдела армии и политотделов соединений. «Благодаря хорошей организации, в условиях непрерывного обстрела и бомбежки, с Малой земли за время с 17 по 26 апреля удалось вывезти почти всех раненых — 2142 человека. Все эвакуированные благополучно доставлены в Геленджик» — говорилось в донесении политотдела армии.

Смелость и отвагу проявили во время боевых действий санитары. Под огнем противника они выносили раненых, оказывали им первую помощь, а когда этого требовала обстановка — с оружием в руках бросались на противника. Так, санитар В. Тяжелков за один только день вынес с поля боя 30 раненых с оружием, а во время атаки вступив в бой с противником, уничтожил несколько гитлеровцев. Комсомолка, медсестра З. Зайцева под огнем противника оказала первую помощь раненым бойцам и командирам и вынесла с поля боя 12 человек.

Многие санитары пали смертью храбрых, другие были ранены. Отдельные медсанроты имели до 50 процентов потерь.

В тяжелейших условиях апрельских боев успешно справился со стоящими перед ним задачами личный состав госпиталя. Врачи, проявляя выдержку и хладнокровие, ни на минуту не отходили от операционного стола, медсестры не ложились сутками, перевязывая раненых.

О высоко патриотическом подъеме среди работников госпиталя свидетельствует тот факт, что только за время апрельских боев семь работников госпиталя были приняты в кандидаты КПСС и четверо получили партийные билеты. В их числе хирург М. А. Кирьяков, прекрасный специалист, один из первых врачей госпиталя, высадившихся на Малую землю. Он принимал самое непосредственное участие в развертывании госпиталя, спас многих раненых и однажды чуть не погиб, когда снарядом была разрушена операционная.

В книге Л. И. Брежнева «Малая земля» очень верно замечено, что чем тяжелее были бои, тем больше было желающих вступить в партию. Хотя, как пишет автор, «какие льготы мог получить человек, какие права могла предоставить ему партия накануне смертельной схватки? Только одну привилегию, только одно право, только одну обязанность — первым подняться в атаку, первым рвануться навстречу огню».

В период апрельских боев врачи были готовы, вооружившись гранатами, винтовками и автоматами, сразиться с врагом. Вступить в эту смертельную схватку они хотели коммунистами.

На Малой земле были приняты в партию также ряд врачей, медсестер и санитаров медсанрот и медсанбата, в их числе хирург Софья Любарская.

Начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев лично проявлял постоянную заботу о раненых бойцах и командирах, об их эвакуации.

На Малой земле Леонида Ильича знали как мужественного, отважного человека, прекрасного партийного организа-

тора. Его часто можно было встретить на переднем крае пехотинцев, автоматчиков, минометчиков, артиллеристов. Начальник политотдела армии легко вступал в контакт с каждым — будь то рядовой боец или командир.

Леонид Ильич интересовался всем, что было необходимо для обеспечения жизни и боевых действий десантников, вникал в организацию питания, быта. Постоянно справлялся он и о работе медицинских учреждений, находил время для встреч с врачами, помогал им.

Генерал-майор медицинской службы Н. Г. Костев в своих воспоминаниях, опубликованных в газете «Медицинский работник», рассказывает, как его, во время одной из бесед у командующего армией генерала К. Н. Леселидзе, Л. И. Брежнев подробно расспрашивал о работе госпиталя и эвакуационного пункта. Н. Г. Костев пишет: «Его интересовало буквально все: состояние здоровья тяжелораненых, ритмичность санитарного обслуживания, обеспеченность необходимыми инструментами и инвентарем. Мне лично приходилось видеть, с какой сердечностью Леонид Ильич выслушивал солдат, подбадривал их, утешал, спрашивал о семье».

Большая человечность, заботливое отношение к людям, беспокойство об их нуждах в тяжелых условиях десанта было характерной чертой командующего 18-й армией Константина Николаевича Леселидзе, работников политотдела и штаба. Проявляя серьезное внимание к вопросам медицинского обеспечения дивизии и бригад, они оказывали медикам всю необходимую помощь.

Встретиться с К. Н. Леселидзе лично мне довелось позднее, уже после того, как в конце апреля 1943 года я был отозван с Малой земли в связи с переводом в штаб армии.

Трудно сказать о командующем лучше, чем сказал Леонид Ильич Брежнев: «Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца».

С Константином Николаевичем я познакомился в его блиндаже в Марьиной Роде под Геленджиком, где он работал и жил. Войдя к нему в сопровождении его адъютанта, я доложил, что по поручению начсанарма принес ему на подпись приказ о перемещениях и новых назначениях медицинских работников армии.

— А откуда вы прибыли сами, чем занимаетесь? — спросил командующий, подписав приказ.

Я ответил, что только недавно вернулся с Малой земли. Суровое лицо командующего оживилось. Он заговорил со мной о состоянии медицинского обслуживания раненых на Мысхако, подробно, вникая во все детали, расспросил о ходе их эвакуации в период апрельских боев.

А когда я сказал, что мне приходится выезжать в соединения, чтобы на месте знакомиться с постановкой дела выноса раненых с поля боя, их обслуживанием и нуждами медслужб, Константин Николаевич поинтересовался моими наблюдениями.

Во время наших последующих встреч командующий никогда не отпускал меня без того, чтобы не расспросить о медицинском обслуживании, количестве поступающих раненых, особенно с Малой земли. Я всегда мог ответить на эти вопросы так как ежедневные сводки о санитарных потерях в войсках правого и левого флангов поступали ко мне, а я, обобщая их, передавал ночью в штаб фронта представителю Сануправления.

Во время одной из встреч с командующим я увидел в его блиндаже юношу. Это был Отар — сын Константина Николаевича.

Запомнилась мне встреча с К. Н. Леселидзе и в селе Кабардинка в дни напряженных боев за Новороссийск. Здесь был развернут Армейский медицинский распределительный пункт для организации медицинской сортировки раненых и их эвакуации во фронтовой тыл — через Кабардинский перевал — и в армейские госпитали. Командующий, дважды проезжая с командного пункта в штаб, останавливался и справлялся, как идет эвакуация раненых, поступают ли сюда раненые из порта, где идут бои, как продолжается эвакуация с Мысхако и нужна ли в чем-либо помощь...

Возвращаясь к своему пребыванию на Малой земле, хочу рассказать еще об одной встрече, перешедшей в большую, на всю жизнь, дружбу, — с Николаем Александровичем Соловейкиным, в то время заместителем начальника оперативного отдела штаба армии.

Познакомились мы, когда он, заболев, передал через одного из офицеров просьбу, чтобы я, как врач, его навещил.

Каким я предстал перед ним, он с улыбкой рассказал не так давно генерал-майору в отставке Н. Г. Костеву, а Костев написал мне: «Приходит ко мне худощавый, в невзрачной шинели, в кирзовых сапогах, облепленных грязью, врач — милый, добрый, знающий человек. Был очень внимателен, часто навещал и оказал действительную помощь. Просто спас!»...

Сам очень добрый и отзывчивый человек, Николай Алексеевич, конечно, преувеличивает, но так или иначе, мое знакомство с ним состоялось именно тогда.

Н. А. Соловейкин всегда охотно помогал мне, когда я приходил в штабной капонир отправлять донесения в Санотдел армии. Телеграмма тут же зашифровывалась и отправлялась без промедления.

В разговорах с Николаем Алексеевичем я узнавал много нового, интересного и поучительного для себя. Высокообразованный офицер, прекрасный специалист в области тактики и оперативного искусства, с необычайно широким кругозором, он был прекрасным собеседником. Никогда, даже в самые трудные минуты, его не покидали бодрость, оптимизм, свойственное ему чувство юмора. Недаром и впоследствии вокруг него всегда группировались офицеры штаба, среди которых он пользовался глубоким уважением и любовью.

Со времени высадки десанта прошло еще не так много времени, но у нас уже начинал накапливаться опыт эвакуации раненых и больных в условиях морского десанта. Помню, од-

нажды из Самарканда, где в то время находилась Ленинградская Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова, на Малую землю прибыл преподаватель кафедры пропедевтической терапии академии (к сожалению, не помню его фамилии). В течение нескольких дней, которые он пробыл на Малой земле, он изучал порядок эвакуации терапевтических больных по назначению.

Нередко на Малую землю приезжали знакомиться с постановкой медобеспечения десантной группы войск руководящие работники медслужб. Так, в начале апреля к нам прибыл начальник лечебно-эвакуационного отдела Сануправления Черноморской группы войск, военврач первого ранга Требко. Его сопровождал заместитель начсанарма, военврач второго ранга Н. И. Могиланский.

Мы вместе обошли все медсанроты, побывали в медсанбате, госпитале, у «причала», где велась погрузка раненых на мотоботы. Поскольку днем по открытой территории ходить было нельзя, мы шли по пологой прибрежной полосе под защитой высокого обрывистого берега, а затем уже, укрываясь в складках местности, по траншеям (они тогда еще были вырыты не везде) добирались до места назначения.

Придирчиво интересовался Требко выносом раненых с поля боя, их медицинской сортировкой, развертыванием медсанрот и размещением в них раненых и больных. Он беседовал с бойцами, расспрашивал командиров, врачей.

Проверяющий остался доволен организацией медицинского обслуживания десантных войск на Малой Земле и в составленном им акте дал ей положительную оценку.

Высокая оценка деятельности медиков — врачей, медсестер, санитаров содержалась и в подписанном Леонидом Ильичем Брежневым донесении Политотдела 18-й армии «О героизме личного состава в бою и авангардной роли коммунистов и комсомольцев в выполнении боевых задач». В нем говорилось:

«Героизм вошел в быт наших войск и является неотъемлемым качеством преобладающего большинства людей. Он проявляется повседневно и в бою и вне боя. Особенно наглядно это явление выглядит на Малой земле. Здесь почти каждый человек — герой. Грузчики, приемщики, кладовщики ежедневно производят под сильным артиллерийским огнем противника разгрузку судов, доставляющих боеприпасы и продовольствие. Медработники, санитары с удивительной самоотверженностью в этих условиях оказывают необходимую помощь раненым, производят отpravку их на Большую землю».

...Их было много, тех, кто на Малой земле самоотверженно боролся за человеческую жизнь, за свободу и независимость Родины. Подвиг медиков-малоземельцев, как и подвиг всех участников борьбы с гитлеровскими оккупантами, золотыми буквами вписан в ярчайшую летопись нашего века — летопись Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙ МЕДИЦИНЫ

Медицина — одна из древнейших наук и, естественно, ее история уходит своими корнями в глубь веков.

По мнению некоторых исследователей, история грузинской медицины берет начало с IX в. Это обстоятельство и явилось причиной того, что при ее изучении полностью игнорировались древнейшие исторические источники, не проводилось комплексного изучения этнографических, фольклорных, архитектурных и других памятников материальной культуры и постольку древнейшая история грузинской медицины была совершенно не известна и не изучена.

Замечательным образцом комплексного изучения этого предмета является книга профессора М. С. Шенгелия «Древняя колхидо-иберийская медицина».

Используя в основном греко-римские источники, археологические и другие материалы, автор книги определяет общий уровень развития колхидо-иберийского мира, создавая конкретный фон для понимания биологического мышления колхидо-иберийских племен.

По словам М. Шенгелия, высокая культура этих племен проявилась и в высоком уровне медико-биологического мышления, что нашло свое отражение в грузинских археологических материалах, греко-римских источниках и в данных фольклорно-этнографического характера. Древнейшая культура Колхиды, и в частности медицина, особенно ярко отражены в существующих легендах и сказаниях об аргонавтах и Медее, которые и использованы как основа для новых исследований. Сказания о Колхиде — стране Аяя, постепенно лишаются своего мифического и сказочного покрова и описанные в них государства, личности, явления предстают исторически достоверными фактами. Во всех художественных произведениях греческих и римских писателей и во всех вариантах самих сказаний мать Медеи — Геката, сестра — Цирцея и сама Медея признаны выдающимися просвещенными врачами.

Автору книги удалось сорвать мифический и сказочный покров с существующих легенд и сказаний о Медее и аргонавтах путем сопоставления их отдельных фрагментов и сюжетных узлов с археологическими и историческими данными.

В первой главе книги весьма убедительно представлены в интерпретации автора высказывания и соображения греческих и

М. С. Шенгелия. Древняя колхидо-иберийская медицина (на груз. языке). Издательство «Сабчота Сакартвелო», Тбилиси, 1979.

римских авторов, в частности Аристотеля, Страбона, Пергамонца, Иоанна Антиохийского, Плутарха и других об историчности и достоверности этих сказаний.

Глава «Амираниани и колхидо-иберийская медицина» также является прекрасным примером удачного использования фольклорных материалов и эпоса с целью реализации поставленной задачи.

Как известно, «Амираниани», как и «Гильгамеш», древнейший памятник народного творчества, человеческого мышления вообще. Исследуя различные варианты этого эпоса, автор детально рассматривает интересные с точки зрения истории медицины места, создавая тем самым определенное представление об уровне медико-биологического мышления того времени. В частности, подчеркивается, что наши предки уже в глубокой древности использовали в медицине лекарственные травы, минеральные воды, при необходимости производили операцию, подобную кесареву сечению. И уже в те времена зародилась идея создания искусственной среды для завершения эмбрионального развития недоношенных детей.

«Самая ранняя теория в истории философии — теория о материалистичности мира — известна в виде теории о четырех элементах (воды, земли, огня, воздуха), заслуга в создании которой принадлежит античной греческой философии...». Теория о четырех элементах, как известно, в дальнейшем легла в основу гуморально-патологической теории Гиппократа. По мысли Гиппократа, организмы, так же как и мир, состоят из четырех элементов — крови, гноя, желтой желчи и черной желчи. Каждый из этих гуморальных компонентов своими свойствами и действием аналогичен вышеотмеченным элементам. Так, кровь — это вода, гной — воздух, желтая желчь — огонь, черная желчь — земля. Согласно этой теории, равенство четырех гуморальных компонентов обеспечивает здоровье организма, нарушение же его вызывает болезни и патологические состояния» (стр. 26).

Теория эта была главенствующей вплоть до XVIII в. Ее наличие в «Амираниани», т. е. еще за 10—15 столетий до Гиппократа, отмечал акад. Ш. И. Нуцубидзе. В книге М. Шенгелия также поставлен вопрос о распространении этой теории в Греции именно из Колхиды. Следует отметить, что эта теория и заложила основы учения об «атомистической сущности мироздания».

Большое внимание уделяет автор книги взаимосвязи грузинского эпоса «Амираниани» с «Прикованным Прометеем» Эсхила. По его мнению, «изучение «Амираниани» и «Прикованного Прометея», сопоставление параллельных мест дает нам возможность создать определенное представление о некоторых вопросах древнейшего грузинского медико-биологического мышления» (стр. 39).

Самой значительной частью работы, на наш взгляд, является «Сига медiana», в которой объединены отдельные исследования. Только перечень подглав данной части может свидетельствовать о ее важности и значимости: «Лечебные средства», «Лечение», «Косметика», «Идея омолаживания», «Переливание крови», «Яды, отвлекающие вещества у истоков токсикологии», «Медея, обладающая разумом и добротой», «Сад лекарственных растений Медеи», «О локализации сада Медеи и городов Ая-Эя, Квитаиси», «Лекарственные растения сада Медеи». Все вопросы в данной главе также рассмотрены путем сопоставления легенд и сказаний о Медее и

аргонавтах с греко-римскими источниками и сведениями историков, географов и путешественников. Убедительно показано, что истоки некоторых отраслей современной медицины (косметология, геронтология-гериатрия, гематология, токсикология) тесно связаны с колхидо-иберийской медициной, и, в частности, с Медеей. Кстати, целый ряд авторов (в том числе и акад. И. А. Кассирский) связывает с ее именем историю одной из важнейших отраслей современной медицины — гематологии (особенно — переливание крови). Автор рецензируемой книги пишет: «С именем Медеи связана не только идея переливания крови, но и подбор переливаемой крови (кровь барана)». Известно, что в медицине средних веков лишь в 1667 г. впервые применили переливание крови с использованием крови ягненка. Создается впечатление, что в средние века всего лишь возобновили уже известную в Колхиде манипуляцию» (стр. 77).

В главе «Медея, обладающая разумом и добротой» собраны и рассмотрены все исторические и художественные источники, в которых Медея предстает как изменница, убийца брата и детей, и убедительно доказана необоснованность и неисторичность этих сведений. Автор приводит сведения как современных исследователей (Г. Церетели, С. Каухчишвили, А. Урушадзе, Л. Саникидзе, А. Гацерелия, И. Откушников), так и греко-римских писателей и историков (Геродот, Ферекид, Дидимос, Геланик, Митилен, Аполлодор, Павсаний, Д. Сицилийский и др.). Сопоставив и рассмотрев эти сведения, автор приходит к выводу, что Медея — не предательница и убийца своего брата и детей, а добрая, высокоинтеллектуальная личность.

Особое внимание следует обратить на сведения Павсания (II в.), который считает, что детей Медеи убили жители Коринфа, а потом, чтоб искупить этот страшный грех, соорудили алтарь, на который ежегодно приносили жертвы.

«Все это, — отмечает автор, — если воспользоваться юридической терминологией, является установлением истины на уровне вещественных доказательств, и мы в самом деле убеждаемся в этом. Павсаний историк, а не поэт и писатель, и его «Описание Эллады» — результат увиденного им лично...»

С глубоко научным подходом к историческим источникам и с большой эрудицией написана глава, посвященная вопросу локализации сада Медеи и городов Айа-Эйа и Квитаиси. Изучив, проанализировав и сопоставив греческие источники, автор приходит к интересным и убедительным выводам, в частности, что «город Айа-Эйа по всем данным, (исторические, географические, этнографические, традиционные и т. д.) — это сегодняшнее городище Археополис.

Об этом свидетельствует также фонетическая и семантическая идентичность Эйа - города и Эй — шумерского божества».

Досконально изучены автором книги лекарственные растения «сада Медеи» с точки зрения современной ботанической номенклатуры, представлены их соответствующие грузинские, русские и латинские названия, дано их химическое содержание, применение в научной и народной медицине. Следует отметить, что подавляющая часть этих растений характерна для Грузии, Кавказа или Причерноморья, что указывает на определенную связь поименованных в

сказаниях о Мееде и аргонавтах растений непосредственно с Кавказом, в частности с Колхидо-Иберией, и что сказание о саде Мееде основывается на вполне реальных фактах. Таким образом, мы имеем ясное представление об одном из древнейших садов лекарственных растений, что еще раз свидетельствует о глубоких корнях колхидо-иберийской медицины (стр. 153).

По-видимому, тесно связано с колхидо-иберийской медициной учение о медицине Митридата Понтийского. В монографии детально рассматриваются вопросы, связанные с учением Митридата, представлены сведения о его распространении и популярности в разных странах мира вплоть до конца XIX в., убедительно охарактеризована роль Митридата Понтийского как одного из основоположников токсикологии и иммунологии, и, наконец, доказана его тесная взаимосвязь с колхидо-иберийской медициной.

В конце исследования автор делает ряд ценных заключений (об иммунитете, о бальзамировании трупов, о влиянии колхидо-иберийской медицины и т. д.), дающих ясное представление о медицине древнейшей Грузии, ее популярности и авторитете.

И наконец автор объективно, с научной добросовестностью оценивает и анализирует высказывания целого ряда исследователей о колхидо-иберийской медицине и определяет место, которое, безусловно, следует отвести ей во всемирной истории медицины.

Мы полагаем, что монография М. С. Шенгелия представляет несомненный интерес как для исследователей, так и для широкого круга читателей, и было бы желательно, чтоб ее перевели на русский язык.

Теймураз ЧИРГАДЗЕ

Александр СТРОГАНОВ

СЮИТА ПИКАССО О ШЕКСПИРЕ

Главы из книги

Писатель, с которым я хочу познакомить читателей «Литературной Грузии», известен мне в течение ряда лет. Я должен признаться, что очень трудно положение с ненапечатанным писателем.

Мое поколение приходило в литературу легче. Горький умел читать рукописи и сам сдавал в набор, даже не напечатанные на машинке. Он писал на полосках. Каждый наборщик получал маленькие клочочки бумаги — и все шло в набор.

Первая вещь Александра Строганова, которую знаю, — «Изыюбр». Рукопись оригинальна и, по-моему, чрезвычайно талантлива. Она начинается с тайги, у нас мало описанной. Эта тайга почти не обжита охотниками. Охотники проходят через нее, но не живут в ней. Время — весенний гон, весна у людей и зверей.

Олени кричат, призывая друг друга.

Вещь сильная, написанная зрелым художником.

Интересно и сильно даны горы; написано не только художественно, но и в преодолении крутизны; в телесном преодолении.

Конец повести несколько выпадает из общего стиля и, как мне кажется, написан под влиянием «Песни Песней». По крайней мере я там вижу элементы стилизации и движения к традиции.

Это слияние весны природы и весны женщины. В русской литературе попытка была у Куприна — я говорю о «Суламифи». Эта вещь поразила всех в свое время, но время же дало вещи настоящую цену.

Другая вещь посвящена нашему современнику, а вернее моему современнику — я человек старый — Пикассо, члену Коммунистической партии Франции, «голубь» которого, выбранный из сотен других, стал символом людей доброй воли.

Я по своему художественному образованию не живописец, а скульптор. Для меня книга Строганова о Пикассо является первой книжкой, в которой я понял строй мысли этого великого художника.

Пикассо до дня смерти не отрывался от искусства Испании и Парижа; ходил на все выставки и был не другом, а соперником

молодых. Он всматривался в себя и в жизнь, считая, что он навеечно принадлежит общему ходу искусства. И нам участие Пикассо в общем ходе революционного искусства было совершенно ясно.

Участником Сопротивления был и Матисс, я знаю это от Арагона.

Работа о Пикассо должна быть напечатана у нас, пускай первый раз небольшим тиражом.

Книги не боятся небольших тиражей. 500 и 1000 экземпляров книги достаточно для того, чтобы это осталось в памяти.

А. Блок приходил в типографию и смотрел, чтобы его книгу не напечатали в лишнем экземплярах — чтобы этим не задержать других изданий. Если помните, на это жаловались в типографии.

Я говорю об очень серьезной вещи.

Я дожил и до 100 000 и 300 000 тиражей, но я и сейчас хотел бы написать книгу, которая бы меня удовлетворила, издана была бы хотя бы в 500—1 000 экземплярах, но жила бы потом пятьдесят или даже сто лет.

Настоящий писатель иногда — несколько впереди своего времени, воспринимается сперва как неожиданность как среди писателей, так и среди читателей.

Я не собираюсь писать статью о новом писателе: говорю только, что этот писатель талантлив. Задачи, которые он для себя ставит и уже разрешает хотя бы частично, важны. Я так пишу потому, что 75 лет тому назад о моей судьбе заботились писатели, которым я не очень нравился. Они говорили: «Это интересно. Я совершенно с этим не согласен. Но это должно быть напечатано».

На счету Струганова около 25 авторских листов законченных рукописей.

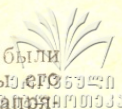
Рукопись о Волошине я читал. Книга трудная и хорошая, «Изыобр» лучше и легче. Я могу сказать и про жизнь Волошина, что жизнь его несколько невнятна, но она нам нужна. Она была проверена; он жил в Крыму у белых. Я лично знаю, как он вместе с женой помогал при высадке разведки десанта.

История литературы и многих из нас не совсем обычна. Кто не читал Кантемира, он цитируется и в школе:

Можно и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней не трудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутя ноги;
Всех неприятнее тот, что босы прокляли
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед...

9 сестер — это музы, и они сами себе протаптывают дорогу.

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Последние десять-пятнадцать лет жизни Пикассо были особенно насыщены напряженной работой. Последние годы его жизни и его работы мало известны у нас в Союзе. Эти напряженные годы Пикассо определили один из наиболее впечатляющих периодов жизни художника. Необходимо хотя бы перечислить то, мимо чего пройти невозможно.

Новые горизонты колористического дарования.

Новые темы.

Новое пространство новой жизни.

Когда знакомишься со сделанным Пикассо за эти десять лет, твое впечатление — среди многого — подсказывает и говорит тебе, что художник не кончает и уж, конечно, не заканчивает — о своем, а продолжает и двигается дальше — мощно.

А многое начинается.

Выставка Пикассо семидесятых годов в Авиньонском дворце хотя и представлена работами за два с небольшим предшествующих года — сегодня это время получило название «Пикассо у 90» — демонстрирует полотна (их немногим более двухсот), почти каждое из них объединяет все достижения художника.

Среди портретов и работ, что висели на стенах Авиньонского дворца — этой выставки, которой нет—нет—повторений, — пристальное внимание привлекает серия портретов №№ 103, 104, 106, 107 (по Авиньонскому каталогу).

Увидел — и потом опускаешь: глубоко и надежно.

Работы шестидесятых годов многочисленны и столь же весомы; очевидно утяжеление, углубление, обострение видящего.

Из сюжетов этих лет очень определено место «Портрета художника с Сократом».

Голова не существует без плеч...

Художник не существует один, хотя он и один.

Наращение, обострение, углубление ощущения в последние годы жизни — знаем, видим — у многих художников.

Армения.

Сарьян в саду. Вот — сбежал от присмотра; сидит, смотрит на горы.

Не в кресле — на брезентовом складном стульчике. Вынес и пронес.

Долго устанавливал — боялся упасть.

Согнул ногу, рукой держится за ореховый сук.

Садится. Сел. Откинулся. Прислонился спиной к теплой коре. Сидит.

Сидит. Смотрит на горы. Весна. Розовые лепестки кружатся, опускаются, лежат на земле. Тепло.

Смотрит на оливковые склоны. Темно-оливковые и желтые — рябеньким. Рисует. Пером.

Знает: жизнь и новое пространство; мир.

И знает — когда.

Рисунки Сарьяна его последних лет среди листов самого высокого рисунка мирового искусства. Так и называется: «Рисунки Сарьяна его последних лет».

04935940
3023010330

Но Пикассо — гонщик или гонец?

Вестник.

И знал — когда.

К этому времени движение Пикассо по ряду жизни цвета приобрело непресекаемую мощь и силу.

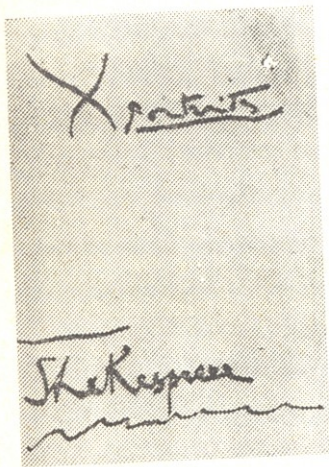
Казалось, ощущение Матисса указывало на возможности и положение вершины колористического чувства.

Но только теперь стало ясным, что это всего лишь положение, уровень, дальнейшее движение, в русле которого осуществляется с необычной силой концентрации колористического сгущения сама яркость, возможности и напряжение которого неразрывны с удесятеренным ростом и масштабом.

Еще в начале своего пути Пикассо с присущей ему точностью определил свое положение и свое отношение в этих возможностях:

Я не знаю, какой я живописец,
Я знаю, какой я рисовальщик.

Теперь — сегодня, и он, и мы знаем, — какой. И там. И там.

Сделанное Пикассо за эти десять лет ложится несдвигаемым весом туда — во время.

Но даже на этом фоне выделяется событие, отмеченное апрелем 1964 года; началом жизни этих лет.

Весной 1964 года Пикассо обратился к образу Шекспира и осуществил серию рисунков, объединенных одной центральной темой — Шекспир.

Обращение Пикассо к Шекспиру живет последовательным шагом, — поступью великого художника.

Нет движения вне пути и вех. Портреты Бальзака — много, разных.

Дон Кихот. Рембрандт. Портреты и портреты. Много, разных.

Овидий. Его метаморфозы.

Но только в 1964 году в работе Пикассо впервые и сразу в полный свой рост возник образ Шекспира.

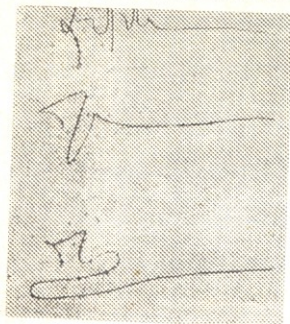
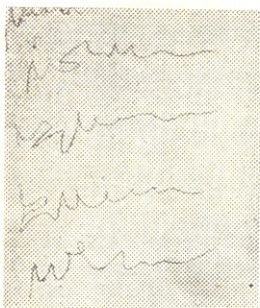
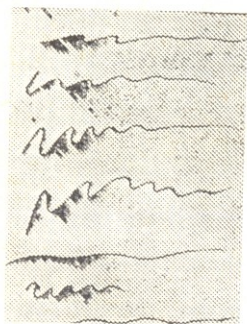
Сюита Пикассо о Шекспире — рассказ и завещание художника — ходом неприостановимого движения; сюда он шел всю жизнь и также движется оно отсюда.

Он возникает, разгорается, горит, угасает.
А есть разгорается и ровно горит.

Но вот же: возник, разгорелся, новая вспышка — новой ступенью — ярче и ярче горит; горит — пылает, ярче и ярче; ступень за ступенью, воспламеняясь — пылает, все ярче и ярче — и что-то прервало ее — жизнь.

Само Время невидимо — даже для зрячих — входит в структуру ненасытного топлива.

Свою задачу здесь я вижу в простом рассказе того, что собой представляет произведение Пикассо о Шекспире.

Мои слова несут ущерб.

Слова простого повествования.

Рисунки черной тушью. Портрет Шекспира. Гамлет

Кроме них — два силуэта. Один с лопатой.

Другой с косой. Кроме них — еще что-то.

Ясно же — надо рассматривать.

Это на правом развороте книги.

Ибо это книга.

51105020
202201033

На левом развороте — на пустой лист — нанесены кривые линии. Красного цвета. Они и занимают собой весь лист — горизонтально, как кривые.

Свободно.

Книга большого формата. Большого размера, чем обычно мы привыкли видеть. Таков и размер самих рисунков: о нем не думаешь — видишь, — крупнее обычного.

Рисунки объединены парами — рисунки правой и левой стороны разворота; разворота книги большого формата.

Каждая пара рисунков несет свой особый индекс — дату — и этим индексом каждая последующая пара отделяется от предыдущей — индекс, потом пара рисунков, индекс, потом пара рисунков и т. д.

Таких пар двенадцать.

Видно ясно: рисунки правой и левой стороны разворота книги резко отличаются друг от друга.

Рисунки правой стороны разворота представляют собой сюжетную композицию.

Композиция меняется от рисунка к рисунку, но в целом обладает ясным стилевым единством своих персонажей.

Очевиден главный план автора — план построения всей сюиты о Шекспире. Она построена тем хорошо всем известным способом, который мы знаем по детским картинкам. «Найди на этой картинке то, что отличает ее вот от этой картинки». При единстве тем и персонажей всех картинок.

Первое впечатление бесхитростной простоты исчезает бесследно — сравнением — и возвращается потом лишь знаком своего прежнего существования.

Персонажами первого, ясно узнаваемого плана служат Гамлет и Шекспир.

Образы второго, более обобщенного плана существуют как «тот, что с лопатой» и «тот, что с косой».

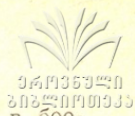
В рисунках присутствует третий, еще более обобщенный план, который может рассматриваться как фон.

Все персонажи сюжета непрерывно движутся, изменяются, превращаются, — живут.

Эта все время меняющаяся композиция, однако, не захватывает первого и последних трех рисунков.

Здесь изображены лишь портреты Шекспира — также все разные.

Укажу наиболее зримые, очевидные изменения в сюжетной композиции — от рисунка к рисунку. Они относятся к Гамлету, действия которого полны смысла.

Явление безоружного Гамлета.

Гамлет вооружен.

Гамлет переводит оружие из запасного положения в бое-

вое.

Гамлет в боевой готовности.

Гамлет по-прежнему в боевой готовности — готов к действию оружием.

Гамлет увидел.

Отказ от действия оружием.

Все это время Гамлет держит в руке череп — смотрит на него, поворачивает к зрителю, приподнимает вверх и, наконец, поднимает вверх — череп.

Поступки Гамлета зримо связаны и зависят с положением «того, что с лопатой» и «того, что с косой»; его поступки неотделимы от их действий; эти двое действуют то поочередно, то вместе. Или вообще исчезают из сюжета. Исчезают и потом вновь появляются.

Если по-прежнему следить за Гамлетом как за одним из главных персонажей, то видно, что его обращение к оружию носит печать глубокого раздумья — продленности от рисунка к рисунку.

И только потом, после зримых и решительных действий «того, что с косой», Гамлет увидел. Это рисунок «момента истины» Гамлета.

На листах сюиты Гамлет возникает нежным и незащищенным. Его состояние в конце сюиты живет мужеством и знанием.

Вооружение Гамлета и перемещение им оружия из запасного положения в боевое и обратно составляет одно из основных событий главного сюжетного хода рисунков.

Осознанное и закономерное перемещение оружия в руках Гамлета образует слитое с движением обсуждаемой тайны — черепом, и в момент наибольшего напряжения определяется отказом от одного и утверждением другого.

Портрет Шекспира главенствует на всех двенадцати рисунках: он везде разный.

Шекспир меняется. Его активное созерцание и поступки имеют очевидные причины и следствия во внешнем мире — через портрет.

Скажу первую очевидность: на правой стороне разворота книги осуществлен какой-то рассказ, где вся его середина передается через сюжет, а начало и конец существуют портретом одного Шекспира — главного персонажа сюжета.

Листы левого разворота книги заняты кривыми.

Общая картина рисунков по своему внешнему облику почти не имеет общего с рисунками правой стороны.

Первое впечатление случайно брошенных линий пропадает быстро — сравнением от рисунка к рисунку; пропадает и больше не возвращается.

Первое ощущение: свобода и наполненность, мощь, сила и концентрация, легкость, невесомость существования; сложность, необычность многих элементов; но это не кривые

линии, а именно кривые — там есть что-то, что их располагает — все горизонтально.

Остается ввести понятие «кривые Пикассо».

Все двенадцать левых рисунков двенадцати пар ставлены кривыми Пикассо.

У кривых Пикассо нет повторений; своих предшественников.

И, однако, эта необычность возникла сразу в осознанных законах; своих законах своих процессов.

Сравнение кривых Пикассо от рисунка к рисунку говорит о сознательной картине их последовательного изменения.

Укажу на главную, ведущую особенность кривых Пикассо, она видна уже при первом ознакомлении.

От первого рисунка к последнему происходит сокращение числа кривых.

Это сокращение числа кривых сопровождается видимым одновременным нарастанием масштаба и амплитуды кривых, а также усложнением их конфигурации — формы.

Оба этих процесса очень впечатляющи.

Они не совершаются равномерно, т. е. постепенно.

Видна закономерность.

Закономерность уже сложность.

Сложен путь к закономерности.

Изменение числа кривых происходит так: 8, 7, 6, 5, 5, 5, 5, 3, 3, 3, 3, 3.

Согласно этой картине изменения числа кривых происходит изменение конфигурации — формы и насыщенности самих кривых.

Как видно, выделяется три характерных момента этого изменения: наличие «плато», которое соответствует числу «5», затем следует скачок — к числу «3», затем следует новое «плато» числа 3.

«Плато 5» — скачок — «плато 3».

Сопоставляя эту характерную картину изменения кривых Пикассо с изменениями в сюжетной композиции правой стороны разворота книги, находим видимую связь между ними — сопоставлением правого и левого рисунка каждой последующей пары.

Хочу повторить: сведение уже самых общих, грубых планов в рисунках правой и левой стороны у каждой последующей пары говорит о прямой, видимой связи между ними.

В обеих плоскостях: «Право—лево» и «вдоль» сюжета.

«Плато 5» (глубокое размышление Гамлета — задержкой) — скачок («момент истины» Гамлета) — «плато 3» (Гамлет и последние три портрета Шекспира).

С этого момента вся общая картина сюиты Пикассо о Шекспире приобретает в сознании зрителя смысл пристального слежения и изучения.

И тогда же отпадают сомнения в случайности и несвязности рисунков правой и левой стороны.

На рисунках левой стороны разворота книги также осуществлен какой-то рассказ.

Я пропущу последующий ход мыслей и впечатлений, которые возникают при сопоставлении и просто при рассмотрении правой и левой стороны произведения Пикассо.

Пропущу — по той причине, что изучение этого необычного документа принадлежит будущему.

И выскажу несколько соображений, возможно, они помогут в таком изучении.

Образы и темы Пикассо всегда или почти всегда осуществляются им сериями изображенного. Это его природа, и она рассказана Пикассо с силой и последовательностью, не встречавшихся ни у одного из художников. Это коренная, определяющая особенность его отношения и его работы, она выявлялась почти сразу по возникновении художника.

В отличие от всего предыдущего опыта жизни Пикассо, листы сюиты существуют крайней степенью собранности, сдержанности, концентрации; при полной свободе выражения, столь присущей Пикассо, но без какого-либо признака вариаций, разнообразия повторений, сходства серийности, но которая осталась лишь знаком своей сущности — единством темы листов.

Рисунки нарисованы так — даже для Пикассо, что само содержание сюиты только и становится им — своим содержанием — и существует только в нем — в совершенстве самих рисунков.

Пластичная точность линий рисунка сама является содержанием очень большого веса; одним из самых существенных, слитых, держащих его корней. Неприметная легкость радикальных изменений — как в жизни.

Само совершенство это — преобразование, перетекание одного в другое, совершенство пластичности происходящих метаморфоз живет смыслом обоих рассказов таким образом, что оно само становится частью этого смысла: незамирание ни в одном мгновении, пластичность переливания, перетекание — невидимость и совершенство баланса прошлого и будущего в беспрерывно живом настоящем — движущемся

Как девочка на шаре.

Общий смысл изображенного Пикассо в рисунках о Шекспире возможен только во взгляде всей его жизни.

Рисунки Пикассо о Шекспире не существуют изолированно, они живут внутри потока всей работы художника.

Несмотря на необъятность, подавляющее воображение количество всего того, что сделано этим художником, в его жизни существует одна руководящая мысль, ощущение, и оно помогает, когда думаешь о сюите Пикассо — Шекспир.

Эта мысль заключена в необычно пристальном внимании художника к внутренней сфере жизни человека.

Вот сидит человек. Портрет.

Вот его формы.

1933

И вот его внутренняя сфера.

Этот деизм впечатления у Пикассо проходит через его жизнь.

В том, что мы называем «Пикассо», среди главного мы имеем в виду пристальное внимание к изображению внутренней жизни человека — как у всех великих художников — и еще сверх этого.

Преображенный и преобразованный деизм впечатления Пикассо мы находим и в сюите о Шекспире — но уже при найденной им, специфической для Пикассо форме отображения внутренней сущности человека.

Мощь, энергия, наполненность.

Управляемая сила, крупность, смысл.

Остается высказать вывод.

Кривые Пикассо — автозапись души художника; автозапись kloкочущего вулкана; автокардиограмма чувств очень большой наполненности.

Отдельные места кривых Пикассо напоминают кардиограммы; некоторые — сейсмограммы.

Частота и амплитуда — одна из главных характеристик волн у кривых Пикассо — являются неизменным атрибутом характеристики колебательных процессов любых сфер — но уже в науке, в научной области.

Отдельные кривые — часто — напоминают поверхность океана — жизнь океана.

От рисунка к рисунку нарастают, до почти необъятного давления, значение и роль узлообразных элементов кривых, одних из самых впечатляющих характеристик кривых Пикассо.

Первое, что ложится на чувство — отзвуком —

мчатся тучи, выются тучи...

домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают...

Они разрываются — все — разрываются и потом вновь связываются: все.

Первое, что ложится на чувство — отзвуком —

зачем же я рожден связать?

Остается сказать, что несмотря на естественное полное авторство Пикассо в поведении кривых — т. е. отсутствие регистрирующего что бы то ни было физического прибора, напряженное, постоянное присутствие такого прибора — мозга художника — ощущается непрерывно.

Некоторые кривые напоминают энцефалограмму.

И здесь я остановлюсь.

Ибо уже выбрал наиболее близкий — по смыслу, не по форме — термин для определения сделанного Пикассо.

Кривые Пикассо — это автоэнцефалограмма.

При неизбежном сужении и обеднении явления — как у всякого термина и определения.

Энцефалография — одна из самых сложных областей науки о мозге; единственная область, где возможна непосредственная регистрация и слежение за его суммарной активностью — мозга.

Очень большим художественный талант Пикассо, определяемый умом очень большого масштаба, умноженный непрерывной художественной практикой на протяжении более семидесяти лет, поставил Пикассо к последней четверти нашего столетия в положение, которое имеет немного примеров в истории искусства.

Понимание картины созданного Пикассо о Шекспире возможно лишь с одной точки, объединяющей два подхода —

вне поэзии нет жизни;
вне системы нет смысла.

Для постижения сюжета Пикассо о Шекспире невозможно отдать предпочтение ни тому, ни другому: общепозитивский взгляд на природу вещей определяет системный анализ в его сложности; и наоборот.

Другими словами, из картины всего рассказа Пикассо — в его единстве — невозможно «выхватить» какие-то части, отрывки, элементы, не нарушив цельности этой картины.

Она должна рассматриваться как единое целое.

Наиболее крупной ошибкой будет натурализм мысли.

Сделанное Пикассо современно и в то же время устремлено в будущее

Пикассо осуществил слияние научного и художественного, и незачем говорить о своеобразии такого слияния под рукой Пикассо.

В произведении Пикассо о Шекспире присутствует алгебра и гармония, разум и чувство в изображении человека и его представлений о внешнем мире.

Вечное, непередаваемое в словах ощущение занимаемого Пикассо места заключено в необычайной для всех времен степени интимности, с уровня которой ведется рассказ с Природой.

Главный вес мирового познания набирается через слово. Так есть.

Созданное Пикассо передвинуло этот вес в еще более древнюю сферу жизни, где и лежит зрение — видение.

Ибо теперь существует зритель, постигающий мировоззрение.

Но и это не вполне верно.

Пикассо всегда был среди честных людей.

Пикассо хотел всеобщего счастья.

Мы знаем, что именно это привело его в Компартию Франции.

Самим порядком вещей Пикассо объективно встал в ряды активного Сопротивления — оставшись в оккупированном Париже.

Рисунки Пикассо о Шекспире помещены в книге под общим заглавием: Арагон — Пикассо — Шекспир.

Луи Арагон прошел той же дорогой больших испытаний. Текст Арагона, посвященный Шекспиру, свободная художественная новелла — воспоминание; это один из лучших текстов Арагона: свободный, стильный, мужественный.

Выбор Пикассо точен: — к другу.

Недавний приезд Луи Арагона в нашу страну — событие большое и радостное.

Это был приезд и нашего друга.

Сюита Пикассо о Шекспире — новое в художественном и естественнонаучном узнавании мира; она живет в русле глубокой традиции мирового искусства.

Рисунки демонстрируют сочетание отвлеченного и реалистического объяснения в передаче того, что хочет сказать художник.

Русло жизни проходит глубоко.

Предмет мысли и поле чувства Пикассо — мир, война, народ, художник, его творение — сама история.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В БАСКОНИИ

В ГОРОДАХ Гернике и Бильбао завершился международный симпозиум баскологов, в котором приняли участие виднейшие специалисты Австрии, США, Франции, Голландии, ФРГ, Англии, Японии, Польши и других стран.

По приглашению Королевской академии баскского языка в работе симпозиума приняла участие группа грузинских ученых, изучающих баскско-кавказскую проблему.

Доклады ученых отразили последние достижения мировой науки в изучении проблем баскского языка. Участники симпозиума касались вопросов диалектологии, лексики, грамматики и истории языка басков. Большое внимание ученые уделили теории о родстве баскского и иберийско-кавказских языков. В этом плане был очень интересен доклад польского ученого, профессора Варшавского университета Я. Брауна, доказывающего генетическую связь этих языков.

Этой же проблеме были посвящены выступления председателя Общества баскского языка и культуры при АН Грузии, академика — секретаря отделения языка и литературы Академии наук республики Ш. Дзидзигури и члена кафедры новогрузинского языка

Тбилисского государственного университета Ю. Зыцаря.

Всемирно известный французский ученый А. Мартинэ в своем выступлении отметил, что баскская фонетическая система подтверждает баско-кавказскую гипотезу. Об этом в своих выступлениях говорили крупнейший баскский языковед Л. Мичелена, заведующий кафедрой Тулузского университета академик Ж. Аллиер и другие ученые.

С большим интересом был заслушан доклад вице-президента Королевской академии Я. Ачилара. Участники симпозиума тепло встретили приветственное письмо академика АН Грузии А. Чикобава в адрес этого представительного форума ученых.

В работе симпозиума также приняли участие молодые ученые из Грузии Н. Стуруа и С. Габуня.

ВСТРЕЧА С ИРАКЛИЕМ АБАШИДЗЕ

В АКТОВОМ зале «Космос» комсомольского городка Борис Дзnelадзе состоялась встреча хозяев городка юности с поэтом-академиком И. Абашидзе.

На вечере была исполнена литературная композиция, посвященная жизни и творчеству замечательного грузинского поэта. Ему были посвящены стихотворения начинающих поэтов, в его адрес прозвучали

теплые приветствия и пожелания.

В свою очередь Ираклий Абашидзе тепло поблагодарил собравшихся юношей и девушек, пожелал им успехов в труде, учебе и жизни.

На встрече выступил первый секретарь ЦК ЛКСМ Грузии Ж. Шартава. Он вручил поэту удостоверение о занесении его имени в книгу почета ЦК комсомола Грузии.

«СНИМАЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО»

В ТБИЛИССКОМ Доме художника с большим успехом экспонировалась фотовыставка крупнейшего советского поэта Евгения Евтушенко, организованная по инициативе Союзов художников и писателей Грузии.

Поэзия человеческой души, психология характера, пейзаж, портрет — вот что волнует Евтушенко, поэта и фотомастера.

Фотовыставка начинается с работ, посвященных Грузии — «Первые фиалки в Тбилиси», «Глаза матери», «Красота старости», суровые уголки Сванетии...

В экспозиции представлены также фотографии, посвящен-

ные родной стране, интересные работы Е. Евтушенко, созданные им во время поездок в Францию, Австрию, США, Японию, Англию.

Выставку открыл председатель Союза художников Грузии Н. Джанберидзе. Тепло приветствовали поэта его коллеги поэт-академик Ираклий Абашидзе, писатели Нодар Думбадзе, Чабуа Амиреджиби, Георгий Цицишвили, художник Дмитрий Эристави и другие.

ДЕКАДА ПОЛЬСКОЙ КНИГИ

В КНИЖНОМ магазине «Дружба» столицы Грузии успешно прошла декада польской книги.

Большая экспозиция, на которой была представлена продукция ведущих издательств братской Польши, отличалась многообразием тематики, тонким вкусом, свидетельствовала о высоком уровне полиграфии.

Внимание посетителей привлекли произведения Б. Пруса, Г. Сенкевича, Я. Ивашкевича, С. Лема, а также других современных польских писателей, альбомы по искусству, книги для детей и юношества, научно-популярная и медицинская литература.

БРЕГАДЗЕ Григорий Васильевич. Род. в 1911 г. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Грузинской ССР. Заведует кафедрой истории КПСС Грузинского политехнического института им. В. И. Ленина. Автор многочисленных работ по вопросам марксистско-ленинского учения о партии и рабочем движении, а также по национальному вопросу.

ЖГЕНТИ Сулико Ильич. Род. в 1925 г. Кинорежиссер, литератор, драматург. Окончил ВГИК в 1954 г. Первая книга рассказов — «Приморские вечера» — вышла в 1958 г. Автор сценариев «Отец солдата», «Саженьцы», «Думы матери» (изданных отдельной книгой в издательстве «Искусство»), «Ну и молодежь!..», «Рача, любовь моя...» и др. Пьеса «Дети земли» была поставлена на сцене Государственного академического театра им. Руставели в 1971 г. Заслуженный деятель искусств Грузии, лауреат премии им. Ленинского комсомола.

МОРНЕВ Алексей Филиппович. Род. в 1917 г. Участник Великой Отечественной войны, гвардии подполковник медицинской службы в отставке. Награжден орденами и медалями Советского Союза и ЧССР. Заслуженный врач Гру-

зинской ССР, старший преподаватель военной кафедры Тбилисского государственного медицинского института. Член Совета секции ветеранов 18-й армии.

С фронтовыми воспоминаниями выступал в прессе, по телевидению.

ЧИРГАДЗЕ Теймураз Владимирович. Род. в 1928 г. Врач-паразитолог. Кандидат медицинских наук. Автор ряда научных работ, в том числе по истории медицины.

ЧХЕИДЗЕ Реваз Давидович. Род. в 1926 г. Кинорежиссер. Окончил ВГИК в 1953 г. Первый кинофильм, отснятый совместно с Т. Абуладзе, — «Лурджа Магданы» получил на Каннском кинофестивале «Золотую пальмовую ветвь» (1956 г.). Ему принадлежат кинофильмы «Отец солдата», получивший множество призов на различных кинофестивалях, «Саженьцы», «Ну и молодежь!..» (отснятые по сценариям С. Жгенти), «Наш двор», «Майя из Цхнети» и множество других. Народный артист СССР, депутат Верховного Совета СССР, директор студии «Грузия-фильм», зав. кафедрой Грузинского государственного театрального института им. Ш. Руставели.

КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭНЦЕПДАРЫ

Ср. 10/11

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алек-
сей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛА-
ШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответст-
венный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГ-
БЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ,
Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (за-
меститель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редак-
тора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, прием-
ная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и ис-
кусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения —
93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: Давид Гурамишвили. Порт-
рет работы М. Бердзенишвили.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული მხატვრობის გაზეთი“

— უკველავიური ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ
პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

ბაზელის 1957 წლის იანვარის № 10 მუხრანის, 1980 წ.

Сдано в набор 11.IX 1980 г. Подписано к печати 28.X 1980 г.
УЭ 01577. Формат 84×108^{1/32}. Высокая печать. Печ. л. 7,0=
усл. печ. л. 11,97. Уч-изд. л. 9,4. Тираж 10.000 экз. Заказ
№ 2466. Адрес редакции: 380008. Тбилиси, ул. Ленина, 5.
Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«МЕРАНИ»

Курашвили Г. «Кровью братьев». Воспоминания. Предисл. Р. Джапаридзе. Тбилиси, 1980. 279 с. с ил. 5.000 экз. 95 к.

Антоновская А. «Великий Моурави». Роман-эпопея. В 6-ти кн. Кн. 5. «Базалетский бой». Тбилиси, 1980. 600 с. 110.000 экз. 2 р. 20 к.

«МЕЦНИЕРЕБА»

Ватейшвили Д. «Генерал П. С. Котляревский». Очерк жизни и боевой деятельности. Тбилиси, 1980. 155 с. с ил. 2.000 экз. 85 к.

Хецуриани Д. «Значение моральных норм в советском гражданском праве». Тбилиси, 1980. 110 с. 1.000 экз. 70 к.

Джусойты Н. «История осетинской литературы». Кн. I. XIX век. Тбилиси, 1980. 332 с. 1.500 экз. 2 р. 40 к.

«МАЛЫШ»

Иоселиани О. «Про малыша-охотника Бачо». Сказка. Рис. Ю. Молоканова. Москва, 1980. 79 с. ил. 100.000 экз. 95 к. Для старшего и среднего возраста.

«АЛАШАРА»

Аламиа Г. «Дорогами ветвей». Стихи. Пер. с абхаз. Сухуми, 1980. 63 с. 1.500 экз. 20 к.

60 к

ИНДЕКС 7611
1957
1958

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ

ИНДЕКС

Индекс международных организаций
и учреждений, созданных в период
с 1945 по 1957 г. включительно.
Содержит названия организаций на
русском, английском и французском
языках. Включены также названия
национальных учреждений, имеющих
международный характер.

Содержит названия организаций
на русском, английском и французском
языках. Включены также названия
национальных учреждений, имеющих
международный характер.

Содержит названия организаций
на русском, английском и французском
языках. Включены также названия
национальных учреждений, имеющих
международный характер.